

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 7 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Цифровая инфраструктура
терроризма: стратегия
уголовно-правового
противодействия

Перспективы развития
законодательства
о личных фондах

Охрана персональных данных
пациентов при оказании
медицинской помощи
(услуг) с применением
телемедицинских технологий

Свобода совести как объект
обеспечения религиозной
безопасности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 77
№ 7 (212)
июль 2024

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 16.07.2024
Объем 17,20 усл. печ. л. (13,67 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, С. И. Ершова, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 7 (212)
July 2024

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

16.07.2024
Volume: 17,20 conventional printer's sheets (13,67 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, S. I. Ershova, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Рузакова О. А., Демкина А. В.** Перспективы развития законодательства о личных фондах 9
- Иншакова А. О., Тымчук Ю. А.** Охрана персональных данных пациентов при оказании
медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий 19
- Тумаков А. В.** Цифровые и виртуальные объекты современного
гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий 30

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Боков Д. К.** Цифровая инфраструктура терроризма:
стратегия уголовно-правового противодействия 39
- Плошкина Я. М.** О необходимости института досудебного
соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе 49
- Чирков Ф. В.** Конституционные принципы уголовно-правовой
охраны духовно-нравственных ценностей 58

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Чечельницкий И. В.** Международная деятельность Уполномоченного
по правам человека в Российской Федерации: содержание, проблемы, перспективы 70
- Мещерякова А. Ф.** Свобода совести как объект обеспечения религиозной безопасности 86

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

- Черногор Н. Н.** Концепции развития российского
законодательства в параметрах академической науки 96
- Зайнутдинов Д. Р.** Солидаристское учение о праве
и государстве в трудах ученого-юриста Г. К. Гинса 109

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

- Серегин А. В.** Древнерусская правовая цивилизация 124
- Шаталов Е. А.** Организационные и правовые аспекты
деятельности органов ВЧК на местах в контексте новых
архивных документов: теоретические и историко-юридические вопросы 140

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Ruzakova O. A., Demkina A. V. Prospects for the Personal Foundations Legislation Development	9
Inshakova A. O., Tymchuk Yu. A. Patients' Personal Data Protection in Providing Medical Care (Services) Using Telemedicine Technologies	19
Tumakov A. V. Digital and Virtual Objects of Modern Civil Turnover: The Issue of Differentiation of Concepts	30

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Bokov D. K. Digital Infrastructure of Terrorism: A Strategy for Criminal Law Counteraction	39
Ploshkina Ya. M. The Need for the Institution of a Pretrial Cooperation Agreement (Pretrial Plea Agreement) in the Russian Criminal Procedure	49
Chirkov F. V. Constitutional Principles of Spiritual and Moral Values Protection under Criminal Law	58

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Chechelnitkiy I. V. International Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Content, Problems, Prospects	70
Meshcheryakova A. F. Freedom of Conscience as an Object of Religious Security	86

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Chernogor N. N. Concepts of the Development of Russian Legislation within the Parameters of Academia	96
Zaynutdinov D. R. The Solidaristic Doctrine on Law and the State in the Works of the Legal Scholar G. K. Gins	109

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

Seregin A. V. The Ancient Rus Legal Culture	124
Shatalov E. A. Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Cheka Bodies at the Local Level in the Context of New Archival Documents: Theoretical and Historical Legal Issues	140

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.009-018

О. А. Рузакова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

А. В. Демкина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Перспективы развития законодательства о личных фондах

Резюме. В России личные фонды являются одной из новейших организационно-правовых форм юридических лиц, которая была введена в Гражданский кодекс с 1 марта 2022 г. Личные фонды имеют специфический правовой статус, который сочетает в себе, по существу, и признаки некоммерческой организации — фондов традиционных, давно известных российскому правопорядку, и признаки коммерческой организации, основной целью которой является получение прибыли и ее выплата в пользу выгодоприобретателей. Некоторые особенности личных фондов позволяют соотносить их с «англосаксонскими» трастами или частными фондами континентальных правопорядков. В статье анализируется правовое положение личных фондов, а также проблемы и перспективы развития законодательства в этой сфере. В статье обосновано предложение об исключении контроля со стороны Минюста России на этапе создания фонда и об усилении нотариального «контроля» за документами фонда, правильностью их изменения нотариусами. Предложено наделить личный фонд правовым статусом квалифицированного инвестора. Авторы аргументируют необходимость исключить из перечня сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, информацию о размерах и структуре доходов личного фонда, о размерах и составе имущества, о расходах и т.п.

Ключевые слова: наследственное право; фонды; личные фонды; наследственные фонды; сохранение и наследование бизнеса; выгодоприобретатели

Для цитирования: Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.009-018

Prospects for the Personal Foundations Legislation Development

Olga A. Ruzakova

Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)
Moscow, Russian Federation

Alesya V. Demkina

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. In Russia, personal funds constitute one of the newest organizational and legal forms of legal entities that was introduced into the Civil Code on 1 March 2022. Personal funds have a specific legal status that combines, in essence, both the characteristics of a non-profit organization — traditional funds that have long been known to the Russian legal order, and the characteristics of a commercial organization whose main purpose is to make a profit and pay it to beneficiaries. Some features of personal funds allow them to be correlated with «Anglo-Saxon» trusts or private foundations of continental legal systems. The paper analyzes the legal status of personal funds, as well as problems and prospects for the development of legislation in this area. The paper substantiates the proposal to exclude control by the Ministry of Justice of the Russian Federation at the stage of foundation creation and to strengthen notarial «control» over the foundations' documents and the correctness of their changes by notaries. It is proposed to give a personal fund the legal status of a qualified investor. The authors argue the need to exclude from the list of information that cannot constitute a trade secret, information on the size and structure of income of a personal foundation, on the size and composition of property, on expenses, etc. **Keywords:** inheritance law; foundations; personal foundations; inheritance foundations; business preservation and inheritance; beneficiaries

Cite as: Ruzakova OA, Demkina AV. Prospects for the Personal Foundations Legislation Development. *Lex russica*. 2024;77(7):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.009-018

Введение

С 1 марта 2022 г. российским законодательством предусмотрена возможность регистрации личного фонда. Под ним согласно ст. 123.20-4 Гражданского кодекса Российской Федерации понимается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления.

Разновидностью личного фонда с 1 марта 2022 г. является наследственный фонд (его организационно-правовая форма была введена с 1 сентября 2018 г.¹, однако ни один наследственный фонд еще не был создан).

Учредитель личного фонда формирует его материальную основу, осуществляет контроль

над управлением фондом, а после смерти учредителя такой фонд будет продолжать существовать и его нельзя будет изменить, что должно гарантировать волю учредителя.

По данным Минэкономразвития, на март 2024 г. в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) было зарегистрировано 16 личных фондов². Цели создания личных фондов могут быть разнообразны: это и сохранение бизнеса, и обеспечение его безопасности (например, отсутствие у наследников опыта управления, нежелание дробить бизнес, управление бизнесом профессионалами, ограждение актива от долгов учредителя и его наследников, диверсификация активов учредителя и т.д.). Личный фонд выполняет несколько функций, во-первых, это способ распоряжения имуществом правообладателя, в том числе на случай смерти. Во-вторых, это способ управления своим бизнесом (бизнесом умершего наследодателя), способ сохранения бизнес-активов на

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.

² URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2024/65e829cf9a7947b91323df44> (дата обращения: 20.03.2024).

случай смерти и их приумножения. Важное значение в части наследственных правоотношений имеет неприменение к имуществу фонда норм об обязательной доле в наследстве.

Поскольку личный фонд представляет собой организацию, осуществляющую управление переданным ей учредителем имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления, то его можно определить как юридическое лицо, которое управляет чужими бизнес-активами и является своего рода «продолжателем воли» его учредителя, его «агентом».

Актуальность изучения темы личных фондов не ограничивается рамками российского законодательства и непосредственно связана с современной экономической и политической ситуацией, которая способствует развитию такого института, как редомициляция международных фондов — изменение личного закона юридического лица путем перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности. В начале апреля 2022 г. ЕС ввел новый пакет санкций (Council Regulation (EU) 2022/576³), запрещающий российским гражданам быть учредителями или бенефициарами европейских трастов, фондов или аналогичных структур. До 10 мая 2022 г. все европейские трасты должны были предпринять действия для «выхода» из отношений с россиянами. Чуть позже к этим санкциям присоединились Швейцария и Лихтенштейн. Одним из вариантов решения проблемы для российских граждан стала редомициляция фондов из стран инкорпорации в дружественные юрисдикции. При этом фонд не прекращает свое существование. Это позволяет избежать потенциально неприятного (с налоговой точки зрения) момента ликвидации одной структуры и распределения активов и создания новой⁴.

Конструкция международного фонда, предусмотренная Федеральным законом от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» для целей управления чужими бизнес-активами, вызывает вопросы в части соотношения такого управления с доверительным управлением и другими конструкциями, а также в целом в части

правовой природы международных личных фондов по управлению чужим имуществом. С учетом организационно-правовой природы международный фонд представляет собой унитарную организацию, являющуюся собственником имущества, переданного в личный фонд. В то же время имущественные права выгодоприобретателя и учредителя в их соотношении с правом собственности международного фонда свидетельствуют об определенных признаках коммерческой корпоративной организации.

Редомициляция международных фондов важна для развития экономики РФ, более эффективного налогообложения и имеет специфику по сравнению с аналогичными институтами зарубежных стран.

Аналогом российских личных фондов является конструкция частных фондов «privatstiftung», характерная для Германии, Голландии, Австрии, Лихтенштейна, Люксембурга, Швейцарии, Монако и других стран. Впервые правовое регулирование таких фондов было отражено в Германском гражданском уложении (1896 г.), в дальнейшем — в гражданском уложении Лихтенштейна в 1926 г. Так, в отличие от международных фондов, создаваемых в соответствии с законодательством Кипра, для редомициляции международного фонда в РФ не требуется разрешение прежней юрисдикции на редомициляцию, но при этом невозможна и свободная обратная редомициляция.

По законодательству Кипра к уставу редомицированного международного фонда невозможно применить иностранное право. Для международных фондов в Российской Федерации такое возможно без ограничений по сроку. Международный фонд в Российской Федерации обязан стать налоговым резидентом в новой юрисдикции, по кипрскому законодательству этого не требуется. Время, необходимое для редомициляции в РФ, составляет от 5 дней, на Кипре — 6–9 месяцев.

Некоторые особенности правового регулирования личных фондов определены российским законодателем с учетом зарубежного опыта.

Например, в Австрии различают частные фонды (аналоги личных фондов) и фонды об-

³ Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/576/oj> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Пацева Н. Релокация трастов и семейных фондов из ЕС, Лихтенштейна и Швейцарии // URL: <https://ftl-advisers.ru/relocation-trust-foundation-np/> (дата обращения: 20.03.2024).

щего и специального назначения⁵ (аналоги общественно полезных фондов), что представляет собой классификацию фондов в зависимости от их правоспособности. Согласно § 1 Закона о частных фондах (Privatstiftungsgesetz) Австрии⁶ частный фонд является юридическим лицом, которому учредитель выделяет имущество для использования, управления и эксплуатации в целях, разрешенных учредителем; фонд является юридическим лицом и должен иметь свое местонахождение внутри страны. Частный фонд не должен заниматься коммерческой деятельностью, выходящей за рамки простой вспомогательной деятельности, не вправе управлять коммерческой компанией, а также нести полную ответственность партнера в зарегистрированном партнерстве. Таким образом, частным фондом признается субъект права, который наделен имуществом, чтобы достичь поставленной учредителем цели посредством использования и управления имуществом, а также в разрешенных случаях при помощи распоряжения доходами от этого имущества. Частный фонд является юридическим лицом, не имеющим собственника. Принцип, лежащий в основе создания частного фонда, — одностороннее волеизъявление учредителя или учредителей, на основании которого имущество будет передано фонду для определенной цели. Фонд может быть создан для любой цели.

Эти и другие вопросы непосредственно влияют на специфику управления чужими бизнес-активами через конструкцию личных фондов, международных фондов. Для их решения необходимо определить правовую природу такой конструкции и специфику правового регулирования в этой сфере в сравнении с зарубежными аналогами, а также перспективы развития законодательства в этой сфере.

Основная часть

Управление имуществом в рамках личного фонда имеет следующие особенности, обусловленные современными механизмами правового регулирования.

Во-первых, специфика субъектного состава. Учредителем фонда может быть только одно лицо или супруги в части их совместного имущества. Учредитель не может быть заменен, однако если фонд учрежден супругами, то один из супругов может выйти из числа учредителей фонда. Хотя из п. 3 ст. 123.20-4 ГК РФ это явно не следует, но представляется, что в случае расторжения брака, а также раздела имущества супругов в период брака один из них может выйти из состава учредителей. В уставе целесообразно предусмотреть последствия на случай, если супруг прекратит статус учредителя фонда, в том числе в связи с расторжением брака, включая последствия имущественного характера, например в части выплат, право на которые может иметь супруг, если он одновременно является выгодоприобретателем в фонде.

Во-вторых, право собственности на имущество, переданное личному фонду, возникает у фонда как юридического лица. Стоимость имущества, передаваемого учредителем в личный фонд (за исключением наследственного фонда), должна составлять не менее 100 млн руб., что представляет собой достаточно значимую сумму, учитывая, что, например, в законодательстве Лихтенштейна (страна с достаточно высоким уровнем жизни, на душу населения которой ВВП составляет 150 тыс. долл.) установлен минимальный размер для учреждения фонда — 30 тыс. либо франков, либо долларов, либо евро (§ 13 ст. 552 Закона о лицах и организациях⁷). В 2017 г. эта сумма составляла 27 000 долл.⁸

В-третьих, особый характер ответственности учредителя личного фонда, отличный от общих норм об ответственности в фонде, предусмо-

⁵ Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Bundes-Stiftungs- und Fondsgesetz 2015, Fassung vom 11.05.2024 (Федеральный закон Австрии о фондах специального и общего назначения) // URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20009435> (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ URL: <https://urafinance.com/zashhita-aktivov-trasty-i-fon>; Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Privatstiftungsgesetz, Fassung vom 21.06.2024 // URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10003154> (дата обращения: 20.03.2024).

⁷ URL: <https://www.gesetze.li/konso/1926.004> (дата обращения: 30.03.2024).

⁸ См.: Ломовцева Е. А. Вопросы учреждения наследственных фондов: новеллы российского законодательства и зарубежный опыт // Образование и право. 2017. № 11. С. 105–109.

тренных пунктом 1 ст. 7 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», в соответствии с которым учредители не отвечают по обязательствам созданного ими фонда, а фонд не отвечает по обязательствам своих учредителей. В личном фонде учредитель несет субсидиарную ответственность перед кредиторами в течение трех лет со дня создания фонда, а также до пяти лет, если суд посчитает уважительной причину невозможности обращения кредитора с требованиями к фонду, что позволяет избежать злоупотреблений со стороны учредителя фонда.

В-четвертых, в отличие от общепользовательских фондов, личный фонд не обязан публиковать отчет об использовании имущества, кроме случаев, когда это прямо предусмотрено условиями управления личным фондом и выражает волю учредителя. В перспективе возможно решение на законодательном уровне вопроса об освобождении личных фондов от обязанности раскрытия информации в качестве некоммерческой организации с сохранением лишь необходимости предоставления отчетности в налоговые и иные соответствующие органы, отчетность в отношении которых характерна для коммерческих организаций.

Несмотря на то, что возможность использовать личные фонды для управления бизнесом при жизни учредителя появилась чуть больше двух лет назад, Минэкономразвития РФ в марте 2024 г. предложил к обсуждению ряд поправок, направленных, по мнению разработчика, на упрощение регулирования личных фондов⁹.

Личные фонды — это эффективный инструмент управления имуществом. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается, что именно анализ правоприменительной практики выявил потребность в изменении регулирования личных фондов, связанном с целеполаганием и природой личных фондов как механизма управления активами физического лица.

Какие же изменения, касающиеся статуса личных фондов, могут ждать бизнес и как они повлияют на его безопасность, а также в чем

специфика правовой природы данного юридического лица?

Одна из основных целей фонда — это, безусловно, обеспечение интересов учредителя фонда, потенциального наследодателя. Учредитель фонда заинтересован в том, чтобы управлять фондом по своему усмотрению с максимальной диспозитивностью для самостоятельного определения форм и методов управления.

В соответствии с п. 1 ст. 123.20-7 ГК РФ при жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов, определяются учредителем в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом. После смерти учредителя органы фонда формируются и изменяются согласно уставу и условиям управления этого фонда, причем лица, входящие или имеющие право войти в состав органов личного фонда, а также выгодоприобретатели этого фонда вправе требовать формирования и изменения органов личного фонда в соответствии с его уставом и условиями управления личным фондом. Уставом личного фонда и условиями управления им может быть предусмотрен порядок определения членов коллегиальных органов личного фонда и лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа личного фонда, в случае их выбытия, в том числе подназначение указанных лиц из определенного списка.

Согласно п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ в случаях, предусмотренных уставом личного фонда, в нем создаются высший коллегиальный орган и попечительский совет, в состав которых могут входить выгодоприобретатели или учредитель личного фонда. Уставом может быть предусмотрено также создание надзорного органа личного фонда, полномочия которого состоят в осуществлении надзора за деятельностью органов личного фонда, в согласовании совершения личным фондом определенных в уставе юридически значимых действий и (или) в принятии решения о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа личного фонда, нарушившего свою обязанность действовать добросовестно или разумно

⁹ Проект федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=ee657173-31f3-47ad-a0bd-8f7b89293eb8>; проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=0d0ff10c-2a58-4a1b-848f-04380701b0be>.

в интересах личного фонда и (или) его выгодоприобретателей, и о назначении временного единоличного исполнительного органа личного фонда. Согласно п. 5 названной статьи уставом личного фонда может быть предусмотрена необходимость получения согласия высшего коллегиального органа, надзорного органа или иного органа личного фонда на совершение фондом указанных в уставе сделок.

ГК РФ не предусматривает специальных норм в части компетенции, порядка управления, формирования органов управления, принятия решений органами личного фонда, определения кворума на общем собрании и т.п. Таким образом, порядок управления определен общими нормами законодательства о некоммерческих организациях. В соответствии с ч. 4 ст. 29 Федерального закона «О некоммерческих организациях» общее собрание членов некоммерческой организации или заседание коллегиального высшего органа управления некоммерческой организацией правомочно, если на указанном собрании или заседании присутствует более половины его членов. Решение указанного общего собрания или заседания принимается большинством голосов членов, присутствующих на собрании или заседании. Решение общего собрания или заседания по вопросам исключительной компетенции высшего органа управления некоммерческой организацией принимается единогласно или квалифицированным большинством голосов в соответствии с названным Федеральным законом, иными федеральными законами и учредительными документами.

Так, отмечается, что при принятии решения большинством голосов выгодоприобретателей воля учредителя, несмотря на то что именно он наделил фонд имуществом, может быть не учтена, хотя она должна быть приоритетна по сравнению с волей выгодоприобретателей, что на практике вызывает обоснованное недовольство учредителей. Для целей решения проблемы предлагается предоставить право учредителю (учредителям) устанавливать как порядок формирования органов, так и порядок определения кворума (например, ввести право вето учредителя) и принятия решения органами управления личного фонда.

Однако учредитель, несмотря на отсутствие у него корпоративных прав по отношению к фонду, сохраняет контроль за деятельностью личного фонда, и именно он настраивает модель управления бизнесом.

Минэкономразвития РФ предлагает соответствующие нормы ГК РФ изложить в следующей редакции: «При жизни учредителя личного фонда состав органов, их компетенция, порядок определения кворума и принятия решений, а также лица, входящие в состав органов этого фонда, или порядок формирования органов фонда определяются учредителем личного фонда в соответствии с ГК РФ, уставом и условиями управления личным фондом».

Представляется, что все эти полномочия есть у учредителя личного фонда и в соответствии с действующей редакцией положений ГК РФ.

При этом такая широкая диспозитивность положений ГК РФ об органах личного фонда — специфика правовой природы личных фондов, позволяющая именно учредителю определять структуру управления его бизнесом, обеспечивая этим безопасность и сохранность бизнеса.

Среди основных проблем могут быть выделены проблемы государственной регистрации личного фонда через Министерство юстиции РФ как некоммерческой организации со всеми особенностями правового режима некоммерческих организаций частного правового (например, проверка на неповторяемость наименования организации) и публично-правового характера с учетом общественно значимых целей некоммерческих организаций (проверка на отнесение к категории иностранного агента). Кроме того, согласно п. 7–8 ст. 123.20-4 ГК РФ для личных фондов предусмотрена необходимость нотариального удостоверения решения учредителя личного фонда об учреждении личного фонда; завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда, включающего в себя решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда, а также условия управления наследственным фондом. Устав личного фонда и условия управления им подлежат нотариальному удостоверению. Такое удостоверение в совокупности с проверкой Минюстом России приводит к множественности контрольных функций и к утрате интереса со стороны учредителей и возврату их вновь в юрисдикции иностранных государств.

Предлагается исключить распространение норм указанного закона на личные фонды, а вместо контроля Минюста РФ на этапе создания фонда установить «контроль» со стороны нотариусов за документами фонда, правильностью их изменения.

Идею о регистрации личных фондов в обычном порядке, как коммерческих организаций,

стбит поддержать. Как отмечалось, личный фонд — это способ управления бизнесом, поэтому нормы Федерального закона «О некоммерческих организациях» по сути и правовой природе этого фонда не должны применяться к данному виду юридического лица.

В связи с вышеизложенным высказывается предложение об упрощении регистрации личных фондов в части передачи функций по государственной регистрации Федеральной налоговой службе и применения процедуры, характерной для коммерческих организаций.

Таким образом, выявлена необходимость внесения изменений в следующие законодательные акты: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О некоммерческих организациях», Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1), Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и др.

В частности, в Гражданском кодексе РФ (п. 8 ст. 123.20-4) необходимо закрепить функции нотариусов как по удостоверению решения об учреждении личного фонда, так и по проверке соответствия устава личного фонда требованиям законодательства с точки зрения рассмотрения его в качестве сделки, включая проверку субъектного состава — учредителя (супругов-учредителей). Предлагается также в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате внести соответствующие изменения в ст. 63.2, объединив в ней действия нотариуса по созданию любых личных фондов (не только наследственных), либо ввести статью 63.3 о создании личных (прижизненных) фондов, определив, что нотариус удостоверяет устав личного фонда и условия управления им (названные документы проверяются на соответствие их требованиям законодательства Российской Федерации), не ограничиваясь удостоверением подписи наследодателя на названных документах. В то же время данное уточнение будет излишним, поскольку ГК РФ уже устанавливает требование о том, что ука-

занные документы личного фонда подлежат нотариальному удостоверению, что означает необходимость их проверки нотариусом¹⁰. Напротив, предусматривая подобные изменения в ГК РФ, разработчики поправок могут создать у правоприменителя сомнения, возможны ли какие-либо действия, если ГК РФ об этом прямо не говорит.

В науке неоднократно ставился вопрос о наделении личного фонда правовым статусом квалифицированного инвестора¹¹. В соответствии с международной практикой квалифицированным инвестором признается лицо, опыт и квалификация которого позволяют ему адекватно оценивать риски, связанные с инвестициями в те или иные фондовые инструменты, и самостоятельно осуществлять операции с ценными бумагами на основе таких оценок.

Перечень квалифицированных инвесторов определен в ст. 51.2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Согласно данному закону, квалифицированные инвесторы вправе приобретать ценные бумаги или заключать на торгах биржи договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, предназначенными для квалифицированных инвесторов, в том числе:

- 1) заключать договоры репо, указанные в п. 7 ст. 14;
- 2) приобретать облигации без срока погашения («вечные облигации») (п. 2 ст. 27.5-7);
- 3) заключить на торгах биржи договор, являющийся производным финансовым инструментом, предусматривающий обязанность одной стороны уплачивать денежные суммы в зависимости от наступления обстоятельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении одним или несколькими юридическими лицами, государствами или муниципальными образованияами своих обязательств (п. 6 ст. 51.4).

Названные полномочия, присущие исключительно квалифицированным инвесторам, имеют очень важное значение и для личных фондов. Их вложения в ценные бумаги осуществляются, как правило, на профессиональной

¹⁰ Подробнее о нотариальном удостоверении устава, условий управления личным фондом см.: Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 20 апреля 2023 г. № 228-2.1/2023 «О проекте федерального закона “О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате”» (в части регламентации создания личных фондов).

¹¹ См.: Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

основе. Однако в соответствии с п. 5 ст. 51.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» юридическое лицо может быть признано квалифицированным инвестором, если оно является коммерческой организацией или международным фондом, зарегистрированным в соответствии с Федеральным законом «О международных компаниях и международных фондах» в целях совершения операций с ценными бумагами российских эмитентов.

Перечень имущества, входящего в личный фонд, и виды деятельности, которыми он может заниматься, практически не определены законодательством. Законодательством не предусматривается необходимость получения каких-либо лицензий, в том числе в части управления денежными средствами, в отличие от банковских организаций. Соответственно, личные фонды не подпадают под контроль Центрального банка РФ. Однако в случае привлечения биржевых инструментов фонд в настоящее время может осуществлять такие виды деятельности только через профессионального участника рынка ценных бумаг. Наделение личного фонда статусом квалифицированного инвестора позволило бы решить названную проблему.

В числе предложений по изменению законодательства можно выделить предложение по выходу из состава учредителей. Действующие положения ГК РФ запрещают «соучредительство» и замену учредителя личного фонда (ст. 123.20-4 ГК РФ). Соучредительство возможно только для супругов, они передают такому фонду общее имущество (ст. 256 ГК РФ). По этому критерию личный фонд отличается от коммерческих корпоративных организаций, которые предполагают возможность соучредительства.

Указанное правило Минэкономразвития РФ предлагает дополнить уточнением, что, если учредителями личного фонда являются супруги, один из них вправе выйти из состава учредителей в любое время без согласия второго учредителя, уведомив его о своем выходе. Выход из состава учредителей, в результате которого в личном фонде не остается ни одного учредителя, и выход единственного учредителя не допускаются.

Представляется, что данное положение излишне, поскольку нормы ГК РФ носят диспозитивный характер: согласно ст. 9 ГК РФ граждане осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению. В ГК РФ

запрет на выход одного из супругов — соучредителей личного фонда не установлен. Представляется, что подобные вопросы (что делать, если супруги расторгнут брак, если кто-то из супругов будет признан недееспособным, признан безвестно отсутствующим, объявлен умершим и т.д.) в целях беспрепятственного управления бизнесом должны быть заранее прописаны в уставе личного фонда, должны быть предусмотрены порядок и последствия выхода или невозможности по указанным выше причинам осуществлять права учредителя личного фонда.

Кроме того, не допускается замена учредителя личного фонда и безвозмездная передача иными лицами имущества в личный фонд (ст. 123.20-4 ГК РФ), что гарантирует обособление имущества и невозможность его смешения. В данном случае всегда будет определен учредитель, и только он имеет право на пополнение активов фонда.

Заслуживает поддержки предложение об изменении в ст. 5 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», предусматривающих исключение из перечня сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну. Таким образом, к коммерческой тайне после указанных изменений может быть отнесена информация о размерах и структуре доходов личного фонда, о размерах и составе имущества, о расходах и т.п.

Представляется, что в целях обеспечения безопасности бизнеса, безопасности информации необходимо ограничить доступ к документам личного фонда: решениям об учреждении и уставу, условиям управления и иным внутренним документам.

Статья 123.20-6 ГК РФ регламентирует положение выгодоприобретателя личного фонда. Из планируемых изменений в отношении выгодоприобретателей Минэкономразвития РФ предложено только следующее ограничение: «Выгодоприобретателем личного фонда не могут являться лица, в отношении которых должны применяться меры по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма»». Хотелось бы отметить, что место этой нормы не в ГК РФ. В целом статус выгодоприобретателя представляет значительный интерес и является отдельным предметом исследования.

Заключение

Подводя итог анализу правовой природы личных фондов и перспективам развития законодательства о названной организационно-правовой форме, следует отметить, что основные тенденции в данной сфере связаны с развитием принципа диспозитивности, с повышением привлекательности формы личных фондов.

Личные фонды не являются традиционной формой некоммерческой организации. Если иные некоммерческие организации могут заниматься только приносящей доход деятельностью, то фонды вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, а также быть учредителями и участниками хозяйственных обществ. Таким образом, личный фонд — это организация, которая обладает признаками как коммерческих, так и некоммерческих организаций, причем акцент может быть сделан в большей степени в пользу первых, хотя ГК РФ относит такую организационно-правовую форму ко второму виду.

Очевидно, что законодательство, определяющее правовое положение личных фондов, нуждается в корректировке, однако не все предложения Минэкономразвития могут быть

поддержаны. Так, с учетом действующего законодательства и юридической техники предложение об определении при жизни учредителя личного фонда состава органов, их компетенции, порядка определения кворума и принятия решений, а также лиц, входящих в состав органов этого фонда, или порядка формирования органов фонда учредителем личного фонда в соответствии с ГК РФ, уставом и условиями управления личным фондом не могут быть поддержаны, поскольку действующая редакция ГК РФ не ограничивает перечисленные возможности.

В статье обоснованы предложения об исключении контроля со стороны Минюста России на этапе создания фонда и усилении нотариального «контроля» за документами фонда, правильностью их изменения со стороны нотариусов, а также о наделении личного фонда правовым статусом квалифицированного инвестора.

Заслуживает поддержки предложение об исключении из перечня сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, информации о размерах и структуре доходов личного фонда, о размерах и составе имущества, о расходах и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 63–74.

Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

Рыков И. Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. М., 2019.

Шведов А. А. Субсидиарная ответственность руководителя должника как способ защиты прав кредиторов // Судья. 2018. № 4. С. 1–10.

REFERENCES

Demkina AV. Personal Funds under the Succession Law Reform. *Property Relations in the Russian Federation*. 2021;12:63-74. (In Russ.).

Koshelev YaS. Personal funds: «Russian trusts» as a new impetus for the development of Russian law. *SPS «ConsultantPlus»*. 2023.

Rykov IYu. *Subsidiary responsibility: Trends in modern management*. Moscow; 2019. (In Russ.).

Shvedov AA. Subsidiary responsibility of the Debtor's Manager as a way to Protect the Rights of Creditors. *The Judge*. 2018;4:1-10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рузакова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного права имени С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации д. 76, Вернадского пр-т, г. Москва 119454, Российская Федерация

Демкина Алеся Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, внешний эксперт Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников Финансового университета при Правительстве Российской Федерации д. 49/2, Ленинградский пр-т, г. Москва 125167, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Ruzakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Lebedev Department of International Private Law, Moscow State Institute of International Relations (University) under Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Moscow, Russian Federation

Alesya V. Demkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, External Expert, Institute for Advanced Training and Professional Retraining of the Financial University Faculty under the Government of the Russian Federation Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 23 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 июня 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 23.03.2024.

Revised 14.06.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.019-029

А. О. Иншакова

Ю. А. Тымчук

Волгоградский государственный университет

г. Волгоград, Российская Федерация

Охрана персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий

Резюме. В исследовании рассматриваются дискуссионные вопросы охраны персональных данных пациентов, которым медицинская помощь (медицинские услуги) оказывается с применением телемедицинских технологий в России. С учетом анализа отечественного законодательства, доктринальных источников, актуальной судебной практики, а также локальных актов конкретных организаций, обращается внимание на существующие терминологические проблемы, ограниченную сферу применения телемедицинских технологий, риски нарушения врачебной тайны в цифровой среде и пробельность законодательства в данной области, формальный подход медицинских организаций к вопросам обработки персональных данных пациентов, а также отсутствие единой централизованной информационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие пациентов и медицинских работников, получающих медицинскую помощь, как в подведомственных федеральным органам исполнительной власти, исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления медицинских организациях, так и в частных медицинских организациях, создаваемых юридическими и физическими лицами. По итогам проведенного исследования сформулированы основные принципы и направления совершенствования правового регулирования охраны персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий в целях снижения рисков нарушения врачебной тайны.

Ключевые слова: телемедицинские технологии; пациент; персональные данные; врачебная тайна; согласие на обработку персональных данных; агрегаторы медицинских услуг; электронная карточка; онлайн-консультации; медицинские специалисты; медицинские организации

Для цитирования: Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Охрана персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 19–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.019-029

Patients' Personal Data Protection in Providing Medical Care (Services) Using Telemedicine Technologies

Agnes O. Inshakova

Yulia A. Tymchuk

Volgograd State University

Volgograd, Russian Federation

Abstract. The study examines the controversial issues of protecting the personal data of patients who receive medical care (medical services) using telemedicine technologies in Russia. Taking into account the analysis of domestic legislation, doctrinal sources, current judicial practice, as well as local acts of specific organizations, attention is drawn to existing terminological problems, the limited scope of telemedicine technologies, the risks of violating medical secrecy in the digital environment and the gap in legislation in this area, the formal approach of medical organizations to the processing of personal data of patients, and the lack of a unified centralized

© Иншакова А. О., Тымчук Ю. А., 2024

information infrastructure that ensures the interaction of patients and medical workers receiving medical care, both in medical organizations subordinate to federal executive authorities, executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation, local governments, and in private medical organizations created by legal entities and individuals. Based on the results of the study, the authors elucidate the basic principles and directions for improving the legal regulation of the protection of personal data of patients in the provision of medical care (services) using telemedicine technologies in order to reduce the risks of violation of medical confidentiality.

Keywords: telemedicine technologies; patient; personal data; medical secrecy; consent to the processing of personal data; aggregators of medical services; electronic card; online consultations; medical specialists; medical organizations

Cite as: Inshakova AO, Tymchuk YuA. Patients' Personal Data Protection in Providing Medical Care (Services) Using Telemedicine Technologies *Lex russica*. 2024;77(7):19-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.019-029

Введение

Повсеместное внедрение цифровых технологий, технологий индустрии 4.0, в том числе почти во все области профессиональной и научной деятельности, существенно повлияло на содержание широкого спектра общественных отношений, урегулированных правом. В последние несколько лет на фоне COVID-19 и возникших чрезвычайных событий в области здравоохранения существенно актуализировались вопросы¹, связанные с расширением форм взаимодействия между врачом и пациентом для своевременного, доступного и эффективного оказания медицинской помощи². В то же время в условиях развития российского законодательства о медицинской деятельности, возникновения новых платформ и агрегаторов, обеспечивающих информационное взаимодействие и собственно оказание медицинской

помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий, недостаточно урегулированы вопросы соблюдения в цифровой среде врачебной тайны³, создания условий для ее надлежащего обеспечения и недопущения разглашения сведений, которые относятся к врачебной тайне, а также персональных данных пациента. Так, очевидно, что в процессе использования информационных технологий, обеспечивающих дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц⁴, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов⁵, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента, закономерно происходит сбор и обработка данных о пациенте, которые имеют различный правовой режим⁶. При этом такие данные при отсутствии

¹ Borda M., Grishchenko N., Kowalczyk-Rólczyńska P. Patient Readiness for Remote Healthcare Services in the Context of the COVID-19 Pandemic: Evidence From European Countries // *Front. Public Health*. 2022. Vol. 10.

² См.: Чельшьева Н. Ю. Особенности правового регулирования применения цифровых технологий в здравоохранении как гарантия обеспечения надлежащего качества медицинских услуг // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 2 (12). С. 18–22; Смышляев А. В., Мельников Ю. Ю., Платонова Н. И. Телемедицинские технологии в системе оказания первичной медико-санитарной помощи в Российской Федерации на современном этапе: правовой аспект // *Медицинское право*. 2018. № 6. С. 16–21; Соколенко Н. Н., Багнюк М. Е., Багнюк Д. В. Оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий: некоторые проблемы правового регулирования // *Медицинское право*. 2018. № 4. С. 14–17.

³ Акулин И. М., Чеснокова Е. А., Смирнова К. М., Пресняков Р. А. Трансформация института врачебной тайны в эпоху электронного здравоохранения // *Закон*. 2019. № 9. С. 179–189.

⁴ Ковалева Н. Н. Способы идентификации личности в условиях использования телемедицинских технологий // *Аграрное и земельное право*. 2021. № 7 (199). С. 142–146.

⁵ Поспелова С. И., Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Каменская Н. А. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития // *Медицинское право*. 2018. № 5. С. 24–33.

⁶ Кравчук Е. В., Дмитриенко Л. Б., Косенкова Т. В., Иванова Г. Н. Особенности оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий в Российской Федерации // *Многопрофильная больница*. 2018. № 5 (2). С. 89–91.

надлежащих технических способов и средств их защиты могут стать доступны не только непосредственно медицинскому работнику, но и операторам медицинских информационных систем или третьим лицам. Соответственно, несмотря на многочисленные преимущества использования телемедицины⁷, очевидно, что для снижения рисков нарушения врачебной тайны, под которой в ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понимаются сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, а также иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, требуется разработка комплексного решения обозначенной проблемы⁸, включающего как правовые⁹, так и технические меры.

Нормативной базой исследования послужили Конституция Российской Федерации¹⁰, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹¹ (далее — Закон № 323-ФЗ), приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»¹², а также постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора

и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан»¹³.

Теоретическую основу исследования составили научные работы преимущественно российских исследователей, таких как: И. М. Акулин, М. Е. Багнюк, Д. В. Багнюк, О. О. Базина, М. С. Благодарева, С. В. Блинов, А. В. Буянова, Е. М. Вавилова, М. С. Варюшин, М. А. Винокурова, М. И. Галюкова, И. В. Григорьев, М. В. Демченко, Л. Б. Дмитриенко, Т. В. Заметина, Г. Н. Иванова, Н. А. Каменская, А. А. Карцхия, Н. Н. Ковалева, Т. В. Косенкова, Е. В. Кравчук, Д. В. Кузнецов, Н. М. Кузьмина, М. А. Липчанская, С. В. Мартиросян, Д. Е. Матыцин, Ю. Ю. Мельников, А. С. Михайлова, Е. А. Новикова, Ю. В. Павлова, Т. В. Пашнина, Т. А. Плаксунова, Н. И. Платонова, Е. Б. Подузова, С. И. Поспелова, Р. А. Пресняков, С. Н. Ревина, Ю. Д. Сергеев, А. В. Сидорова, С. С. Сименюра, К. М. Смирнова, А. В. Смышляев, Н. Н. Соколенко, М. Ю. Старчиков, Н. Ю. Челышева, Е. А. Чеснокова, И. В. Шабабов.

В исследовании авторами были использованы общенаучные методы, среди которых диалектический, индуктивный, дедуктивный, прогностический, анализ, синтез, и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, метод юридического толкования.

Основная часть

Конституционное право на медицинскую помощь закреплено в ст. 41 Конституции РФ и ряде международных актов. Реализация указанного права зависит от многих факторов, в числе кото-

⁷ Базина О. О., Сименюра С. С. Телемедицина: достоинства, недостатки, реалии (правовой анализ и практическое применение) // Медицинское право. 2020. № 3. С. 32–38.

⁸ Буянова А. В. Телемедицинские проблемы регулирования и правоприменения // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 235–238.

⁹ См.: Ковалева Н. Н., Новикова Е. А. Особенности правового регулирования телемедицинских технологий в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 150–152; Матыцин Д. Е., Плаксунова Т. А. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 89–99.

¹⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹² Галюкова М. И. Правовые аспекты оказания медицинской помощи пациенту посредством телекоммуникационных технологий: достижения и пробелы законодателя // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 190–192; Вавилова Е. М., Демченко М. В. Развитие правового регулирования телемедицины в Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 1. С. 48–51; Винокурова М. А., Пашнина Т. В. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 126–139.

¹³ СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5693.

рых доступность и своевременность медицинской помощи для пациентов. Одним из способов, направленных на разрешение проблемы доступности медицинской помощи, является использование дистанционных технологий взаимодействия между пациентом и медицинским работником — телемедицинских технологий¹⁴, определение которых закреплено в п. 22 ст. 2 Закона № 323-ФЗ. Возможно обозначить ряд характерных признаков телемедицинских технологий:

- определение через категорию «информационные технологии»;
- основные субъекты взаимодействия: медицинский работник, пациент и (или) его законный представитель;
- схемы взаимодействия между субъектами: медицинские работники между собой, медицинский работник и пациент;
- формат взаимодействия — дистанционный (в данном контексте имеется в виду, что, в частности, врач в ходе телемедицинской консультации находится в кабинете медицинской организации, а пациент в любой точке мира);
- функциональные особенности технологии: обеспечение документирования совершаемых действий, идентификации и аутентификации субъектов взаимодействия. Следует обратить внимание на то, что идентификация и аутентификация субъектов могут производиться через портал «Госуслуги».

Иные особенности возможно обнаружить при анализе ст. 36.2 Закона № 323-ФЗ. Среди них:

- ограниченная сфера применения (консультации для принятия решения о необходимости очного приема, профилактика, медицинское наблюдение и пр.).

Например, в одном из дел ГУП обратилось в суд с заявлением о признании недействительным предписания уполномоченного органа, из которого следует, что на предприятие возложена обязанность в установленный срок провести предрейсовые и послерейсовые осмотры водителей. Данная обязанность исполнялась предприятием и до выдачи предписания, предрейсовые и послерейсовые осмотры водителей

проводились с использованием телемедицинских технологий. Суд в удовлетворении заявления отказал, сославшись на то, что законом не предусмотрено проведение подобных видов осмотров с использованием телемедицинских технологий¹⁵;

- обязательность соблюдения законодательства в области защиты персональных данных и врачебной тайны.

Соответственно, оказание медицинских услуг (медицинской помощи), в том числе с применением телемедицинских технологий, связано с обработкой персональных данных пациентов, которые можно отнести к специальным категориям персональных данных с особым правовым режимом их охраны (правовой режим врачебной тайны).

Вместе с тем целесообразно сделать несколько терминологических уточнений, основанных на действующем законодательстве, что будет способствовать корректной формулировке и толкованию выводов по итогам проведенного исследования.

Так, определение понятия «врачебная тайна», соблюдение которой выступает одним из ключевых принципов охраны здоровья, содержится в ч. 1 ст. 13 Закона № 323-ФЗ.

Анализ нормы позволяет констатировать, что, во-первых, «персональные данные» и «информация, составляющая врачебную тайну», не разграничены, в связи с чем одна и та же по содержанию информация о пациенте может быть квалифицирована одновременно и как персональные данные, и как информация, составляющая врачебную тайну; во-вторых, норма фактически содержит открытый перечень сведений, которые могут входить в содержание понятия врачебной тайны. Представляется, что основное их отличие от массива сведений о конкретном физическом лице состоит в специфике их получения — при медицинском обследовании и лечении. В этой же статье содержится широкий спектр вполне обоснованных исключений из общего правила о запрете разглашения врачебной тайны. В то же время назвать закрепленный в норме перечень исключений полным сложно, что закономерно порождает проблемы

¹⁴ *Благодарева М. С., Григорьев И. В., Мартиросян С. В.* Правовое регулирование оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий нормативными актами Российской Федерации // *Уральский медицинский журнал*. 2022. № 21 (5). С. 138–149 ; *Михайлова А. С.* К вопросу о телемедицине и не только // *Медицинское право*. 2022. № 4. С. 38–44.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.02.2019 № Ф03-5399/2018 по делу № А59-3632/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

в правоприменительной практике. Сказанное относится к необходимости получения сведений, составляющих врачебную тайну, адвокату на основании направленного им в медицинскую организацию адвокатского запроса¹⁶ или же родственникам умершего гражданина (если последний при жизни не выразил зафиксированного документально волеизъявления о возможности предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, третьим лицам).

Например, гражданка М. обратилась в суд с иском, из которого следовало, что она с целью проведения экспертизы качества оказания медицинской помощи ее отцу, умершему во время лечения в больнице, и направления ей результатов экспертизы, направила заявление в облздрав, который, проведя внеплановую документальную проверку, отказал гражданке М. в ознакомлении с ее результатами, сославшись на служебную и профессиональную тайну. Гражданка М. посчитала отказ и действия облздрава незаконными, однако в иске суд первой инстанции ей отказал¹⁷. Поддержали позицию гражданки М. суды апелляционной и кассационной инстанций, которые пришли к выводу: отказ в предоставлении сведений и документов гражданке М. — дочери умершего не соответствует закону, поскольку ее отец при жизни не выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну¹⁸.

Очевидно, что сходные проблемы могут возникнуть и при оказании медицинских услуг

(помощи) с применением телемедицинских технологий.

В России сфера телемедицины является одним из приоритетных направлений государственного развития¹⁹. Данный тезис подтверждается как последними событиями, возникшими в связи с пандемией COVID-19 и ставшими триггером для усиления процессов цифровизации здравоохранения²⁰, так и принятыми подзаконными нормативными актами, которые направлены на масштабирование процессов использования телемедицинских технологий в медицинской деятельности²¹.

В целом нормативные основы оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий закреплены в Законе № 323-ФЗ, а также в принятом во исполнение его положений приказе Минздрава России от 30.11.2017 № 965н.

Установленный постановлением Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 экспериментальный правовой режим направлен на расширение возможностей проведения для пациента консультаций с применением телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи в плановой форме при обращении по поводу заболевания (состояния), диагноз которого был установлен пациенту на очном приеме лечащим врачом, и при продолжении лечения по выбору пациента другим врачом той же медицинской организации по тому же заболеванию (состоянию) с возможностью коррекции назначенного

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

¹⁷ Решение Советского районного суда города Волгограда от 06.12.2022 по делу № 2а-3062/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 13.04.2023 по делу № 2а-3062/2022, 33а-4192/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.01.2020 № 4-КА19-30 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Блинов С. В., Кузьмина Н. М., Ревина С. Н., Сидорова А. В. Основные подходы к определению содержания термина «телемедицина» // Юрист. 2019. № 5. С. 58–63; Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 6–17; Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3 (13). С. 39–46; Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. 2018. № 1. С. 165–174.

²⁰ Платонова Н. И., Шахабов И. В., Смышляев А. В., Кузнецов Д. В. Телемедицинские технологии в условиях пандемии COVID-19 // Медицинское право. 2021. № 1. С. 21–28.

²¹ Старчиков М. Ю. Правовая регламентация оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: проблемные вопросы и пути их разрешения // СПС «КонсультантПлюс», 2019; Он же. Проблемные вопросы правовой регламентации оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: законодательство и судебная практика // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

лечения или назначения лечения, а также на установление возможности назначения дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента по результатам консультации с применением телемедицинских технологий.

В то же время в данном нормативном акте прямо указано, что утвержденная этим постановлением Программа экспериментального правового режима не устанавливает порядок и условия обезличивания и последующей обработки персональных данных при условии обязательного обезличивания персональных данных. Очевидно, что субъекты экспериментального правового режима — 28 названных в нормативном акте медицинских организаций — обязаны соблюдать положения о врачебной тайне и общие положения об обработке персональных данных пациентов, несмотря на специфику формы взаимодействия между медицинским работником и пациентом.

По общему правилу каждая медицинская организация вне зависимости от принадлежности к государственной, муниципальной или частной системе здравоохранения, при обращении пациента за оказанием медицинской помощи обязана получить от него согласие на обработку персональных данных, за исключением случаев, когда это не обязательно. В стандартных условиях очного обращения в медицинскую организацию оно оформляется в письменной форме на бумажном носителе. Содержание указанного согласия позволяет ученым-цивилям отнести его к гражданско-правовой сделке²².

Зачастую содержание согласия имеет формальный характер, поскольку дословно включает формулировки правовых норм о врачебной тайне и не отражает конкретной цели использования персональных данных пациентов. Такой документ с точки зрения пациента не позволяет оценить сущность и характер действий, которые могут быть произведены с его персональными данными.

Как показывает практика, частные медицинские организации широко внедряют теле-

медицинские технологии, создавая собственные каналы дистанционного взаимодействия с пациентами и способы фиксации информации и данных о пациенте. В то же время порядок получения согласия на обработку персональных данных (форма согласия, порядок подписания и пр.), аудио- и видеозаписи дистанционной консультации не регламентированы на законодательном уровне. Соответственно, нарушение врачебной тайны может выражаться в осуществлении в отсутствие согласия пациента аудио-, видеозаписи медицинской консультации или вмешательства, включая его трансляцию. Не исключаются и такие обстоятельства, как присутствие студентов-практикантов во время медицинской консультации пациента в дистанционном режиме. В то же время пациент согласия на присутствие третьих лиц во время дистанционной консультации также мог не выразить. При таких обстоятельствах очевидны высокие риски разглашения данных, которые относятся в том числе к врачебной тайне.

Медицинские консультации с использованием телемедицинских технологий могут также проводиться медицинскими специалистами посредством обращения заинтересованных лиц к медицинским агрегаторам, на которых в публичном доступе в сети Интернет размещаются сведения о возможности получения пациентами онлайн-консультаций.

Один из таких агрегаторов — «СберЗдоровье». Этот сервис позволяет найти проверенного площадкой врача, записаться к нему на прием и получить консультацию, в том числе онлайн. Рассмотрим локальные акты, которыми урегулирован порядок проведения медицинских онлайн-консультаций на платформе «СберЗдоровье»:

- положение о защите персональных данных пользователей сервиса «СберЗдоровье»²³;
- согласие на обработку персональных данных при использовании сервиса «СберЗдоровье»/«ДокДок»²⁴;
- пользовательское соглашение²⁵.

²² Подузова Е. Б. Охрана информации, составляющей врачебную тайну, в сфере применения технологий «искусственного интеллекта» в digital-медицине // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 68–74.

²³ URL: <https://docdoc.ru/confidentiality?ga=2.15711029.2478570.1700061070-1709930138.1700061070> (дата обращения: 15.11.2023).

²⁴ URL: https://docdoc.ru/agreement?_ga=2.250936453.2478570.1700061070-1709930138.1700061070 (дата обращения: 15.11.2023).

²⁵ URL: https://docdoc.ru/offer?_ga=2.250936453.2478570.1700061070-1709930138.1700061070#general (дата обращения: 15.11.2023).

«СберЗдоровье» администрируется обществом с ограниченной ответственностью «Док-Док» (далее — администрация). В связи с этим пользовательское соглашение заключается между заинтересованным лицом — пациентом (далее — пользователь) и указанным юридическим лицом. Из содержания пользовательского соглашения следует, что его текст является публичной офертой. Фактически пользователь дает согласие на обработку своих данных несколькими способами: 1) нажатие кнопок («Записаться» или «Войти»); 2) посредством обращения в колл-центр.

Форма согласия на обработку персональных данных достаточно детально перечисляет персональные данные, на обработку которых пользователь дает свое согласие, а также способы их обработки (сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), обезличивание, извлечение, использование, передача (предоставление, доступ), блокирование, удаление, уничтожение, получение персональных данных от медицинских организаций, в отношении которых (медицинских работников которых) пользователем размещены (или будут размещены) отзывы), и предполагает его подписание простой электронной подписью. В то же время цели обработки персональных данных в согласии подробно не обозначены.

В положении о защите персональных данных пользователей сервиса «СберЗдоровье» прямо указано на необходимость получения согласия на обработку персональных данных для целей их защиты от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения персональных данных, а также от иных неправомерных действий. Однако момент получения согласия не обозначен, в связи с чем из системного толкования положений иных локальных актов можно предположить, что согласие считается полученным в момент, указанный в пользовательском соглашении.

В положении о защите персональных данных (п. 2.3) также закреплено, что «пользователь вправе не предоставлять сотрудникам оператора или колл-центра оператора какие-либо дополнительные сведения или информацию при осуществлении записи к врачу с использованием сервиса, включая сведения о состоянии здоровья пользователя». Представляется, что данное положение важно для пациента — за-

интересованного лица, не желающего по различным причинам сообщать какие-либо сведения о себе иным лицам, кроме медицинского специалиста.

Анализ вышеперечисленных локальных актов позволяет утверждать, что в целом они основаны на действующем законодательстве, полностью ему соответствуют. При этом их содержание свидетельствует о локальном нормотворчестве. В то же время следует отметить, что сходная проработка ключевых аспектов в области персональных данных пациентов встречается не повсеместно.

В контексте доступности телемедицины и рисков неправомерного доступа к персональным данными пациента следует также обратить внимание на технический аспект. Как правило, медицинская онлайн-консультация предполагает наличие и у пациента, и у медицинского специалиста соответствующих технических средств, обеспечивающих возможность контакта. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом медицинскому специалисту возможно соблюсти требования о врачебной тайне, если пациент по состоянию здоровья или в силу преклонного возраста не способен самостоятельно совершить необходимые действия для проведения онлайн-консультации и содействие в подключении ему оказывают близкие родственники или третьи лица, которые также изъявили желание присутствовать во время онлайн-консультации.

Поскольку данный вопрос на нормативном уровне урегулирован не в полном объеме, представляется, что медицинскому специалисту целесообразно уточнить непосредственно у пациента, согласен ли он на присутствие во время консультации третьих лиц, раскрытие присутствующему третьему лицу врачебной тайны, и зафиксировать это любым доступным способом.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что вопросы охраны персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий на законодательном уровне урегулированы не в полном объеме, что порождает существенные риски нарушения врачебной тайны и неправомерного доступа к персональным данным пациентов.

Вследствие неполноты законодательного регулирования в области охраны персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий и наличия в связи с этим существенных рисков нарушения прав как пациентов, так и медицинских организаций и работников, которые в силу неоднозначного толкования закона компетентными органами могут быть привлечены к установленной законом ответственности, целесообразно придерживаться следующих принципов при работе с персональными данными в целях недопущения нарушения врачебной тайны:

— предварительное получение согласия пациента на обработку его персональных данных в цифровой среде, наличие которого может быть подтверждено как посредством нажатия специальных кнопок на сайтах в сети Интернет при подключении к онлайн-консультации, так и с помощью сохранения в электронной карточке пациента согласия в форме отдельного электронного документа, подписанного электронной подписью, формируемой непосредственно

с помощью функционала, обеспечивающего подключение к медицинской онлайн-консультации;

— возможность в исключительных случаях, связанных с личностью пациента, истребовать согласие на обработку его персональных данных после подключения к онлайн-медицинской консультации в устной форме, в том числе посредством оглашения вслух его содержания и демонстрации непосредственно на экране монитора/смартфона для визуального ознакомления. При таком способе получения согласия дополнительно требуется предварительно предупредить пациента о видеозаписи процесса дачи согласия.

С точки зрения специфики взаимодействия пациента и медицинского специалиста в ходе медицинской онлайн-консультации представляется целесообразным рассмотреть возможность разработки уполномоченными компетентными органами типовой формы согласия на обработку персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулин И. М., Чеснокова Е. А., Смирнова К. М., Пресняков Р. А. Трансформация института врачебной тайны в эпоху электронного здравоохранения // Закон. 2019. № 9. С. 179–189.
- Базина О. О., Сименюра С. С. Телемедицина: достоинства, недостатки, реалии (правовой анализ и практическое применение) // Медицинское право. 2020. № 3. С. 32–38.
- Благодарева М. С., Григорьев И. В., Мартиросян С. В. Правовое регулирование оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий нормативными актами Российской Федерации // Уральский медицинский журнал. 2022. № 21 (5). С. 138–149.
- Блинов С. В., Кузьмина Н. М., Ревина С. Н., Сидорова А. В. Основные подходы к определению содержания термина «телемедицина» // Юрист. 2019. № 5. С. 58–63.
- Буянова А. В. Телемедицинские проблемы регулирования и правоприменения. Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 235–238.
- Вавилова Е. М., Демченко М. В. Развитие правового регулирования телемедицины в Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 1. С. 48–51.
- Варюшин М. С. Правовое регулирование телемедицины в России и ЕС: два шага вперед и один назад // Закон. 2018. № 1. С. 165–174.
- Винокурова М. А., Пашнина Т. В. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 126–139.
- Галюкова М. И. Правовые аспекты оказания медицинской помощи пациенту посредством телекоммуникационных технологий: достижения и пробелы законодателя // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 190–192.
- Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 6–17.
- Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3 (13). С. 39–46.
- Ковалева Н. Н. Способы идентификации личности в условиях использования телемедицинских технологий // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 142–146.

Ковалева Н. Н., Новикова Е. А. Особенности правового регулирования телемедицинских технологий в условиях цифровизации // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 7 (199). С. 150–152.

Кравчук Е. В., Дмитриенко Л. Б., Косенкова Т. В., Иванова Г. Н. Особенности оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий в Российской Федерации // *Многопрофильная больница*. 2018. 5 (2). С. 89–91.

Липчанская М. А., Заметина Т. В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 78–96.

Матыцин Д. Е., Плаксунова Т. А. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ // *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2020. Т. 19. № 4. С. 89–99.

Михайлова А. С. К вопросу о телемедицине и не только // *Медицинское право*. 2022. № 4. С. 38–44.

Платонова Н. И., Шахбатов И. В., Смышляев А. В., Кузнецов Д. В. Телемедицинские технологии в условиях пандемии COVID-19 // *Медицинское право*. 2021. № 1. С. 21–28.

Подузова Е. Б. Охрана информации, составляющей врачебную тайну, в сфере применения технологий «искусственного интеллекта» в digital-медицине // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 6. С. 68–74.

Поспелова С. И., Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Каменская Н. А. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития // *Медицинское право*. 2018. № 5. С. 24–33.

Смышляев А. В., Мельников Ю. Ю., Платонова Н. И. Телемедицинские технологии в системе оказания первичной медико-санитарной помощи в Российской Федерации на современном этапе: правовой аспект // *Медицинское право*. 2018. № 6. С. 16–21.

Соколенко Н. Н., Багнюк М. Е., Багнюк Д. В. Оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий: некоторые проблемы правового регулирования // *Медицинское право*. 2018. 4. С. 14–17.

Старчиков М. Ю. Правовая регламентация оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: проблемные вопросы и пути их разрешения // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

Старчиков М. Ю. Проблемные вопросы правовой регламентации оказания медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий: законодательство и судебная практика // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

Чельшева Н. Ю. Особенности правового регулирования применения цифровых технологий в здравоохранении как гарантия обеспечения надлежащего качества медицинских услуг // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 2 (12). С. 18–22.

Borda M., Grishchenko N., Kowalczyk-Rólczyńska P. Patient Readiness for Remote Healthcare Services in the Context of the COVID-19 Pandemic: Evidence From European Countries // *Front. Public Health*. 2022. Vol. 10.

REFERENCES

Akulin IM, Chesnokova EA., Smirnova KM, Presnyakov RA. The transformation of the institute of medical secrecy in the era of electronic health care. *Zakon*. 2019;9:179-189. (In Russ.).

Bazina OO, Simenyura SS. Telemedicine: Advantages, Shortcomings, Realia (A Legal Analysis and Practical Application). *Medical Law*. 2020;3:32-38. (In Russ.).

Blagodareva MS, Grigoriev IV, Martirosyan SV. Legal Regulation of Medical Care with the Use of Telemedical Technologies by Regulatory Acts of the Russian Federation. *Ural Medical Journal*. 2022;21(5):138-149. (In Russ.).

Blinov SV, Kuzmina NM, Revina SN, Sidorova AV. The Main Approaches towards Determination of the Content of the Term «Telemedicine». *Jurist*. 2019;5:58-63. (In Russ.).

Borda M, Grishchenko N, Kowalczyk-Rólczyńska P. Patient Readiness for Remote Healthcare Services in the Context of the COVID-19 Pandemic: Evidence From European Countries. *Front. Public Health*. 2022;10.

Buyanova AV. Telemedicine Regulatory and Law Enforcement Issues. *Sociopolitical Sciences*. 2018;2:235-238. (In Russ.).

Chelysheva NYu. Features of Legal Regulation of the Use of Digital Technologies in Health Care as a Guarantee of Ensuring Appropriate Quality Of Medical Services. *Law and Digital Economy*. 2021;2(12):18-22. (In Russ.).

- Galyukova MI. Legal aspects of rendering medical care to the patient by means of telecommunication technologies: achievements and gaps of the legislator. *Eurasian Law Journal*. 2018;2(117):190-192. (In Russ.).
- Inshakova AO. Law and information technology transformations of public relations in the context of industry 4.0. *Legal Concept = The legal paradigm*. 2019;18(4):6-17. (In Russ.).
- Kartskhia AA. A Modern Challenge of the Digital Healthcare Emergence. *Law and Digital Economy*. 2021;3(13):39-46. (In Russ.).
- Kovaleva NN, Novikova EA. Features of Legal Regulation of Eeemedicine Eechnologies in the Context of Bigitalization. *Law and State: Theory and Practice*. 2021;7(199):150-152. (In Russ.).
- Kovaleva NN. Methods of personal identification in the conditions of using telemedicine technologies. *Agrarian and Land Law*. 2021;7(199):142-146. (In Russ.).
- Kravchuk EV, Dmitrienko LB, Kosenkova TV, Ivanova GN. Features of medical care using telemedicine technologies in the Russian Federation. *Mnogoprofilnaya bolnitsa*. 2018;5(2):89-91. (In Russ.).
- Lipchanskaya MA, Zametina TV. Social rights of citizens using artificial intelligence: Legal bases and gaps in legislative regulation in russia. *Journal of Russian Law*. 2020;11:78-96. (In Russ.).
- Matytsin DE, Plaksunova TA. The content of the contract for the provision of paid medical services: theoretical and applied analysis. *Legal Concept = Pravivaya paradigma*. 2020;19(4):89-99. (In Russ.).
- Mikhailova A S. On Telemedicine and Much More. *Medical Law*. 2022;4:38-44. (In Russ.).
- Platonova NI, Shahabov IV, Smyshlyaev AV, Kuznetsov DV. Telemedicine technologies in the context of the COVID-19 pandemic. *Medical Law*. 2021;1:21-28. (In Russ.).
- Poduzova EB. Protection of information constituting the medical secret in the field of application of «artificial intelligence» technologies in digital medicine. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(6):68-74. (In Russ.).
- Pospelova SI, Sergeev YuD, Pavlova YuV, Kamenskaya NA. The legal regime of application of telemedical technologies and introduction of the electronic document flow: the modern legal regulation status and development prospects. *Medical Law*. 2018;5:24-33. (In Russ.).
- Smyshlyaev AV, Melnikov YuYu, Platonova NI. Telemedicine technologies in the system of primary health care delivery in the russian federation on the modern stage: a legal aspect. *Medical Law*. 2018;6:16-21. (In Russ.).
- Sokolenko NN, Bagnyuk ME, Bagnyuk DV. Provision of medical care using telemedicine technologies: some problems of legal regulation. *Medical Law*. 2018;4:14-17. (In Russ.).
- Starchikov MYu. Legal regulation of medical care (services) with the use of telemedicine technologies: problematic issues and ways to resolve them. *SPS «ConsultantPlus»*. 2019. (In Russ.).
- Starchikov MYu. Problematic issues of legal regulation of medical care (services) with the use of telemedicine technologies: legislation and judicial practice. *SPS «ConsultantPlus»*. 2021. (In Russ.).
- Varyushin MS. Legal Regulation of Telemedicine in Russia and the EU: Two Steps Forward and One Step Back. *Zakon*. 2018;1:165-174. (In Russ.).
- Vavilova EM, Demchenko MV. Development of legal regulation of telemedicine in the Russian Federation. *Medical Law*. 2020;1:48-51. (In Russ.).
- Vinokurova MA, Pashnina TV. On the application of a systematic approach in the legal regulation of telemedicine technologies. *Journal of Russian Law*. 2022;26(6):126-139. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иншакова Агнесса Олеговна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета
д. 100, Университетский пр-т, г. Волгоград 400062, Российская Федерация
gimchp@volsu.ru

Тымчук Юлия Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета
д. 100, Университетский пр-т, г. Волгоград 400062, Российская Федерация
tymchuk@volsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agnes O. Inshakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the SNC RAS), Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
gimchp@volsu.ru

Yulia A. Tymchuk, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the SNC RAS) Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
tymchuk@volsu.ru

Материал поступил в редакцию 28 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 2 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 28.03.2024.

Revised 02.04.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

А. В. ТумаковМосковский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий

Резюме. В работе проводится разграничение категорий «виртуальный» и «цифровой» объект гражданского оборота. Выделяются квалифицирующие признаки, позволяющие утверждать о нетождественности обозначенных дефиниций. С позиции сделанных выводов проводится систематизация объектов гражданского оборота в электронной среде. Выделяются цифровые (цифровые права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, электронные денежные средства, цифровой рубль) и виртуальные (цифровая валюта) объекты. Обосновывается необходимость установления различного правового режима для выделенных видов. Сравнение правоотношений, складывающихся при обороте «традиционных» и «цифровых» объектов, позволяет выявить сходства и принципиальные различия: взаимодействие осуществляется в информационной среде средством, способствующим осуществлению прав и исполнению обязанностей; субъекты находятся территориально в разных местах и могут иметь разную юрисдикцию; хотя субъекты проходят идентификацию, достоверно установить их личности, как правило, невозможно; на правоотношения могут оказывать влияние субъекты, обладающие правами на информационные площадки (операторы). Круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». В него можно включать и субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, и информационных посредников и др. Обосновано, что механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, а не от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов.

Ключевые слова: объекты гражданского оборота; цифровой объект; виртуальный объект; цифровое право; цифровой финансовый актив; цифровая валюта; электронное денежное средство

Для цитирования: Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 30–38. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

Digital and Virtual Objects of Modern Civil Turnover: The Issue of Differentiation of Concepts

Albert V. Tumakov,Moscow University of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper distinguishes the categories of a virtual and digital object of civil turnover. The author determines qualifying signs that allow us to assert the non-identity of the designated definitions. From the point of view of the conclusions drawn, the paper systematizes objects of civil turnover in the electronic environment. Digital (digital rights, including digital financial assets and utilitarian digital rights, electronic money, digital ruble) and virtual (digital currency) objects are distinguished. The necessity of establishing a different legal regime for

© Тумаков А. В., 2024

the selected categories is substantiated. A comparison of the legal relations that develop during the turnover of «traditional» and «digital» objects allows us to identify similarities and fundamental differences: interaction is carried out in the information environment by a means that promotes the exercise of rights and duties; subjects are located geographically in different places and may have different jurisdictions; although subjects undergo identification, as a rule it is impossible to establish their identity; legal relations may be influenced by entities that have rights to information platforms (operators). The range of participants in the digital legal relationship is wider than the «traditional» one. It can include entities that provide access to network protocols and web services, and information intermediaries, etc. It is proved that the mechanism of legal regulation directly depends on the type of ownership of the object of civil turnover, and not on whether it belongs to the category of digital or virtual objects.

Keywords: objects of civil turnover; digital object; virtual object; digital law; digital financial asset; digital currency; electronic money

Cite as: Tumakov A V. Digital and Virtual Objects of Modern Civil Turnover: The Issue of Differentiation of Concepts *Lex russica*. 2024;77(7):30-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038

Введение

Развитие информационных технологий, использование в гражданском обороте цифровых объектов, формирование цифровой экономики стало решающей технолого-экономической предпосылкой для разработки нового механизма правового регулирования. Как отметил В. Д. Зорькин, «зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта»¹.

Современное право не может не учитывать эту специфику, которую порождает использование в гражданском обороте цифровых объектов.

Право не оторвано от жизни: в основе права лежат социально-экономические условия, которые являются базисом для формирования норм права. Диалектика права заключается в необходимости учета влияния цифровых технологий на возникновение, изменение и прекращение правоотношений. В рамках существующих институтов права необходимо учитывать особенности цифровых правоотношений. Для устранения пробелов должны появляться и новые институты, нацеленные на регулирование исключительно цифровых объектов.

Таким образом, существует двухсторонний процесс. Исходя из того, что цифровые правоотношения имеют традиционную структуру, в ряде случаев возможно встроить их правовое регулирование в существующие институты права при минимальном изменении норм права. С другой стороны, появление новых отношений

непосредственно отражается на правовом регулировании и требует создания новых правовых норм. Таким образом, происходит интерференция права и цифровизации.

В современном мире развитие общества происходит высокими темпами. Процессы, которые ранее занимали десятки или сотни лет, протекают с огромной скоростью. Причиной стремительного развития общества являются колоссальные достижения науки и техники. Следствием этого прорыва стало увеличение объемов информации, создание информационной инфраструктуры, перепрофилирование экономики. Общество, как никогда ранее, остро испытывает потребность в коммуникации, использовании качественно новых программных продуктов, а также увеличении безопасности в цифровой среде. Во многом такие процессы обусловлены глобализацией, следовательно, границы между государствами не являются помехой для общественных отношений, особенно тех, что существуют в контексте мира цифр.

Все указанные выше факторы порождают необходимость создания новой системы правового регулирования цифровых отношений, в том числе имущественного оборота и цифрового имущественного оборота. Однако здесь возникает ряд проблем. Как верно отмечено в научной литературе, «сложность правового регулирования отношений, возникающих и развивающихся в цифровом пространстве, заключается в первую очередь в том, что традиционные способы не всегда можно экстраполировать на виртуальные отношения»².

¹ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 7578 (115). 29.05.2018. С. 2.

² Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 1. С. 5.

В настоящее время в сфере оборота цифровых активов в Российской Федерации появился механизм легальной эмиссии и оборота цифровых активов, однако он является затратным, сложно выстраиваемым для большей доли участников рынка, и в силу этого он будет доступен исключительно профессиональным корпоративным участникам рынка. Не решен и ряд теоретических проблем, в частности: не разграничены понятия «цифровой» и «виртуальный» — как правило, указанные категории используются как равнозначные; не определена природа цифровых и виртуальных объектов, и др.

Включение цифровых активов в комплекс объектов гражданских прав на уровне гражданского законодательства Российской Федерации (прежде всего в Гражданский кодекс РФ³) влечет возможность восполнения пробелов правового регулирования, но не решает ряд проблем правового регулирования их гражданского оборота.

Разграничение дефиниций цифровых и виртуальных объектов гражданского оборота

В научной литературе проблеме специфики гражданского оборота в цифровой среде уделяется значительное внимание. Указывается, например, на наличие не только юридических, но и технических ограничений⁴ (например, отсутствие программного обеспечения и пр.); наличие сложностей с определением контрагента, не позволяющих в достаточной мере его иденти-

фицировать⁵; отсутствие пространственно-территориальных ограничений; отсутствие системы принципов, создающих основу для создания правового регулирования отношений⁶. Однако наука не стоит на месте; в частности, предлагается в качестве основного принципа построения системы правового регулирования использовать принцип сетевого нейтралитета и т.п.⁷

Рассуждая о развитии гражданско-правового оборота в контексте построения цифровой экономики, авторы не всегда разграничивают понятия «цифровой» и «виртуальный». Тем не менее эти категории не синонимичны.

«Виртуальный» означает «несуществующий, но возможный, который не имеет физического существования, а реализуется лишь в компьютерных условиях, в фантазии и т.п.»⁸. Применительно к объектам виртуальность означает, что объект изначально был создан в электронно-вычислительной среде и у него нет «копий» в материальном мире⁹. Например, цифровая валюта.

«Цифровой» означает «описывающий информацию, выраженную при помощи чисел»¹⁰. С помощью чисел возможно воспроизводить, хранить, передавать, обрабатывать любую информацию, необходимо лишь ее закодировать определенным образом. На эту особенность обращается внимание и в научной литературе. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна верно указывают: «Связь с материальным миром у объектов, существующих в цифровой форме, может проявляться и в том, что они признаются прямыми аналогами тех или иных вещей, например денег»¹¹. По мнению М. А. Рожковой,

³ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ См.: Архипов В. В., Килинкова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.

⁵ См.: Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 55.

⁶ См.: Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте. С. 5.

⁷ См.: Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте. С. 5.

⁸ Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%> (дата обращения: 01.04.2023).

⁹ См.: Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.

¹⁰ Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/scientific/ЦИФРОВОЙ> (дата обращения: 01.04.2021).

¹¹ Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 40.

«цифровизация предполагает прежде всего изменение формата или формы»¹².

В целом следует отметить, что ученые в большинстве своем не отождествляют понятия «виртуальный» и «цифровой», разграничивая их по признаку наличия или отсутствия объекта в физическом мире.

К сожалению, в практической деятельности указанные термины продолжают смешиваться. Так, в постановлении от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32»¹³ Пленум Верховного Суда РФ ввел термин «виртуальные активы», отождествив их с криптовалютой и допустив ответственность по ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса РФ в части отмыwania денежных средств, полученных незаконным путем¹⁴, то есть, по сути, придал виртуальной валюте режим денежных средств. Следуя логике наших предыдущих рассуждений, любой объект, который имеет материальное воплощение в электронной среде, является цифровым (то есть цифровое состояние в данном случае есть лишь средство фиксации или форма выражения физического объекта). С этих позиций суд должен вести речь о цифровых активах, а не виртуальных.

Термин «виртуальный» относится к характеристике природы объекта, в то время как «цифровой» относится к характеристике формы выражения. Виртуальному противопоставляется реальное (материальное, физическое), цифровому — аналоговое¹⁵.

Характеристика объекта как цифрового в первую очередь означает его существование в электронном виде при возможности наличия у него аналоговой формы. Яркий пример — электронные денежные средства, являющиеся лишь «агрегатным состоянием» фиатных денег. Природа же виртуального актива иная: он изна-

тельно не связан с наличием материального носителя. Примером виртуального объекта служит игровая валюта, например единицы золота в компьютерной игре WarCraftIII (пример закрытой цифровой виртуальной валюты).

С точки зрения терминологии российское законодательство, по нашему мнению, верно поименовало совокупность существующих в информационных системах правовых явлений (таких как обязательственные, корпоративные и иные имущественные права) цифровыми финансовыми активами, так как принципиально новых по содержанию правоотношений не возникло, изменилась лишь форма.

По сути, об этом говорит и сам регулятор. Так, в официальном отзыве Правительства РФ¹⁶ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» указано:

1. Способ оформления различных имущественных прав.
2. Выполняют функцию фиксации принадлежности и гражданского оборота таких прав.
3. Не создают нового объекта гражданских прав.

Однако, как известно, законодатель не воспринял указанную критику и закрепил в действующем гражданском законодательстве цифровые права именно в качестве объекта гражданских прав, являющегося разновидностью «иного имущества», в частности имущественных прав.

Впрочем, на указанный момент обращается внимание и в научной литературе. В частности, авторы отмечают, что, по сути, существующая регламентация представляет собой попытку воспроизвести в цифровом праве конструкцию ценной бумаги¹⁷.

¹² Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe (дата обращения: 01.09.2023).

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4. С. 45.

¹⁴ В качестве примера см.: приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 14.02.2018 и приговор Первомайского районного суда г. Пензы от 26.02.2019.

¹⁵ См.: Тумаков А. В., Петраков Н. А. Указ. соч. С. 68.

¹⁶ Официальный отзыв на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы В. В. Володиным, П. В. Крашенинниковым, А. Г. Аксаковым и другими, принятый Государственной Думой в первом чтении 22 мая 2018 г. // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2F4B32FD-CA5C-4F8E-A0C9-B99E6ED68612> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁷ См.: Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.

В то же время криптовалюта, подразумеваемая под легальным термином «цифровая валюта», должна в первую очередь характеризоваться свойством виртуальности хотя бы в силу того, что у нее нет реального воплощения. Такое разграничение, на наш взгляд, значительно бы упростило правоприменительную практику и решило в принципе научный спор, заключающийся в определении природы цифровых прав и других подобных объектов либо как самостоятельных новых объектов гражданских прав (как, к примеру, на это указывает статья 128 ГК РФ), либо как способа фиксации аналоговых объектов (имущественных прав).

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что большинство авторов, рассматривая, например, цифровые права, склоняются к тому, что это всего лишь способ фиксации обязательственных прав¹⁸. К примеру, В. А. Садков, изучая природу цифрового финансового актива, указывает, что это лишь способ удостоверения имущественного права. Таким образом, с учетом приведенных выше рассуждений о соотношении терминов «цифровой» и «виртуальный», они действительно являются цифровыми.

По-иному следует рассуждать, определяя сущность цифровой валюты. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹ (далее — Закон о ЦФА) цифровая валюта представляет собой определенный код, который законодатель специальным указанием отграничивает и от денежных единиц, и от иных расчетный единиц. Она не имеет аналога в физическом мире. Следовательно, применительно к категории объектов, в число которых входят криптовалюта, цифровая валюта, более правильным представляется использование характеристики «виртуальный», а не «цифровой».

С позиции проведенных рассуждений можно систематизировать объекты имущественного оборота, разделив их на цифровые (цифровые

права, включая цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, электронные денежные средства, цифровой рубль) и виртуальные (цифровая валюта). В зависимости от этого деления необходимо устанавливать различный правовой режим указанных объектов.

Следует отметить, что первая группа объектов (цифровые) в большинстве своем поименована в ГК РФ в качестве объектов гражданских прав. Более того, ГК РФ устанавливает и их видовую принадлежность — имущественные права. Впрочем, следует отметить, что в ГК РФ не поименованы в качестве объекта гражданских прав электронные денежные средства, однако указанный вывод вытекает из ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»²⁰, определяющей электронные денежные средства через категорию денежных средств, то есть объектов гражданских прав. Эта позиция отражена и в научной литературе²¹.

Рассматривая цифровые права в качестве объектов гражданского оборота, необходимо отметить некоторую противоречивость используемой в научной литературе терминологии. Так, ряд ученых рассматривают цифровые права как «универсальные права человека, адаптированные к условиям информационного общества, в частности право на неприкосновенность частной жизни, право на обмен информацией, право на свободу выражения в сети, право доступа к электронной сети»²². Как правило, такую позицию занимают представители науки конституционного и международного права.

Цивилисты рассматривают цифровые права как объект гражданских прав в силу прямого указания ст. 128 и 141.1 ГК РФ. В связи с тем, что автор настоящего исследования представляет частноправовую науку, цифровое право здесь и далее будет рассматриваться исключительно как объект субъективного гражданского права и объект имущественного оборота.

Из легального определения, предложенного статьей 141.1 ГК РФ, видно, что возможность

¹⁸ См., например: *Гринь О. С.* Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // *Lex russica*. 2020. Т. 13. № 19. С. 21–31.

¹⁹ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

²⁰ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

²¹ См.: *Шумилова В. В.* Понятие и правовая природа электронных денежных средств в Российской Федерации // *Право и экономика*. 2022. № 3. С. 34–37.

²² *Ханова В. А.* Цифровые права, как новый объект гражданских прав // *StudNet*. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1> (дата обращения: 14.03.2021).

имущественного оборота цифровых прав напрямую связана с функционированием некой «информационной системы».

Будучи членами постиндустриального общества, субъекты права окружены различными информационными системами, к которым можно отнести: социальные сети, сервисы электронной почты, мессенджеры, облачные хранилища, различные приложения для мобильных устройств и т.д. В этой связи видится, что «обязательственные и иные права» должны признаваться цифровыми в случае их возникновения в любой из перечисленных информационных систем. Следовательно, по смыслу ст. 141.1 ГК РФ можно говорить об их оборотоспособности. Например, в некоторых информационных системах, предоставляемых операторами мобильной связи, пользователи наделены правом отчуждать остаток пакета услуг по их тарифному плану (минуты разговора, интернет-трафик, sms-сообщения) в пользу третьих лиц, являющихся абонентами данной сети. Очевидно, что в информационной системе возникают обязательственные права. Возможно ли считать их цифровыми? Де-факто да, но де-юре конструкция п. 1 ст. 141.1 предусматривает, что цифровыми правами могут являться только те, что «названы в таком качестве законом».

Следуя логике российского законодательства, нетрудно заключить, что применение понятия «цифровой» относительно каких бы то ни было объектов и правоотношений в первую очередь означает электронную форму представления данных явлений, связанную с информационными системами. Тем не менее, согласно законам диалектики, форма влияет на содержание, и наоборот. Следовательно, не исключено наличие некоторых особых свойств у цифровых финансовых активов в сравнении с «аналоговыми».

Цифровая валюта, несмотря на то, что является легализованной категорией с позиции гражданского права и отнесения к конкретной группе объектов, законодателем никак не классифицируется. Причины этого видятся в нескорректированности изменений, вносимых в действующее законодательство.

Понятие «цифровая валюта» весьма размыто. Термин «криптовалюта» (как и термин

«токен») в процессе становления Закона о ЦФА был утрачен.

Легальное определение цифровой валюты устанавливает для нее запрет выступать в качестве денежной единицы при одновременной возможности быть средством платежа. Вместе с тем российский законодатель запрещает использовать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги, тем самым существенно сужая круг использования цифровой валюты, сдерживая ее влияние на реальную экономику. В совокупности перечисленные обстоятельства обуславливают особую природу явления, более известного как виртуальная валюта, или криптовалюта.

Анализ п. 3 ст. 1 Закона о ЦФА позволяет выделить ряд признаков цифровой валюты: существование в рамках информационной системы, функционирование которой обеспечивается операторами; возможность выступать в качестве средства платежа; отсутствие (в отличие от токенов) обязанного лица; не являются государственными денежными единицами или международными расчетными единицами.

Рассматривая цифровую валюту с позиции объекта гражданских прав, можно констатировать, что она обладает всеми признаками объекта (дискретность, системность, юридическая привязка²³). Необходимо отметить, что ее отсутствие в качестве объекта в ст. 128 ГК РФ обусловлена скорее историей становления указанной дефиниции, которая «выросла» из криптовалюты.

В свое время Министерство финансов России предлагало рассматривать цифровую валюту как иное имущество (в рамках классификации, предложенной статьей 128 ГК РФ) и классифицировать ее как актив²⁴, что было воплощено 28 декабря 2017 г. Минфином России и Банком России в первом законопроекте о правовом регулировании использования цифровых технологий в финансовой сфере. Именно в нем была впервые реализована идея о различном регулировании цифровых активов (токенов) и цифровых валют, при этом цифровая валюта рассматривалась как разновидность цифрового актива. Однако 31 июля 2020 г. указанный законопроект, пройдя все этапы законо-

²³ См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

²⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/08/28/731258-minfin>.

творческого процесса, был подписан в качестве Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в результате чего формальное закрепление как различные категории получили цифровые финансовые активы и цифровая валюта.

Проект Закона о ЦФА прямо указывал на то, что «цифровыми финансовыми активами являются криптовалюта, токен». В действующей редакции легальные определения данных понятий отсутствуют. Кроме того, регулятор намеренно вывел криптовалюты, завуалированные в Законе о ЦФА под «цифровые валюты», за рамки цифровых финансовых активов, дав им отдельное определение.

Таким образом, анализ цифровых и виртуальных объектов позволяет сделать вывод не только о различии указанных понятий, но и о нетождественной правовой природе указанных объектов гражданских прав и гражданского оборота.

Исходя из этого, следует говорить о двух механизмах правового регулирования отношений.

Специфика правового регулирования правоотношений, складывающихся по поводу цифровых и виртуальных объектов

В отличие от большинства ученых, рассматривающих цифровые объекты лишь как способ фиксации имущественных прав, мы полагаем, что использовать лишь традиционные средства правового регулирования в этих правоотношениях нельзя.

Любое правоотношение как форма реализации права характеризуется своим субъектом, объектом и содержанием (правами и обязанностями сторон). С этих позиций цифровое правоотношение не отличается от иных правоотношений, имеющих сходный объект. Например, договор купли-продажи товара, заключенный непосредственно в магазине и на интернат-площадке с использованием цифровых технологий, имеет: один и тот же объект в виде получения в собственность того или иного материального блага (товара); определенный состав субъектов (продавец и покупатель); сходное содержание. Таким образом, структура цифрового правоотношения не отличается от «традиционного» правоотношения. Однако есть и различия:

— взаимодействие осуществляется в информационной среде;

— средством, способствующим осуществлению прав и исполнению обязанностей, являются цифровые технологии;

— покупатель и продавец находятся территориально в разных местах и могут не иметь представления о месте нахождения друг друга, что с позиции права затрудняет определение места передачи товара, предъявления претензий, направления уведомлений и пр.;

— хотя субъекты и проходят идентификацию, достоверно установить их личности, как правило, невозможно;

— на правоотношения могут влиять субъекты, являющиеся обладателями прав на электронные площадки, где стороны вступают в правоотношения. В целом круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». Сюда можно включать и субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, и информационных посредников и др.

Все указанные факторы формируют особенности цифрового правоотношения.

Пожалуй, из всех перечисленных выше признаков цифрового правоотношения ключевыми (конституирующими) являются наличие особой сферы (информационной, где возникают, изменяются и прекращаются правоотношения) и использование цифровых технологий как средств, обеспечивающих осуществление прав и исполнение обязанностей. Именно эти факторы позволяют утверждать, что речь идет о цифровом правоотношении.

Указанные признаки, в свою очередь, влияют на содержание правоотношения. Например, если в «традиционном» правоотношении при отсутствии указания места передачи товара можно воспользоваться общим указанием закона, то в цифровом правоотношении руководство общими положениями может привести к невозможности исполнения обязательства в том случае, например, если продавец находится в Китае, а покупатель в России. Следовательно, в цифровом правоотношении появляется совокупность условий (существенных условий), которые необходимо согласовать и которые непосредственно влияют на исполнение обязательства.

Цифровые правоотношения систематизируются по тем же основаниям, что и «традиционные» правоотношения (имущественные и неимущественные, абсолютные и относительные и пр.).

Даже в тех ситуациях, когда объектом правоотношения выступает цифровой товар

(например, цифровое право), ни структура правоотношения, ни видовая принадлежность правоотношения не меняется. Исходя из того, что цифровое право — имущественное право, это будут имущественные правоотношения.

Полагаем, что механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, независимо от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов. В случае с цифровыми объектами законодатель может использовать традиционные средства правового регулирования с учетом обозначенной нами специфики цифрового правоотношения. Относительно виртуальных объектов необходимы новые средства с учетом того, что их оборот осуществляется полностью в электронном пространстве и не имеет воплощения в физическом мире.

Заключение

Появление новых объектов гражданского оборота требует новых подходов к правовому регулированию возникающих относительно них правоотношений. Однако создание эффективного правового режима невозможно без теоретического осмысления ряда правовых категорий, без установления единства категориального аппарата. В связи с этим в работе проведено разграничение категорий «цифровой объект» и «виртуальный объект»: цифровой объект пред-

ставляет собой цифровой аналог объекта, существующего в физическом мире, тогда как виртуальный такого аналога не имеет. В соответствии с этим цифровые права, включая утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, электронные денежные средства и цифровой рубль, следует рассматривать как способ фиксации имущественного права, а цифровую валюту — как новый объект гражданских прав. Природа указанных объектов нетождественна, что позволяет говорить о двух механизмах правового регулирования отношений с указанными объектами.

При создании механизма правового регулирования цифрового или виртуального правоотношения необходимо учитывать их специфику: место вступления в правоотношения (информационная среда); цифровые технологии как средство взаимодействия; неопределенность юрисдикции; проблемы идентификации; влияние на возникающие правоотношения субъектов — обладателей прав на электронные площадки, где стороны вступают в правоотношения. В целом круг участников цифрового правоотношения шире «традиционного». Сюда можно включать субъекты, осуществляющие доступ к сетевым протоколам и веб-сервисам, а также информационных посредников и др.

Помимо этого, механизм правового регулирования напрямую зависит от видовой принадлежности объекта гражданского оборота, вне зависимости от того, относится ли он к разряду цифровых или виртуальных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов В. В., Килинкарлова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.
- Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 355 с.
- Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 13. № 19. С. 21–31.
- Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.
- Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 1. С. 4–9.
- Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 7578 (115). 29.05.2018. С. 2–10.
- Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 544 с.
- Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe (дата обращения: 01.09.2023).
- Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. 440 с.

Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.

Ханова В. А. Цифровые права, как новый объект гражданских прав // StudNet. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1> (дата обращения: 14.03.2021).

Шумилова В. В. Понятие и правовая природа электронных денежных средств в Российской Федерации // Право и экономика. 2022. № 3. С. 34–37.

REFERENCES

Arkhipov VV, Kilinkarova EV, Melashchenko NV. Problems of legal regulation of the turnover of goods on the Internet: from distance trading to virtual property. *Zakon*. 2014;6:120-143. (In Russ.).

Bychkov AI. *Conducting settlement operations: methods, specifics and risks*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013.

Deryugina TV. On the question of the essential characteristics and legal nature of digital law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2022;17(2):35-54. (In Russ.).

Deryugina TV. On the specifics of legal relations in the digital environment and the digital personality as a new subject. *Civilist*. 2024;1:4-9. (In Russ.).

Grin OS. Legally Binding Relationships with regard to Digital Objects of Civil Rights. *Lex russica*. 2020;13(19):21-31. (In Russ.).

Khanova VA. Digital rights as a new object of civil rights. *StudNet*. 2020;10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-1>. (In Russ.). [Accessed 14.03.2021].

Lapach V A. *The system of objects of civil rights. Theory and judicial practice*. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2002. (In Russ.).

Rozhkova MA. Digital assets and virtual property: How the virtual correlates with the digital. *Zakon.ru*. 13 June 2018. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositnya_virtualnoe. (In Russ.). [Accessed 01.09.2023].

Sannikova LV, Kharitonova YuS. *Digital assets: legal analysis*. Moscow: 4 Print Publ.; 2020. (In Russ.).

Shumilova VV. The concept and legal nature of electronic money in the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*. 2022;3:34-37. (In Russ.).

Tumakov AV, Petrakov NA. Civil law aspects of digital property. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;4:67-72. (In Russ.).

Zorkin VD. Law in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiyskaya Gazeta. Capital issue*. No. 7578 (115). 29 May 2018:2-10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумаков Альберт Владиславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя д. 12, Академика Волгина ул., г. Москва 117437, Российская Федерация
albert-tumakov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert V. Tumakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
albert-tumakov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 6 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 05.02.2024.

Revised 06.03.2024.

Accepted 15.06.2024.

Цифровая инфраструктура терроризма: стратегия уголовно-правового противодействия

Резюме. Статья посвящена мало разработанной в теории уголовного права проблеме уголовно-правового противодействия деятельности, связанной с цифровой инфраструктурой терроризма. Автор формулирует понятие такой инфраструктуры, выделяет ее элементы. В статье аргументируется положение о необходимости принципиального разделения таких категорий, как кибертерроризм и цифровая инфраструктура терроризма. С опорой на концепцию проактивного противодействия преступности автор предлагает конкретные меры, направленные на установление ответственности за действия, связанные с поддержкой цифровой инфраструктуры терроризма. Обоснованы предложения о необходимости: 1) разработки механизма принятия решения о том, что деятельность иностранной или международной организации связана с поддержкой терроризма; 2) установления уголовной ответственности за участие в деятельности, а равно за установление или поддержание сотрудничества с иностранной либо международной организацией, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности направленной на поддержку терроризма.

Ключевые слова: цифровая инфраструктура терроризма; терроризм; кибертерроризм; проактивная концепция противодействия терроризму; уголовное право; цифровизация

Для цитирования: Боков Д. А. Цифровая инфраструктура терроризма: стратегия уголовно-правового противодействия. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 39–48. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.039-048

Digital Infrastructure of Terrorism: A Strategy for Criminal Law Counteraction

Dmitry K. Bokov

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problem of criminal law counteraction to activities related to the digital infrastructure of terrorism, which has been insufficiently developed in the theory of criminal law. The author formulates the concept of such an infrastructure, highlights its elements. The paper argues for the need for a fundamental separation of such categories as cyberterrorism and the digital infrastructure of terrorism. Based on the concept of proactive crime prevention, the author proposes specific measures aimed at establishing responsibility for actions related to the support of the digital infrastructure of terrorism. The author makes the following proposals: 1) developing a mechanism for deciding that the activities of a foreign or international organization are related to the support of terrorism; 2) establishing criminal liability for participation in activities, as well as for establishing or maintaining cooperation with a foreign or international organization in respect of which a decision has been made to recognize its activities aimed at supporting terrorism.

Keywords: digital infrastructure of terrorism; terrorism; cyberterrorism; proactive concept of countering terrorism; criminal law; digitalization

Cite as: Bokov DA. Digital Infrastructure of Terrorism: A Strategy for Criminal Law Counteraction *Lex russica*. 2024;77(7):39-48. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.039-048

Цифровизация оказывает существенное влияние на отдельного человека, общество и государство. В связи с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий за прошедшие годы произошли значимые и зримые изменения в сфере государственного управления, экономики, здравоохранения, образования и др. Специалисты повсеместно и единодушно отмечают, что данный процесс является необратимым и обещает множество поистине революционных преобразований. Активно ведутся дискуссии относительно тех фундаментальных изменений, которые будут связаны с определенным уровнем развития и внедрения технологий искусственного интеллекта и робототехники¹. Уже сегодня является практически неоспоримым, что будущее человечества так или иначе будет связано с «цифрой» и во многом предопределено ею.

Как и любое явление, цифровизация подчиняется законам диалектики, имея не только положительную, но и негативную сторону. Она привела к большей — пожалуй, невиданной ранее во всей истории — отчужденности человека. Казалось бы, говорить об изоляции человека в эпоху гиперсвязанного мира принципиально неверно, ведь никогда ранее человек не обладал технологиями, позволяющими ему без особого труда и материальных затрат из одной точки мира контактировать с разными людьми, находящимися от него на расстоянии нескольких тысяч километров. Вместе с тем цифровизация привела к прогрессирующей проблеме добровольного «бегства» личности от реальности в мир искусственных конструкций, актеров и фактов. В результате этого цифровая коммуникация стала всё больше замещать традиционную, обрекая человека эпохи Четвертой промышленной революции² на одиночество и изоляцию в реальном мире. Парадокс заключается в том, что при внимательном рассмотрении и анализе такого ежедневного цифрового обще-

ния довольно часто обнаруживается, что преобладающим источником получения информации, эмоций и впечатлений выступает отнюдь не живой человек, а искусственно созданная личность в социальной сети, медийный проект (блог), чат-бот и т.п. Этому есть конкретное объяснение, и современная наука в целом уже довольно обстоятельно описала содержание, а также перспективные последствия цифровизации в этом отношении.

Неудивительно, что с развитием информационных технологий невиданные возможности для расширения своего влияния на массовое сознание получила идеология терроризма. Как совершенно справедливо пишет Д. А. Ковлагина, непосредственное информационно-психологическое воздействие террористических групп осуществляется посредством создания такими образованиями своих веб-сайтов, СМИ, радио- и телевизионных частот³.

Использование террористическими образованиями средств коммуникации для пропаганды — это только часть проблемы. Компоненты информационно-телекоммуникационной инфраструктуры стали использоваться при совершении самих террористических актов. Еще в 2008 г. при террористической атаке в Мумбаи злоумышленники как на стадии приготовления, так и в процессе своих преступных действий (в результате которых погибли 166 человек) активно использовали цифровые технологии: проводили разведку посредством сетевой картографической службы, координировали свои действия, получали информацию в режиме реального времени о международной реакции на их террористический акт и действиях силовых структур⁴. Процесс включения компонентов информационно-коммуникационной инфраструктуры в террористическую деятельность развился в то, что на настоящий момент можно именовать *цифровой инфраструктурой терроризма*. Так, в структуре террористической

¹ См., например: *Бегишев И. Р., Хисамова З. И.* Искусственный интеллект и уголовный закон. М., 2024 ; *Бегишев И. Р.* Уголовно-правовое регулирование робототехники. М., 2022.

² См.: *Шваб К.* Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М., 2018. С. 119.

³ *Ковлагина Д. А.* Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия. М., 2017. С. 75–76.

⁴ Террористическая атака на индийский город Мумбаи в ноябре 2008 года // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20131126/979475607.html> (дата обращения: 12.03.2024).

организации «Исламское государство»⁵ функционируют полноценные медиа-агентства для производства на высоком профессиональном уровне продукции в целях последующего распространения в сети «Интернет». Кроме того, созданы специальные подразделения (например, Cyber Caliphate), которые разрабатывают и используют собственное программно-техническое обеспечение (вредоносные и иные компьютерные программы, мессенджеры и т.п.), а также проводят кибератаки на информационные ресурсы отдельных организаций и государств⁶.

Здесь следует внести необходимую ясность в соотношение таких категорий, как *кибертерроризм* и *цифровая инфраструктура терроризма*. Задача осложняется тем, что в отношении первого в науке уголовного права нет общепринятого подхода. Считается, что в определении кибертерроризма доминируют два направления. Согласно первому из них, кибертерроризм представляет собой совершённую в террористических целях атаку на частные или общественные информационные системы, критическую информационную инфраструктуру государства и пр.⁷ Как нетрудно заметить, выделяются два ключевых критерия: террористическая цель деяния и направленность посягательства именно на компоненты цифровой инфраструктуры.

Суть второго, более широкого подхода заключается в определении кибертерроризма как любого вида террористической деятельности, совершаемого с использованием компонентов информационных технологий. В этом отношении кибертерроризмом является и прохождение обучения с использованием сетевых технологий в целях дальнейшего совершения террористических актов.

Есть весьма серьезные основания к тому, чтобы согласиться с необходимостью принципиального разделения совершаемых в террористических целях компьютерных атак против объектов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры (собственно кибертерроризма) и любой другой террористической деятельности (склонение, пропаганда, обуче-

ние, финансирование), реализуемой с использованием цифровых технологий. Все-таки природа кибертерроризма определяется не только и не столько средством воздействия, сколько направленностью самого общественно опасного деяния, то есть его объектом. И потому кибертерроризм следует понимать исключительно как компьютерную атаку на объекты, прежде всего критически значимые, информационно-телекоммуникационной (цифровой) инфраструктуры.

Проблема определения цифровой инфраструктуры терроризма в теории уголовного права по большому счету еще не была даже поставлена. Соответственно, говорить о ее разработанности на данный момент нельзя. Специалисты лишь обсуждают факты, когда те или иные цифровые технологии были использованы террористами для своих акций.

Полагаем, что в определении цифровой инфраструктуры терроризма нужно исходить из следующих критериев. Прежде всего, в уголовно-правовом контексте цифровая инфраструктура терроризма не может быть сведена к конкретным материальным объектам (серверам, сайтам, социальным сетям, программному обеспечению и т.п.). Такие средства и технологии в правовом смысле нейтральны. Соответственно, цифровая инфраструктура терроризма представляет собой не совокупность цифровых технологий и объектов (аппаратного обеспечения, средств связи и соединения (маршрутизаторы, кабели и т.п.), средств хранения данных и др.), а специфическую *деятельность*, направленную на их изготовление, приспособление, приобретение, предоставление и использование в целях совершения террористических преступлений.

Второй критерий выявляет террористическую составляющую такой деятельности, а именно ее направленность на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.

С учетом изложенного можно сформулировать определение цифровой инфраструктуры

⁵ Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории РФ. См.: решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Информационные ресурсы ИГИЛ // Новое восточное обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/06/08/informatsionny-e-resursy-igil/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ См.: Краинский В. В., Машко В. В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1. С. 79–91.

терроризма: это *умышленные общественно опасные деяния, направленные на создание и развитие технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности.*

Соответственно, предметом воздействия такой деятельности выступают:

— *аппаратное обеспечение* (персональные компьютеры, серверы, центры обработки данных (ЦОД), коммутаторы и т.п.);

— *программное обеспечение* (операционные системы, вредоносные компьютерные программы, веб-ресурсы и др.);

— *сетевое обеспечение* (технологии внутренней и внешней связи).

Возвращаясь к вопросу о соотношении кибертерроризма и цифровой инфраструктуры терроризма, важно указать на следующее. Цифровая инфраструктура терроризма является обязательной составляющей (необходимой предпосылкой) кибертерроризма. Вместе с тем цифровая инфраструктура терроризма как криминальная деятельность по своему масштабу значительно шире и направлена на обеспечение терроризма во всех возможных проявлениях.

Таким образом, можно заключить, что цифровая инфраструктура имманентна кибертерроризму и он невозможен без нее. В то же время инструментарий цифровой инфраструктуры терроризма этим не исчерпывается, поскольку обнаруживает себя во многих других видах террористической деятельности, не связанных с целевыми атаками на информационные сети, автоматизированные системы управления и т.п.

Для осуществления террористической деятельности лица используют вполне законные инструменты цифровой коммуникации (мессенджеры, социальные сети, многопользовательские онлайн-игры и т.п.). При этом применяются популярные и незапрещенные анонимайзеры — специальные программы, предназначенные для изменения или сокрытия сетевых идентификаторов пользователя. В связи с этим возникает вполне понятный вопрос о том, могут ли такие объекты выступать маркерами цифровой инфраструктуры терроризма. Полагаем, что для этого нет значимых препятствий. Весь вопрос заключается в том, чтобы разделить общедоступные цифровые продукты, фактически используемые террористами, и заведомо созданные или приспособленные для осуществле-

ния террористической деятельности. По аналогии можно указать, что не возникает сомнений относительно того, что используемые террористами объекты недвижимости и транспортные средства выступают частью их материально-технической базы (иначе — инфраструктуры). Хотя и дома, и автомобили являются вполне легитимными объектами гражданских прав. Также стоит поступать и с законными инструментами цифровой коммуникации.

С учетом изложенного следует сделать вывод, что орудия и средства цифровой инфраструктуры терроризма могут быть представлены двумя самостоятельными комплексами (типами):

— комплексом открытых (находящихся в свободном доступе) технологий и цифровых продуктов, используемых в целях осуществления террористической деятельности;

— комплексом специальных («закрытых») технологий и цифровых продуктов, заведомо созданных, распространяемых и используемых для осуществления террористической деятельности.

Иными словами, об орудиях и средствах цифровой инфраструктуры терроризма можно говорить в широком и узком смысле. Понятно, что наибольшую опасность и, соответственно, интерес представляют компоненты цифровой инфраструктуры закрытого типа. Наиболее наглядно они могут быть представлены вредоносными компьютерными программами, заведомо созданными для целевых атак на автоматизированные системы управления объектов транспорта, энергетики, здравоохранения и др. Вместе с тем закрытый тип инструментария цифровой инфраструктуры терроризма также представлен специальными ресурсами в закрытом («черном») сегменте сети «Интернет», так называемом Darknet; программным обеспечением для управления боевыми беспилотниками кустарного производства; специально разработанными мессенджерами; программами для шифрования данных; сетями и оборудованием для передачи данных; созданными для осуществления террористической деятельности центрами обработки данных и т.п.

Уникальной и непроявленной проблемой цифровой инфраструктуры терроризма является то, что один человек или малая группа, обладающие специальными знаниями и навыками, способны с использованием компонентов цифровой среды осуществлять террористическую деятельность, сопоставимую по своим масшта-

бам с аналогичной деятельностью многих лиц в составе террористического сообщества либо террористической организации.

На это обстоятельство обращает внимание В. С. Овчинский: «Ключевым фактором повышения могущества малых групп и индивидов является развитие ИКТ. С одной стороны, развитие этих технологий привело к широкому внедрению Интернета, а соответственно, и к возможности не только разрушить, но и взять под управление любые системы, связанные с Интернетом через киберпространство. С другой стороны, ИКТ резко удешевляют производственные процессы и делают доступными многие изделия, оборудование и т.п. для небольших групп... Соответственно, небольшие группы и даже отдельные граждане могут получить новейшие разработки критических технологий, например искусственного интеллекта, по сути, бесплатно»⁸.

К этому же выводу приходит Е. А. Русскевич, обращая внимание на «гипертаргетированность» современной компьютерной преступности, то есть способность практически одновременно вызывать колоссальные по своему масштабу последствия и причинять вред сразу сотням, тысячам и даже миллионам потерпевших⁹.

Цифровая инфраструктура терроризма предназначена не только для террористической пропаганды и вербовки. Цифровые технологии и продукты используются террористами для атак на критическую информационную инфраструктуру государств, для хищения денежных средств у граждан и организаций в целях финансирования террористической деятельности, для атак в отношении отдельных пользователей, в том числе для их последующего шантажа и возможной вербовки.

Нельзя не учитывать и ту роль, которую играют информационные технологии в кадровом обеспечении террористической деятельности.

Компоненты цифровой инфраструктуры позволяют определять пользователей, которые с наибольшей вероятностью поддерживают либо проявляют интерес к идеологии и практике терроризма. Это существенным образом облегчает деятельность профессиональных вербовщиков, которые «по воле случая» оказываются на жизненном пути таких лиц.

Цифровые технологии предоставили террористическим образованиям возможность иметь свои средства массовой информации, социальные сети, средства обмена сообщениями (мессенджеры), сложно организованную и весьма защищенную финансовую систему, а также систему материально-технического и кадрового обеспечения. Например, в литературе справедливо отмечается, что появление виртуальных финансовых активов, в том числе криптовалюты, стало возможным благодаря технологии блокчейн. Известный факт, что криптовалюты широко используются для анонимного финансирования терроризма¹⁰. Всё это в совокупности дает представление о том, насколько высокотехнологичными могут быть современные формы террористической деятельности.

В международных документах подчеркивается важность воздействия именно на факторы, способствующие терроризму. Тем самым проводится идея проактивного правоприменения: «Действия по борьбе с терроризмом должны быть сосредоточены главным образом на предупреждении терроризма или предотвращении террористических актов... действия должны заключаться в разработке и осуществлении перспективных стратегий, а не на принятии мер в ответ на отдельные террористические акты... принять меры против планов террористов и подготовки террористических актов до их практической реализации. Задача состоит в том, чтобы проактивно интегрировать материально-правовые и процессуальные механизмы в целях сокращения случаев применения тер-

⁸ Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018. С. 60–61.

⁹ Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 45.

Нельзя не отметить, что эти процессы спрогнозированы задолго до «цифровой революции». Еще в начале 60-х гг. XX в. Станислав Лем писал, что в XXI в. новая производственная революция создаст условия, когда не только криминальные группы, но и отдельные преступники смогут ставить под угрозу нормальное функционирование и жизнь населения мегаполисов и даже государств (см.: Лем С. Сумма технологий. М., 2021).

¹⁰ Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 209.

рористического насилия и их масштаба, не выходя за жесткие рамки ограничений и гарантий, предусмотренных гражданской системой уголовного правосудия и принципом верховенства закона»¹¹.

В документе по технической помощи, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности, подчеркивается, что «в борьбе с терроризмом вряд ли можно считать удовлетворительным, когда правовой предпосылкой для уголовного преследования является факт совершения нападения, имеющего целью гибель десятков или сотен людей, или покушение на его совершение... Для того чтобы снизить уровень террористического насилия, соответствующие органы должны переключить свое внимание на проактивные меры пресечения на стадии планирования и подготовки террористических актов»¹².

Противодействие цифровой инфраструктуре терроризма требует комплексного подхода. Прежде всего это предполагает симметричное технологическое противодействие правоохранительных органов и специальных служб, когда вредоносной технологии противопоставляется технология, ее нейтрализующая. Е. А. Антонян и И. И. Аминов по данному поводу обоснованно пишут: «Чтобы предотвратить террористические угрозы и радикализацию в киберпространстве, правоохранительные органы должны иметь возможность быть в технологическом отношении на шаг впереди киберкриминала. Изворотливость и профессионализм кибертеррористов, а также их фантастически возросшие технологические возможности требуют от правоохранительных органов всего мира разработки адекватных механизмов противодействия кибертерроризму, стратегия борьбы с которым должна быть направлена на предупреждение и минимизацию угроз и рисков, порождаемых глобальной цифровизацией»¹³.

Вместе с тем это решение проблемы в тактическом смысле. Не менее важна проработка

вопросов стратегического противодействия цифровой инфраструктуре терроризма. В этом плане на первое место выходят вопросы применимости и достаточности имеющегося механизма уголовно-правовой охраны.

Уголовное законодательство России в отношении цифровой инфраструктуры терроризма может быть реализовано следующим образом:

1) в порядке применения ч. 5 ст. 33 УК РФ об ответственности за пособничество в совершении любого преступления террористической направленности;

2) путем применения п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ по признаку совершения преступления в целях поддержки терроризма;

3) в рамках ч. 1.1 или 3 ст. 205.1 УК РФ об ответственности за финансирование терроризма и пособничество в совершении преступлений, предусмотренных статьей 205, частью 3 ст. 206 и частью 1 ст. 208 УК РФ;

4) в порядке применения ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, когда соответствующая деятельность являлась формой участия лица в террористическом сообществе либо организации;

5) посредством применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

В целом приведенный выше перечень возможных алгоритмов квалификации позволяет говорить о наличии определенной базы для уголовно-правового противодействия цифровой инфраструктуре терроризма. Вместе с тем вряд ли можно сделать вывод о том, что проблема решена полностью.

Во многом это связано с тем, что в российском уголовном законодательстве обстоятельно не решен вопрос об ответственности за саму *поддержку терроризма*. Предусмотренная уголовным законом ответственность за пособнические действия (в рамках Общей части) предполагает известную степень осведомленности лица о том, что соответствующие орудия или

¹¹ Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи, подготовленный Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. ООН. Вена, 2006. С. 1–2.

¹² Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи, подготовленный Управлением ООН по наркотикам и преступности. Вена, 2006. С. 8, 10.

¹³ Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 175.

средства разрабатываются и передаются именно для совершения конкретных преступлений террористической направленности.

А. А. Докуев, возможно, и прав, когда пишет, что включение ст. 205.1 УК РФ в российское уголовное законодательство позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств противодействия террористической деятельности, создать нормативную основу для раннего уголовно-правового реагирования на факты содействия террористической деятельности даже при отсутствии признаков соучастия в совершении террористического преступления¹⁴.

Однако идея определения самостоятельного основания ответственности за содействие терроризму оказалась реализована, можно сказать, половинчато и в целом весьма неудачно. Начать с того, что толкование пособничества по ст. 205.1 УК РФ со временем было сведено всё к той же общей норме об ответственности за пособничество в рамках ч. 5 ст. 33 УК РФ: «Поскольку в деле отсутствуют данные о совершении (приготовлении, покушении) А. указанных преступлений, а Х. не содействовал ему либо другому лицу в совершении (приготовлении, покушении) какого-либо конкретного террористического акта и не оказывал помощь в создании, руководстве и финансировании незаконного вооруженного формирования, то оснований для осуждения его по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ не имеется. Что касается осознания Х. того, что переданная им информация может быть использована для совершения преступлений террористической направленности, то данного обстоятельства недостаточно для осуждения по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ»¹⁵.

Аналогичный подход, по сути, реализован и в отношении финансирования терроризма. При применении ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ должна быть установлена прямая осведомленность лица о том, что передаваемые средства предназначены для обеспечения деятельности конкретной террористической организации либо совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности¹⁶. Следует

указать еще и на то, что на уровне судов финансированию терроризма придано крайне расширительное толкование, включившее в содержание данного деяния также предоставление технических или иных материальных средств, в том числе на возмездной основе (что весьма сомнительно).

С. М. Кочои, обращаясь к анализу ст. 205.1 УК РФ, справедливо указывает и на другой значимый недостаток — возможность более строгого наказания организатора и пособника в сравнении с исполнителем террористического акта. По мнению автора, подобные конструкции в Особенной части оказывают негативное воздействие в целом на единый институт соучастия в Общей части¹⁷.

В УК РФ поддержка терроризма упоминается лишь при определении цели, выступающей отягчающим обстоятельством, в п. «р» ч. 1 ст. 63 и аналогичной цели в диспозиции ст. 205.4. Получается, что иные формы поддержки (оказание услуг администрирования компьютерной системы и т.п.) могут преследоваться только через их оценку как пособнических, что не всегда возможно. Так, обычное предоставление услуг центра обработки данных не всегда может быть напрямую расценено как пособничество в террористической деятельности. Такая деятельность является вполне законной. Вместе с тем владельцы дата-центра могут быть осведомлены, что их отдельные клиенты аффилированы с террористическими организациями. Ведение бизнеса в рамках модели предоставления цифровых услуг всем желающим, в том числе тем, в отношении которых лица были проинформированы государственными органами о связи с террористической деятельностью, не образует пособничества.

Любая инфраструктура предполагает наличие людей, которые на постоянной основе осуществляют ее обслуживание и занимаются развитием. Это в полной мере применимо и к цифровой инфраструктуре терроризма. Разветвленная сеть технических устройств и программных продуктов требует привлечения специалистов самого разного профиля (системные

¹⁴ Докуев А. А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 47.

¹⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 25.09.2019 № 201-АПУ19-44 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Кочои С. М. Антитеррористическое уголовное право : монография. М., 2023. С. 59.

администраторы, программисты, веб-дизайнеры, контент-менеджеры и др.). Кроме того, инфраструктура требует постоянного технологического обеспечения и обновления. Это предполагает взаимодействие с поставщиками программного обеспечения и телекоммуникационного оборудования.

Оказание таких услуг и реализация соответствующих цифровых продуктов на постоянной основе субъектам, аффилированным с террористическими организациями либо сообществами, не позволяет говорить о наличии оснований для уголовной ответственности по действующему УК РФ. С учетом этого можно сделать вывод о наличии значимого пробела в уголовно-правовом противодействии деятельности, связанной с созданием и обеспечением цифровой инфраструктуры терроризма.

Признавая правильность именно проактивного противодействия терроризму, представляется необходимым реализовать следующий комплекс мер, направленных на купирование угроз от деятельности, связанной с цифровой инфраструктурой терроризма:

— прежде всего стоит разработать механизм принятия официального решения о том, что конкретная организация — иностранная либо международная — осуществляет деятельность, направленную на поддержку терроризма. Данный механизм может быть построен по типу процедуры признания нежелательной деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной организации в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

— с учетом внедрения указанного выше механизма необходимо установить уголовную ответственность за участие в деятельности, а равно установление или поддержание сотрудничества с иностранной либо международной организацией, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности направленной на поддержку терроризма;

— реализация указанных мер исключительно на национальном уровне вряд ли обеспечит желаемый (наиболее эффективный) результат в

решении проблемы цифровой инфраструктуры терроризма. Практика уголовного преследования лиц, поставляющих оборудование и (или) оказывающих ИТ-услуги субъектам, деятельность которых напрямую или опосредованно направлена на поддержку терроризма, должна приобрести статус международного стандарта. Понятно, что сегодня довольно сложно говорить о возможности достижения такого консенсуса на международном уровне. Хотя на уровне ООН данная проблема обсуждается весьма детально. Так, отмечается, что «государства-члены выражают всё большую обеспокоенность по поводу злонамеренного использования террористическими группами информационно-коммуникационных технологий, в том числе Интернета, социальных сетей и связанных с ними онлайн-пространств, таких как игровые платформы, для распространения недостоверной и заведомо ложной информации и пропаганды, а также для разжигания ненависти и насилия, создания сетей, вербовки, подготовки новобранцев, финансирования деятельности и приобретения оружия»¹⁸. Вполне достижимым и значимым шагом в этом отношении могло бы стать внесение дополнений в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Как нетрудно заметить, общий смысл вышеизложенных инициатив сводится к тому, чтобы, объективно оценив риски цифровизации, расширить пределы уголовно наказуемого содействия терроризму, при этом упростив стандарт вменения. В рамках такой модели деятельность лица может быть признана преступлением уже на том основании, что, будучи осведомленным о статусе соответствующих субъектов как поддерживающих терроризм, оно продолжило осуществлять экономическую деятельность по оказанию услуг, поставке оборудования, программного обеспечения и др.

И наконец, нельзя не признать, что предлагаемый комплекс мер по изменению регулятивного и охранительного законодательства самым существенным образом вторгается в отношения, связанные с оборотом ИТ-услуг и цифровых продуктов. Необходимо учитывать, что на поставщиков услуг не могут быть возложены обязательства по мониторингу информа-

¹⁸ Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят седьмая сессия, 02.02.2023, A/77/718) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.03.2024).

ции, которую они передают или хранят, а также обязательства по активному выявлению фактов или обстоятельств, указывающих на незаконную деятельность. Более того, поставщики услуг хостинга не должны привлекаться к ответственности, если у них отсутствуют фактические данные о незаконной деятельности или соответствующей

информации, а также если им неизвестны факты или обстоятельства, свидетельствующие о незаконном характере деятельности или информации¹⁹. Соответственно, реализация предлагаемой модели должна предполагать самое внимательное отношение к обеспечению основополагающих прав и свобод личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 167–177.
- Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники. М. : Проспект, 2022. 320 с.
- Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М. : Проспект, 2024. 192 с.
- Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 189–211.
- Докуев А. А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. М. : Юрлитинформ, 2016. 192 с.
- Ковлагина Д. А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия. М. : Юрлитинформ, 2017. 168 с.
- Кочои С. М. Антитеррористическое уголовное право : монография. М. : Проспект, 2023. 112 с.
- Краинский В. В., Машко В. В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1. С. 79–91.
- Лем С. Сумма технологий. М. : АСТ, 2021. 800 с.
- Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 352 с.
- Рускевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 521 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Издательство «Э», 2018. 208 с.

REFERENCES

- Antonyan EA, Aminov II. Blockchain technologies in countering cyberterrorism. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;6(103):167-177. (In Russ.).
- Begishev I R. *Criminal law regulation of robotics*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Begishev IR, Hisamova ZI. *Artificial intelligence and criminal law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).
- Dokuev AA. *Criminal liability for the promotion of terrorist activities*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2016. (In Russ.).
- Gracheva YuV, Malikov SV, Chuchaev AI. Preventing deviations in the digital world by criminal law means. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;1:189-211. (In Russ.).
- Kochoi SM. *Anti-terrorist criminal law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Kovlagina DA. *Information terrorism: the concept, criminal law and other counteraction measures*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. (In Russ.).
- Krainsky VV, Mashko VV. Cyberterrorism: criminological characteristics and qualification. *The State and Law*. 2023;1:79-91. (In Russ.).
- Lem S. *Sum of technologies*. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
- Ovchinsky VS. *Criminology of the digital world*. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2018. (In Russ.).

¹⁹ Подобный подход отражен в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении решения 2005/671/ПВД Совета ЕС (СПС «КонсультантПлюс»).

Russkevich EA. *Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and the problems of their qualification*. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2020. (In Russ.).

Shwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Tr. from English. Moscow: «Е» Publ. house; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук,
проректор Университета прокуратуры Российской Федерации
д. 15, 2-я Звенигородская ул., г. Москва 123022, Российская Федерация
dimbok@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry K. Bokov, Cand. Sci. (Law), Vice-Rector of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
dimbok@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 26 мая 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 01.02.2024.

Revised 26.05.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.049-057

Я. М. Плошкина

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Российская Федерация

О необходимости института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе

Резюме. С появлением в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве института досудебного соглашения о сотрудничестве не утихают споры о необходимости его введения и использования в российском уголовном процессе. Ведь досудебное соглашение о сотрудничестве — это попытка ввести в континентальное уголовное судопроизводство, к которому принадлежит и российское, институт, традиционный для англосаксонского уголовного процесса. В статье автор приводит доводы о том, что данный институт не чужд российскому уголовному процессу, нашел свое место в нем, а судебная практика подтверждает, что он в определенной степени инкорпорирован в современный российский уголовный процесс. Вместе с тем, учитывая правовую природу российского уголовного процесса, считаем возможным дополнить предусмотренный в УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве правом суда в судебном заседании исследовать вопросы доказанности деяния, которое инкриминируется лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, в том объеме, который суд посчитает необходимым и достаточным для вынесения справедливого, обоснованного и законного приговора, а затем оценивать объем его сотрудничества со следствием. На наш взгляд, институт досудебного соглашения о сотрудничестве предоставляет большие возможности для добровольного, неконфронтационного, мирного урегулирования уголовно-правового конфликта в рамках уголовного процесса и является одним из инструментов предложенной нами компенсаторной модели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: институт досудебного соглашения о сотрудничестве; компенсаторная модель уголовного судопроизводства; российский уголовный процесс

Для цитирования: Плошкина Я. М. О необходимости института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 49–57. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.049-057

The Need for the Institution of a Pretrial Cooperation Agreement (Pretrial Plea Agreement) in the Russian Criminal Procedure

Yana M. Ploshkina

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. With the advent of the institution of a pre-trial cooperation agreement in Russian criminal and criminal procedure law, disputes about the need for its introduction and use in Russian criminal proceedings have not subsided. After all, a pre-trial cooperation agreement is an attempt to introduce into continental criminal proceedings, to which the Russian one belongs, an institution traditional for the Anglo-Saxon criminal process. In the paper, the author argues that this institution is not alien to the Russian criminal process, has already found its place in it, and judicial practice confirms that it is to a certain extent incorporated into the modern Russian criminal process. At the same time, taking into account the legal nature of the Russian criminal process, we consider it possible to supplement the special procedure provided for in the Criminal Procedure Code of the

© Плошкина Я. М., 2024

Russian Federation for making a judicial decision when making a pre-trial cooperation agreement with the right of the court at a court hearing to investigate the issues of evidence of the act that is incriminated to the person who concluded the pre-trial cooperation agreement, to the extent that the court deems necessary and sufficient for passing a fair, reasonable and lawful sentence, and then assessing the extent of his cooperation with the investigation. In our opinion, the institution of a pre-trial cooperation agreement provides great opportunities for a voluntary, non-confrontational, peaceful settlement of a criminal conflict within the framework of criminal proceedings and is one of the tools of the compensatory model of criminal proceedings we suggest.

Keywords: institute of pre-trial cooperation agreement; compensatory model of criminal proceedings; Russian criminal procedure

Cite as: Ploshkina YaM. The Need for the Institution of a Pretrial Cooperation Agreement (Pretrial Plea Agreement) in the Russian Criminal Procedure. *Lex russica*. 2024;77(7):49-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.049-057

Введение

В 2009 г., после принятия Федерального закона¹, создана правовая база для института досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — соглашение). Данным законом раздел X УПК РФ дополнен главой 40.1, закрепляющей особый порядок вынесения судом решения при заключении соглашения.

Дискуссии о необходимости введения данного института в России продолжаются и после его законодательного закрепления, поскольку эта одна из новаций российского уголовного судопроизводства, нехарактерных для континентальной модели судопроизводства, к которой относится уголовный процесс в РФ.

Российскому дореволюционному, советскому и российскому уголовному и уголовно-процессуальному праву незнакомы соглашения между обвинением и защитой. При решении вопросов о привлечении лица к ответственности и назначении наказания всегда была возможность учитывать его позитивное постпреступное поведение, в частности добровольное содействие органам следствия в выявлении и раскрытии преступлений.

В России существовали и существуют механизмы, поощряющие позитивное посткриминальное поведение подозреваемого/обвиняемого. В отличие от континентального уголовного процесса для англосаксонского традиционно характерны различные соглаше-

ния, «сделки о признании», разновидностью которых выступает соглашение о сотрудничестве².

Появившийся в российском законодательстве институт соглашения — своеобразная попытка внедрить в континентальный уголовный процесс, к которому относится российский, институт, традиционно присущий англосаксонскому процессу.

Основная часть

Так, в науке существует позиция, что рассматриваемый институт не согласуется с природой уголовного процесса в РФ, ограничивает некоторые его принципы: презумпцию невиновности, право на защиту, состязательность — и не позволяет достичь цели и задачи российского уголовного процесса³.

Ведь российский уголовный процесс возник и сформировался в рамках континентальной модели уголовного судопроизводства, его целью выступает справедливое, основанное на достоверных и достаточных доказательствах разрешение дела. Исторически российское уголовное судопроизводство направлено на вынесение решения, которое базируется на всесторонней, полной и объективной оценке доказательств, собранных уполномоченными представителями государства, производящими предварительное следствие или дознание⁴.

¹ Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

² Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М., 2021. С. 1073–1074.

³ Пиук А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. С. 10, 12.

⁴ Свиридов М. К., Пиук А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ. Томск, 2019. С. 262.

Однако рассматриваемый институт не только существенно сокращает доказывание в суде, но и из-за порока в собирании доказательств в досудебных стадиях вследствие заключения в начале досудебного расследования соглашения не позволяет достичь заявленную в уголовном процессе в РФ цель. Констатация «полноты и достоверности сведений» (ч. 2 ст. 317.5 УПК РФ), переданных следствию подозреваемым или обвиняемым как исполнение им обязательств по соглашению, задокументированных в представлении прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по поводу заключившего соглашение лица, не тождественна достаточной совокупности различных доказательств вины, отвечающих требованиям относимости и допустимости, как лица, заключившего соглашение, так и иных лиц, о которых он сообщил следователю.

Интересны результаты анкетирования, проведенного А. В. Пиюком в 2013–2016 гг. в Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Краснодарском, Хабаровском крае и Московской области по вопросам применения гл. 40.1 УПК РФ, результаты которого нашли отражение в его диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук⁵. Согласно результатам, в более чем 48 % дел, рассмотренных в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ, показания подозреваемого или обвиняемого составляют существенную часть обвинительных доказательств.

Только в 16,3 % случаев лица, заключившие рассматриваемое соглашение, информировали правоохранительные органы о наличии каких-либо документов, электронных писем на иных лиц, совершивших преступления, мест нахождения тайников и др., которые были позднее отражены в протоколах обысков, осмотров, заключениях экспертов. По мнению А. В. Пиюка, в связи с выделенным делом в отношении заключившего соглашение лица в отсутствие его соучастников и без проведения различных сопоставлений, сравнений и исследований доказательств проблематично, а порой невозможно

установить, насколько достоверна сообщаемая информация⁶. В результате при рассмотрении уголовных дел в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ суд фактически довольствуется получением вероятностных знаний, отчего существенно возрастает вероятность вынесения несправедливого приговора, что не способствует стабильности и правопорядку в обществе⁷.

Согласно данному подходу использование вышеуказанного института ограничивает принципы российского уголовного процесса. Следователь и прокурор в своей деятельности, по существу, придерживаются «презумпции вины», а не презумпции невиновности, поскольку подозреваемый/обвиняемый, заключая соглашение, по сути, соглашается с предъявленным ему обвинением и фактически признает себя виновным. Действие принципа состязательности на досудебных стадиях своеобразно, поскольку заключившее соглашение лицо заинтересовано в доброжелательных отношениях со следователем и прокурором. Поэтому роль адвоката носит, по существу, формальный характер. При рассмотрении дела в особом порядке суд должен исследовать обстоятельства, которые подтверждают содействие подсудимого правоохранительным органам в выявлении и раскрытии преступления, установлении и уголовном преследовании иных соучастников преступления, а также изучить информацию о личности заключившего соглашение (ст. 317.7 УПК РФ). В связи с этим судья, рассматривая в особом порядке уголовное дело, фактически не осуществляет правосудие, а лишь проверяет и исследует, каким образом и как подсудимый оказывал содействие органам расследования⁸.

Таким образом, сторонники данной точки зрения предлагают отказаться от предусмотренного российским законодательством данного института, чуждого природе континентального уголовного процесса, к которому относится и уголовный процесс в РФ. Изъявившие желание сотрудничать со следствием лица обладают такой возможностью в рамках общего порядка рассмотрения дела, и для этого нет необходимости в выделении в отдельное производство.

⁵ Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. С. 442.

⁶ Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 30, 34.

⁷ Свиридов М. К., Пиюк А. В. Указ. соч. С. 262.

⁸ Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 32–33.

Положительное посткриминальное поведение обвиняемого, в том числе его готовность сотрудничать со следователем, можно рассматривать как форму поощрения для применения установленных законом льгот по назначению наказания и освобождению от него для лиц, стремящихся посредством своего позитивного посткриминального поведения уменьшить последствия совершенных ими преступлений⁹.

Несмотря на многочисленные недостатки, присущие данному институту, считаем, что он не чужд российскому уголовному судопроизводству и в определенной степени инкорпорирован в него. Так, накопленная более чем за 10 лет судебная практика показывает, что институт соглашения нашел свое место в российском уголовном судопроизводстве. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 г. было рассмотрено в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ 2 821 уголовное дело; в 2021 г. — 2 831; в 2020 г. — 2 823; в 2019 г. — 3 156; в 2018 г. — 3 735; в 2017 г. — 4 157; в 2016 г. — 4 190; в 2015 г. — 4 251; в 2014 г. — 4 157; в 2013 г. — 3 344; в 2012 г. — 2 649 уголовных дел¹⁰.

На наш взгляд, при реализации рассматриваемого института можно достичь цель российского уголовного судопроизводства — справедливо разрешить дело на основе достаточного количества достоверных доказательств. Это возможно за счет того, что принципы, основные условия предварительного расследования и судебного производства действуют и когда дело рассматривается в отношении заключившего соглашение лица, в законе не предусмотрено каких-либо изъятий из доказательственного права, в том числе из правил оценки доказательств, а также из требований к итоговым процессуальным документам (обвинительному заключению, приговору) при заключении рассматриваемого соглашения.

Предварительное следствие, согласно ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ, в отношении заключившего соглашение лица осуществляется в общем порядке с соблюдением основных положений УПК РФ, но с учетом ряда моментов: выделение дела; принятие мер при угрозе безопасности

заключившего соглашение, его близких родственников, родственников и близких лиц; приобщение к материалам дела всех необходимых для заключения рассматриваемого соглашения процессуальных документов. Российский законодатель не делает каких-либо исключений, сопряженных с заключением соглашения, из обязанностей следователя: прежде всего, по установлению обстоятельств, которые подлежат доказыванию, по определению достаточной совокупности доказательств, собранных по делу, следователем для составления обвинительного заключения, а затем прокурором для утверждения данного процессуального акта. Отсутствуют также какие-либо изъятия из правила, предусмотренного в ч. 2 ст. 77 УПК РФ: законодатель требует, чтобы обвинение базировалось на достаточной совокупности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого в совершенном преступлении, а не только на его признании своей вины.

К обязанности суда относится, помимо прочего, решение о проведении в особом порядке судебного заседания и вынесения судебного решения по делу в отношении заключившего соглашение обвиняемого. Согласно О. В. Качаловой, судья при принятии данного решения осуществляет также компенсаторную функцию усложненной гносеологической деятельности, поскольку он должен сформировать свое убеждение о возможности вынесения обвинительного приговора в отношении заключившего соглашение лица¹¹. По ее мнению, предметом судебного познания выступает выяснение и констатация как достаточности оснований для того, чтобы назначить судебное заседание, так и достаточности собранных по делу доказательств, свидетельствующих о виновности заключившего соглашение лица; это всё, по сути, равнозначно судебному следствию, которое осуществляется в общем порядке¹². В совокупности всё это создает условия, позволяющие достичь цель уголовного процесса в РФ даже тогда, когда уголовное дело рассматривается в отношении заключившего соглашение лица.

В то же время согласны с тем, что существенным недочетом особого порядка явля-

⁹ Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 18, 38.

¹⁰ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 20.01.2024).

¹¹ Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 20.

¹² Качалова О. В. Указ. соч. С. 20.

ется незакрепление в УПК РФ механизма, с помощью которого суд может констатировать реальные обстоятельства совершения преступления как лицом, заключившим соглашение, так и иными лицами¹³. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ такие требования к приговору, как законность, обоснованность, справедливость, распространяются также и на приговор, вынесенный в отношении заключившего соглашение подсудимого. Исследование и оценка в особом порядке уголовно-процессуальных доказательств происходят в сокращенном объеме. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28.06.2012 № 16 (п. 16) также указывает на сокращенный, особый порядок в части исследования и оценки доказательств, которые были собраны по делу в отношении заключившего соглашение лица. Там же прямо отмечено, что к обязанностям суда в уголовном деле в отношении заключившего соглашение подсудимого относится выяснение и исследование только вопросов, предусмотренных в ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ. Фактически речь идет о выяснении и установлении в суде обстоятельств:

а) позволяющих характеризовать, конкретизировать и дать оценку действиям подсудимого в части его содействия правоохранительным органам в обнаружении и раскрытии преступления, установлении и преследовании иных соучастников уголовно наказуемого деяния, розыске добытого в ходе преступления имущества;

б) характеризующих его как личность, в том числе смягчающих и отягчающих уголовное наказание.

При этом судья обязан провести опрос подсудимого и выяснить его позицию относительно предъявленного обвинения. В обвинительном приговоре должен быть описан конкретный состав преступления, который инкриминируется подсудимому. Пленум Верховного Суда РФ в п. 22.1 постановления № 16 закрепил: «В приговоре, в частности, указывается, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объеме; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено им добровольно и при участии защитника;

какое содействие следствию им оказано, в чем именно оно выразилось; приводятся результаты проведенного в судебном заседании исследования обстоятельств, указанных в части 4 статьи 317.7 УПК РФ».

В обязанность суда при его убежденности в доказанности преступления, совершенного в том числе лицом, заключившим соглашение, входит постановление обоснованного, справедливого, законного приговора как акта правосудия, в котором должны быть установлены обстоятельства совершенного деяния, в связи с чем логично и целесообразно предоставить суду для выполнения его обязанности право в части исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, и доказательств в объеме, необходимом для вынесения приговора, отвечающего всем требованиям (законный, обоснованный и справедливый) в отношении подсудимого, с которым заключено данное соглашение. Считаем, что суд, рассматривая в особом порядке дело, прежде всего должен выяснить, насколько доказано уголовно наказуемое деяние, которое вменяется лицу, заключившему соглашение, и затем оценить объем его сотрудничества со следствием.

Полагаем, что заслуживает внимания правовое регулирование аналогичных институтов в некоторых постсоветских странах, в частности в Республике Беларусь. С 2015 г., согласно УПК Республики Беларусь¹⁴, производство по делу в отношении заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве лица осуществляется в обычном, общем порядке; сокращенный, усеченный порядок исследования доказательств не применяется. Исходя из ч. 3 ст. 468.6 УПК Республики Беларусь, недопустимо заключать данное соглашение по делам ускоренного производства. Как сказано в ч. 1 ст. 468.10 УПК Республики Беларусь, когда уголовное дело от следователя поступило прокурору для рассмотрения и направления дела в суд, то он или его заместитель, помимо вопросов, требующих разрешения в любом уголовном деле, должен также констатировать, что обвиняемый исполнил обязательства, предусмотренные в соглашении.

В части 1 ст. 468.11 УПК Республики Беларусь предписано, что дело в отношении заключившего соглашение обвиняемого исследуется

¹³ Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 286.

¹⁴ УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 20.01.2024).

судом по общим правилам, но с учетом особенностей, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 468.11 УПК Республики Беларусь, «при рассмотрении уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, также исследуются следующие вопросы:

1) полнота выполнения обвиняемым обязательств по оказанию содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, либо иному заглаживанию вреда, причиненного преступлением;

2) значение оказанного обвиняемым содействия предварительному следствию в раскрытии преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем;

3) сведения о преступлениях, обнаруженных в результате оказанного обвиняемым содействия предварительному следствию, или уголовных делах, возбужденных в результате такого содействия».

По нашему мнению, предусмотренный в УПК Республики Беларусь процесс исследования доказательств, в том числе в суде, при наличии рассматриваемого соглашения согласуется с типологическими закономерностями развития белорусского уголовного процесса, который, как и российский, развивается в рамках континентальной модели процесса, целью которой выступает справедливое, основанное на достаточной совокупности допустимых и достоверных доказательств разрешение дела, т.е. речь идет о всестороннем, объективном и полном установлении обстоятельств произошедшего, иными словами — о выяснении и констатации истины по конкретному делу.

С учетом существующего в России особого порядка принятия решения суда при заключении соглашения полагаем необходимым закрепить в законе механизм, позволяющий суду выяснить реальные обстоятельства того, что совершено в действительности как лицом, заключившим подобное соглашение, так и другими лицами. Для этого считаем возможным расширить порядок исследования доказательств за

счет предоставления суду возможности выяснять в судебном заседании доказанность инкриминируемого деяния, совершенного лицом, с которым заключено соглашение. Полагаем, что суд наделяется правом исследовать доказательства в таком объеме, какой необходим и достаточен для постановления приговора, отвечающего всем требованиям, а затем оценивать объем сотрудничества лица со следствием.

Кроме того, не можем согласиться с точкой зрения А. В. Пиюка по поводу специфического действия принципа состязательности на досудебных стадиях, когда расследуется дело в отношении заключившего соглашение подозреваемого/обвиняемого. По нашему мнению, досудебное производство как таковое не может быть организовано на состязательных началах, включая равноправие сторон и арбитражную роль суда. При расследовании уголовного дела в общем порядке в досудебном производстве также отсутствует равноправие сторон и состязательность. На наш взгляд, состязательность возможна только в суде, именно судебное производство может быть и является состязательным.

Разделяем позицию О. В. Качаловой, что в деле, где лицо заключило подобное соглашение, презумпция невиновности имеет ограниченную сферу действия: установление фактических обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния и вины подозреваемого или обвиняемого производится только в досудебных стадиях, а суд, по сути, выключен из полноценного логического процесса доказывания¹⁵.

На наш взгляд, с учетом сформированной более чем за 10 лет правоприменительной практики рассматриваемый институт обрел свое место в российском уголовном процессе, инкорпорирован в него, хотя имеется много нерешенных проблем.

В российской доктрине существуют различные позиции по поводу указанного института.

О. В. Качалова рассматривает данный институт как одну из разновидностей ускоренных производств в уголовном процессе, особенностями которых являются сокращенное доказывание в суде, отказ обвиняемого от общепринятой в суде процедуры, связанной с рассмотрением дела, отсутствие правового спора в части обвинения¹⁶.

¹⁵ Качалова О. В. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Качалова О. В. Указ. соч. С. 16–17.

Иные авторы исследуют данный институт через призму упрощенного порядка, поскольку упрощение осуществляется за счет уменьшения судебного следствия как основного этапа судебного разбирательства и невозможности обжаловать приговор из-за того, что он не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела¹⁷.

В науке представлена также позиция, что рассматриваемый институт не является упрощенной формой, так как он объединяет в себе усложненные (на досудебных стадиях закон требует проведения особых процедур, закрепленных в гл. 40.1 УПК РФ, и издания соответствующих процессуальных решений) и упрощенные процедуры (в суде)¹⁸. Вследствие этого О. Н. Тисен предлагает рассматривать данный институт в качестве специального, но не упрощенного производства, так как ускоренные механизмы предусмотрены только в судебном разбирательстве и при соблюдении установленных в УПК РФ условий¹⁹.

На наш взгляд, несмотря на различные трудности с реализацией, институт досудебного соглашения о сотрудничестве нашел свое место в российском уголовном процессе и в определенной мере необходим, поскольку он содействует добровольному, неконфронтационному разрешению криминального конфликта в рамках уголовного судопроизводства и представляет собой одно из проявлений предлагаемой нами компенсаторной модели уголовного судопроизводства.

Компенсаторная модель уголовного процесса, в отличие от традиционной, направленной прежде всего на уголовное преследование и впоследствии на назначение виновному лицу справедливого наказания, ориентирована на добровольное, неконфронтационное, мирное урегулирование уголовно-правового конфликта в рамках уголовного процесса. В основе такого урегулирования конфликта — идея сотрудничества как одна из стратегий разрешения уголовно-правового конфликта, в результате чего деструктивный на момент совершения преступ-

ления конфликт трансформируется в конструктивный.

Добровольное позитивное постпреступное поведение обвиняемого выступает своего рода компенсацией неблагоприятных последствий совершенного преступления, в результате происходит нейтрализация или по крайней мере смягчение этих неблагоприятных последствий. Компенсация последствий посредством добровольного совершения обвиняемым или подозреваемым конкретных позитивных постпреступных действий способствует восстановлению законных прав и интересов государства, общества, потерпевшего, нарушенных в результате преступления, что является целью компенсаторной модели уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, институт досудебного соглашения — один из инструментов компенсаторной модели уголовного судопроизводства, поскольку в его основе лежит компенсаторный механизм. С одной стороны, подозреваемый/обвиняемый изъявляет добровольное желание на активное содействие правоохранительным органам и активно оказывает им содействие в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников уголовно наказуемого деяния, розыске имущества, приобретенного в результате преступления, в целях сокращения неблагоприятных последствий, прежде всего правовых, совершенного им преступления. С другой стороны, в целях оптимизации процессов по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений государство в обмен на добровольное выполнение заключившим соглашение лицом своих обязательств применяет установленные в законе льготы в части уменьшения уголовного наказания и возможного освобождения от него.

Заключение

Таким образом, в ходе подобного сотрудничества заключившего соглашение лица с право-

¹⁷ Никонов Г. В. Определение круга преступлений, при расследовании которых допустимо заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2023. № 3. С. 69–76 ; Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12–13.

¹⁸ Качалова О. В. Указ. соч. С. 37–38 ; Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург. 2017. С. 15, 31.

¹⁹ Тисен О. Н. Указ. соч. С. 15, 31.

охранительными органами с целью оказания им содействия и предусмотренных в законе положений о смягчении наказания деструктивный в момент совершения преступления уголовно-правовой конфликт с конфронтацией сторон трансформируется в конструктивный конфликт в ходе производства по делу.

Урегулирование криминального конфликта происходит на уровне подозреваемого/обвиняемого и государства, общества. Досудебное соглашение о сотрудничестве осуществляет функцию компенсаторной модели уголовного судопроизводства, связанную с позитивным урегулированием криминального конфликта, направленным на устранение конфронтации сторон, стабилизацию общественных отношений, нормализацию межличностных взаимоотношений и снятие напряженности.

Подозреваемый/обвиняемый, в добровольном порядке активно оказывая помощь следствию посредством содействия ему, по сути, компенсирует неблагоприятные последствия преступления, в итоге — нейтрализация, смягчение неблагоприятных последствий совершенного преступления. Компенсация неблагоприятных последствий совершенного преступления посредством добровольного совершения обвиняемым или подозреваемым конкретных позитивных постпреступных действий в целях содействия следствию способствует восстановлению законных прав и интересов государства, общества, которые были нарушены преступлением.

Своими активными положительными постпреступными действиями, совершение которых предусмотрено соглашением, обвиняемый или подозреваемый способствует возмещению причиненного обществу и государству преступлением вреда в части восстановления нарушенного правопорядка, поскольку совершает

активные действия в части содействия правоохранительным органам в обнаружении, раскрытии и расследовании уголовно наказуемого деяния, установлении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в ходе преступления.

Вместе с тем законные права и интересы потерпевшего относительно возмещения причиненного уголовно наказуемым противоправным деянием вреда на сегодняшний день не нашли своего законодательного регулирования в рассматриваемом российском институте. Так, законодатель не предусмотрел участие потерпевшего ни в какой форме в данном институте. Поэтому с целью защиты законных прав и интересов потерпевшего полагаем необходимым при заключении соглашения выяснять его мнение, в ходатайстве о заключении соглашения подозреваемый/обвиняемый обязан указать действия не только по активному содействию следствию, но и по возмещению потерпевшему имущественного ущерба, уплате полученного преступным путем дохода, а также любые иные действия по заглаживанию вреда потерпевшему. Помимо этого, предлагаем дополнить права потерпевшего правом быть проинформированным о намерении заключения подобного соглашения, последствиях его заключения, а также правом высказывать свои предложения, условия по заглаживанию причиненного преступлением вреда или высказываться против заключения соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, несмотря на наличие многих проблем, обусловленных применением досудебного соглашения о сотрудничестве, считаем, что этот институт нашел свое место в российском уголовном процессе и его необходимо развивать, поскольку он является одним из проявлений предложенной нами компенсаторной модели уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 55 с.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М., 2021. 1328 с.

Никоноров Г. В. Определение круга преступлений, при расследовании которых допустимо заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2023. № 3. С. 69–76.

Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. 39 с.

Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. 469 с.

Свиридов М. К., Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ. Томск, 2019. 348 с.

Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. 62 с.

REFERENCES

Golovko LV (ed.). *The Course on Criminal Law*. 3rd ed. Moscow; 2021. (In Russ.).

Kachalova OV. *Accelerated proceedings in the Russian criminal process*. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2016. (In Russ.).

Nikonorov GV. Determination of the range of crimes investigation of which allows for conclusion of a pre-trial agreement on cooperation. *Criminal Law*. 2023;3:69-76. (In Russ.).

Piyuk AV. *The theoretical foundations of simplifying the forms of resolution of criminal cases by the court in the Russian Federation: A typological aspect*. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Tomsk; 2017. (In Russ.).

Sviridov MK, Piyuk AV. *The theoretical foundations of simplifying the forms of resolution of criminal cases by the court in the Russian Federation*. Tomsk; 2019. (In Russ.).

Tisen ON. *Theoretical and practical problems of the Institute of pre-trial agreement on cooperation in Russian criminal proceedings*. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Orenburg; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плошкина Яна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета
д. 6, Маерчака ул., г. Красноярск 660075, Российская Федерация
ploshkina_yana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana M. Ploshkina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
ploshkina_yana@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 20 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 01.02.2024.

Revised 20.03.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Ф. В. Чирков

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация

Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей

Резюме. Формирование системы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей может рассматриваться в качестве актуального и самостоятельного направления уголовной политики государства. Ее легитимность и эффективность напрямую определяются степенью воплощения в принимаемых государством нормотворческих и правоприменительных решениях конституционных стандартов и принципов регулирования уголовно-правовых отношений. Конституционализация уголовной политики в области охраны традиционных ценностей требует не только соблюдения общих принципов: использования уголовного закона в качестве крайнего средства, соразмерности, правовой определенности, справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и др. Она с необходимостью предполагает решение сложной задачи конкретизации в сфере уголовно-правового регулирования иных, содержательно специфичных принципов воплощения традиционных ценностей в законодательстве и практике его применения. В ряду таких принципов первоочередное значение имеет обеспечение конституционной идентичности, баланса конституционных ценностей, солидарности общества. Первый принцип находит воплощение, в частности, в ст. 207.3 УК РФ, в дифференциации уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних в зависимости от вида этого действия (ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ). Примерами нормативной фиксации солидарности общества могут служить статьи 354.1, 144.1–145.1 УК РФ. В свою очередь, поиск баланса конституционных ценностей осуществляется на всех этапах создания и применения уголовно-правовой нормы с учетом конкретно-исторических условий и на основе представлений о конституционной идентичности.

Ключевые слова: традиционные ценности; уголовная политика; уголовное право; конституционные принципы; конкретизация конституционных принципов; конституционализация уголовного права; уголовно-правовая охрана традиционных ценностей; конституционная идентичность; баланс конституционных ценностей; обеспечение солидарности общества

Для цитирования: Чирков Ф. В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 58–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Constitutional Principles of Spiritual and Moral Values Protection under Criminal Law

Philip V. Chirkov

Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The formation of a system of criminal law protection of traditional Russian spiritual and moral values can be considered as an actual and independent direction of the criminal policy of the State. Its legitimacy and effectiveness are directly determined by the degree of implementation of constitutional standards and principles of regulation of criminal law relations in the normative and law enforcement decisions adopted by the State. The constitutionalization of criminal policy in the field of protection of traditional values requires not only compliance with general principles: the use of criminal law as a last resort, proportionality, legal certainty, justice, differentiation of responsibility, humanism, etc. It necessarily involves solving the difficult task of specifying other, meaningfully specific principles of the embodiment of traditional values in legislation and practice of its application in the field of criminal law regulation. Among such principles, ensuring constitutional identity, balance

© Чирков Ф. В., 2024

of constitutional values, and solidarity of society are of primary importance. The first principle is embodied, in particular, in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the differentiation of criminal liability for sexual acts against minors, depending on the type of this action (Parts 1 and 2 of Articles 134 of the Criminal Code). Articles 354.1, 144.1–145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation can serve as examples of the normative consolidation of the solidarity of the society. In turn, the search for a balance of constitutional values is carried out at all stages of the creation and application of a criminal law norm, taking into account specific historical conditions and based on ideas about constitutional identity.

Keywords: traditional values; criminal policy; criminal law; constitutional principles; concretization of constitutional principles; constitutionalization of criminal law; criminal law protection of traditional values; constitutional identity; balance of constitutional values; ensuring solidarity of society

Cite as: Chirkov FV. Constitutional Principles of Spiritual and Moral Values Protection under Criminal Law. *Lex russica*. 2024;77(7):58–69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Введение

Уголовная политика, основанная на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, может рассматриваться в качестве новой модели уголовно-правового воздействия на криминальные угрозы и их носителей. «Новая» — не значит в принципе неизвестная ранее российской практике. В той или иной степени традиционные ценности всегда присутствовали (и по определению не могли не присутствовать) в предметно-целевом поле уголовно-политической деятельности. Однако существенно скорректированная и соответствующим образом отредактированная уголовная политика, в которой на программном уровне предельно четко зафиксирована связь ее целей и содержания с духовно-нравственными ценностями, может претендовать на то, чтобы считаться «новой» по сравнению с политикой, в которой связь с этими ценностями существовала по большей части латентно, неосознанно или интуитивно. Именно акцентированное внимание на связи уголовной политики с ценностями высвечивает ее свойства и характеристики, которые до настоящего момента оставались в тени исследовательских интересов и которые должны быть предельно ясно осмыслены и артикулированы. Образно говоря, концепт традиционных ценностей становится новой оптикой, сквозь которую необходимо рассмотреть проблемы уголовной политики с тем, чтобы представить ее модернизированную версию.

Будучи неразрывно связанными с текстом Конституции РФ, традиционные ценности приобретают характеристики не просто моральных императивов, но и конституционных тре-

бований, воплощение которых в процессе уголовно-правового регулирования является частью общей задачи конституционализации уголовного права и уголовной политики. При этом традиционные ценности привносят свои содержательные коррективы в общий процесс конституционализации уголовного права, уточняют и развивают его конституционные начала и принципы.

Конституционализация права в одном из своих определений трактуется как продолжающийся процесс конкретизации конституционных начал, освоения конституционных ценностей и норм в действующем законодательстве¹. Такой подход можно взять за основу понимания конституционализации уголовной политики, принимая во внимание, что принципиальных различий в процессах конституционализации права и конституционализации политики быть не должно, поскольку право (и в части создания, и в части применения правовых норм) является собой одну из форм реализации политики. В связи с этим вопрос о конституционализации уголовной политики (в части охраны традиционных духовно-нравственных ценностей) есть прежде всего вопрос о том, какие конституционные начала должны быть конкретизированы в уголовном праве, какие из них служат фундаментом рассматриваемого аспекта уголовной политики, выступают ее принципами. Не углубляясь в обсуждение понятийно-терминологических тонкостей (они не имеют значения для раскрытия нашей темы), все эти конституционные положения будем именовать принципами уголовной политики.

Так как уголовно-правовая охрана традиционных ценностей — одно из направлений

¹ Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.

уголовной политики страны, она с необходимостью подчинена общим принципам уголовной политики. Можно было бы предположить, что в ее основе должны быть также некоторые специальные, предметно определяемые требования. Однако традиционное деление принципов на общие и специальные применительно к принципам конституционного уровня едва ли можно применить, учитывая всеохватывающий объект конституционной регламентации и обобщенный характер конституционных положений. Конституционные принципы всегда универсальны и всеобщы. В связи с этим теоретически более точно говорить о том, что применительно к уголовно-правовой охране традиционных ценностей конституционализация предполагает как воплощение общих конституционных принципов собственно уголовного права, так и конкретизацию иных, содержательно специфичных принципов воплощения в законодательстве и практике его применения традиционных ценностей.

Общие конституционные принципы охраны традиционных ценностей

Общие конституционные принципы уголовно-правовой охраны традиционных духовно-нравственных ценностей не отличаются от конституционных требований, которые государство должно соблюдать при нормативном регулировании оснований, условий и сроков привлечения к уголовной ответственности в иных ситуациях. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что:

— уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности²;

— в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма³;

— само по себе неустановление законодательством уголовной ответственности за те или иные деяния не нарушает конституционные права граждан, в отношении которых эти деяния совершены, и не препятствует использованию ими в целях защиты своих прав и законных интересов иных правовых средств⁴;

— юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба безопасности государства и влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности⁵;

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсвоякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16584.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54 ; постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3633.

— закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, законодатель связан критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия)⁶;

— законодатель обязан соотносить вид юридической ответственности с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств⁷;

— виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое заключается главным образом в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и

гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства⁸;

— при установлении уголовно-правовых санкций законодатель не может игнорировать принцип *non bis in idem*, который означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности⁹.

Изложенные требования к уголовно-правовой охране любых социально значимых объектов (в принципе, хорошо известные политико-правовой и научно-исследовательской практике) выступают фундаментом уголовного права и сохраняют свое конституционное значение в деле охраны традиционных ценностей.

Уголовно-правовая конкретизация конституционных принципов укрепления и защиты традиционных ценностей

Традиционные российские духовно-нравственные ценности привносят дополнительные требования к определению содержания уголовной политики. Прежде всего напомним, что целевое предназначение политики укрепления и защиты традиционных ценностей заключается в защите и укреплении суверенитета России, а политика защиты суверенитета, в свою очередь, имеет

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2022 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой» // СЗ РФ. 2022. № 22. Ст. 3755.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26.05.2000 “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

одним из своих направлений и одновременно средств реализации защиту традиционных ценностей. Целевая и инструментальная взаимосвязь «политики ценностей» и «политики суверенитета» находит прямое выражение в политике уголовной, которая служит средством их силовой, репрессивной поддержки.

В ряду основополагающих конституционных требований, соблюдение которых призвано формировать облик новой уголовной политики и которые справедливо рассматривать в качестве ее принципов, можно назвать: обеспечение конституционной идентичности, обеспечение баланса конституционных ценностей, обеспечение солидарности общества.

1. Конституционная идентичность

Категория конституционной идентичности приобрела особую актуальность в контексте необходимости разрешения противоречий, порождаемых процессами международной интеграции и глобализации в сфере права. Реагируя на них, Конституционный Суд РФ неоднократно заявлял о необходимости уважения «национальной конституционной идентичности», прежде всего субъектами международного права¹⁰, и подчеркнул, что именно Конституция РФ «как Основной Закон выступает высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации, закрепляет ее конституционную идентичность во внутрисударственном и международном пространстве»¹¹. Вместе с тем значение конституционной идентичности не ограничивается упорядочением взаимодействия национальной и наднациональных систем права и правопорядка. Выявление и публичная презентация элементов конституционной иден-

тичности важны прежде всего для понимания специфики России самими гражданами России.

В конституционно-правовой науке концепт «конституционная идентичность» оценивается неоднозначно. Некоторые пишут, что он уже оформлен в официальную юридическую теорию, включающую систему воззрений и руководящие принципы, которая оправданно применяется Конституционным Судом РФ¹²; другие настороженно отмечают, что «категория конституционной идентичности с научной точки зрения вызывает некоторые сомнения, а органу конституционного контроля следовало бы, насколько возможно, избегать использования этой категории как аргумента при разрешении споров на практике»¹³. В нашу задачу не входит детальное профессиональное обсуждение вопросов конституционной идентичности. Но некоторые соображения на этот счет высказать необходимо.

Конституционный Суд РФ указал, что понятие «идентичность» охватывает собой «совокупность ценностей, защита которых составляет главный смысл существования государства, и важнейших институтов, эти ценности гарантирующих». Но в то же время отметил, что внешним проявлением, «юридически значимым подтверждением принадлежности к ней тех или иных ценностно-институциональных элементов, доказательством того, что данные ценности или институты действительно образуют основы национального бытия, оберегать которые и предназначен в первую очередь государственный суверенитет, является последовательная защита этих элементов органами суверенной юрисдикции»¹⁴.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31.07.2014 по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (абз. 3 п. 2) // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

¹¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (абз. 4 п. 3) // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

¹² Подольян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.

¹³ Троицкая А. А. Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 2. С. 20.

¹⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного

В таком подходе есть некоторая недосказанность. Идентичность определяется через ценности, которые защищены правом и судом. Конституционный Суд РФ не раскрывает содержания этих ценностей, а как бы «бланкетным образом» отсылает к практике юрисдикционных органов. С учетом места и роли суда в системе органов государственной власти это, пожалуй, верный подход. Ценности не формулируются судом, а «извлекаются» им прежде всего из текста Конституции, иных правовых источников и реальной социокультурной практики. Более того, полное, раз и навсегда данное изложение ценностей едва ли возможно.

Теоретические попытки содержательного определения конституционной идентичности свидетельствуют, что в этом случае речь, как правило, идет о фундаментальных цивилизационно-культурных понятиях, лежащих в основе разрешения тех или иных правовых вопросов, о понимании добра и зла, природы человека, сущности и назначения семьи, материнства, отцовства, воспитания детей, образования, места религии в структуре общества, соотношения частных и публичных интересов и др.¹⁵ Иными словами, речь идет о традиционных ценностях.

Именно сквозь призму этих ценностей в процессе реализации уголовной политики следует проводить толкование объектов уголовно-правовой охраны и применяемых при этом средств, оценку элементов составов преступлений и действий виновных лиц, связанных с причинением общественно значимого вреда.

В частности, Конституционный Суд РФ именно с учетом исторического и культурного наследия народов России, складывающихся на современном этапе развития общества, истол-

ковал формы выражения права на свободу вероисповедания и публичные дискуссии по религиозной тематике¹⁶. На основе традиционных представлений о гуманизме в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик, в частности на сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемых всеми традиционными религиозными конфессиями) представлениях о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, Конституционный Суд истолковал механизм реализации прав лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией¹⁷. Исходя из положений Конституции РФ, согласно которой многонациональный народ Российской Федерации чтит память предков, передавших ему любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, осознает свою ответственность перед потомками, Суд дал толкование ст. 354.1 УК РФ¹⁸.

Тест на соблюдение конституционной идентичности применим и ко многим иным уголовно-правовым нормам. Прежде всего тем, которые затрагивают наиболее чувствительные области проявления личной свободы в государственно устроенном обществе. Например, к нормам об ответственности за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан (ст. 207.3 УК РФ), о дифференциации уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних в зависимости от вида этого действия (ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ) и др.

В условиях формирования уголовной политики, основанной на традиционных ценностях,

---

Суда РФ от 19.10.2021. С. 94 // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁵ Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 40.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision175797.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ишутова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision491293.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

он должен стать одним из обязательных условий принятия решения о криминализации и проверке состоявшихся решений. В содержательном отношении требование соблюдения конституционной идентичности коррелирует известному принципу социальной, исторической и культурной обусловленности уголовной политики и уголовного права. Однако оно вносит в него значимые подчеркнута правовые ограничения.

По аналогии с проблематикой учета неправовых факторов в процессе эволютивного толкования закона, неправовые факторы конструирования уголовно-правового запрета (культурные, исторические и пр.) в рамках концепции конституционной идентичности ограничиваются текстом Конституции, не приносятся в сферу права извне, а «выводятся» непосредственно из основополагающего конституционного акта. А. А. Троицкая обоснованно отмечает, что формально-юридическая опора на текст Конституции дает по крайней мере три поисковых направления для обнаружения истоков конституционной идентичности: а) текст преамбулы, как правило, отражающей пережитый опыт и/или устремления в будущее; б) текст глав, содержащих основные принципы правового порядка, чаще всего — это главы об основах конституционного строя, иногда — об основах взаимодействия личности и государства; в) текст положений, имеющих повышенную защиту от конституционных изменений. Любого из этих источников может быть достаточно для обнаружения черт конституционной идентичности, а их комбинация может дать обобщенные результаты, поскольку все три элемента текста так или иначе содержат ключевые для данного правового порядка идеи, ценности¹⁹.

Науке и практике еще предстоит обрести методику «выведения» черт конституционной идентичности из текста Конституции РФ, в том числе с учетом президентского указа, определившего перечень традиционных духовно-нравственных ценностей. И это перспективная

приоритетная задача прежде всего специалистов в области конституционного права, философии и социологии права. Специалисты в области уголовного права по большей части могут следовать в фарватере их научных изысканий. Но со стороны криминальных наук необходимую информацию может предоставить криминология, в том числе такие ее разделы, как культурная и историческая криминология.

2. Баланс конституционных ценностей

Тема соотношения конституционных ценностей всегда была в центре внимания правоведов, но в последние годы приобрела повышенную актуальность, в том числе в связи с выявлением параметров конституционной идентичности России, укреплением суверенитета и построением сильного государства. Первое время после принятия УК РФ 1996 г. в уголовно-правовой науке проблема конституционных ценностей обсуждалась по преимуществу с точки зрения расстановки приоритетов в их охране. Если некоторые авторы последовательно отстаивали приоритет интересов личности, ее прав и свобод²⁰, то другие, напротив, писали о необходимости первоочередной защиты государственных и общественных интересов²¹. В последние годы эта дискуссия вышла на новый уровень. Прежняя концепция, обосновывающая наличие конституционно заданной иерархии ценностей, стала активно конкурировать с набирающей силу концепцией, в рамках которой все конституционные ценности признаются равнозначными и несоподчиненными, а задача правового регулирования состоит в поиске оптимального баланса между ними. Г. А. Гаджиев прямо утверждает: «Необходимо искать справедливый баланс между равнозначными конституционными ценностями, когда ни одной из этих ценностей не отдается безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)»²². Применительно к сфере регулирования уголовно-правовых отношений тезис сбалансированности интересов четко ар-

¹⁹ Троицкая А. А. Указ. соч. С. 17.

²⁰ См., например: Наумов А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : Проспект, 2006.

²¹ См., например: Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 37.

²² Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челя-

тикулировал Конституционный Суд РФ: «Лишь обращение к методу баланса, применяемого в том числе в контексте аксиологического подхода, обеспечивает конституционно должное соотношение частных и публичных интересов, выступающих основаниями ограничений прав и свобод»²³.

Поиск и обоснование конституционного баланса ценностей приобретает особое значение в ситуациях, когда реализация прав и свобод одного лица затрагивает интересы иных лиц, общества или государства. Именно аксиотелеологический метод (составной частью которого является прием балансировки), будучи ведущим для конституционного нормоконтроля, предполагает проверку конституционности законоположений сквозь призму конституционных ценностей, затрагиваемых соответствующим нормативным регулированием. Применение названного метода позволяет Конституционному Суду РФ, обнаружив, что ситуативное противоречие между отдельными ценностями, вызванное изъянами нормотворчества либо правоприменения, системно связано с дефектным регулированием, определить способы его преодоления (нормативные, правоприменительные) и достичь равновесия между интересами личности, отдельных социальных групп и всего общества²⁴.

Например, Конституционный Суд РФ указал, что порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания требует его соотношения с порядком реализации иных

конституционных прав, в том числе в социально-политической сфере, и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд, обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов — с другой, не посягая при этом на само существо данного права и не создавая препятствий для его реализации²⁵. В иных ситуациях Конституционный Суд РФ разрешал проблему баланса публичных интересов и права граждан на участие в публичных мероприятиях²⁶. Озвучил Конституционный Суд РФ и свою позицию в отношении необходимости поиска баланса между правом на свободу выражения мнений и иными конституционными ценностями, в том числе правом на доброе имя и свободой политической дискуссии²⁷.

Поиск баланса конституционных ценностей — сложная и по своему содержанию едва ли не центральная задача уголовной политики, с учетом того что суть уголовно-правового запрета и наказания — лишение или ограничение лица какого-либо права — всегда осуществляется в интересах защиты иных прав и законных интересов личности, общества и государства. В данном случае балансировка осуществляется в два этапа. На первом выясняется содержание и пределы того или иного права человека, с тем чтобы сбалансировать их с иными конституционными ценностями и установить границы свободы, неподконтрольности личности в его осуществлении. На втором этапе выясняется на-

---

бинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6669.

²³ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля...». С. 118.

²⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023. С. 9 // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина».

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31644.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

личие баланса между собственно уголовно-правовыми средствами реагирования на злоупотребление этим правом и целями уголовного права. Первая часть в большей степени коррелирует нормативной обрисовке состава правонарушения и диспозиции уголовно-правовой нормы; вторая часть — адекватности правовых средств реагирования на нарушение и адекватности уголовного наказания, законодатель сделал выбор в его пользу. И в том и в другом случае балансировка осуществляется, во-первых, на всех этапах создания и применения уголовно-правовой нормы и, во-вторых, что особенно важно, с учетом конкретно-исторических условий правотворчества и правоприменения и на основе представлений о конституционной идентичности, в том числе на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

3. Обеспечение солидарности общества

Обеспечение сплоченности общества как условие его бесконфликтного и устойчивого развития является актуальной и проблемой, и задачей едва ли не всех государств мира на всех этапах их исторического развития. Россия — не исключение. Еще в 2013 г., рассуждая о проблемах общественного доверия, В. Д. Зорькин вполне обоснованно констатировал, что «общество... “расщепилось” на почти независимо существующие или даже конфликтующие страты с очень разными представлениями о моральном и справедливом. При этом во всех социальных стратах в значительной степени утрачены и альтруизм, и разумность эгоизма»²⁸.

Ответом на вызовы и риски демассификации общества и социальной дезорганизации стало утверждение принципа солидарности. Становление солидарности в качестве общеправовой категории определялось, как отмечает Конституционный Суд РФ, поиском ценностно приемлемого соотношения индивидуальной свободы и социального долга, равновесия между частными и публичными интересами, между отдельными частными интересами, а также между отдельными публичными интересами²⁹.

Сегодня тезис об экономической, политической и социальной солидарности получил непосредственное закрепление в ст. 75.1 Конституции России. Выступая антиподом не только частному эгоизму, индивидуальному и

групповому, но и этатистской абсолютизации публичного в ущерб частному, в тех случаях, когда формальное следование конституционным предписаниям ведет к социально неприемлемым результатам, принцип солидарности способствует нейтрализации злоупотреблений конституционными правами и свободами.

Как определяет Конституционный Суд РФ в цитированном крайне содержательном аналитико-информационном материале, принцип солидарности находится в системной связи с иными конституционными предписаниями, в частности:

— с принципом балансировки конституционных ценностей, которая предполагает поиск их справедливого соотношения, обеспечения полноценного осуществления каждой из ценностей, не отдавая безусловного предпочтения ни одной из них и устраняя возможные между ними противоречия;

— с принципом справедливости, согласно которому во всех правоотношениях с участием субъектов, существенно различающихся между собой по критерию фактического равенства, должна быть обеспечена соразмерность возможностей сильной стороны относительно слабой стороны; в отношениях между фактически равными субъектами должен быть соблюден баланс их прав;

— с принципом юридического равенства, требующего, среди прочего, единообразного применения правовых норм, ясности и непротиворечивости законодательного регулирования, понятности механизма его действия субъектам правоотношений, верховенства закона;

— с принципом доверия граждан к закону и действиям публичной власти, который требует от законодателя обеспечения правовой определенности, устойчивости правового регулирования, недопущения внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемости законодательной политики, с тем чтобы участники правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в защищенности своего официально признанного статуса и приобретенных прав.

В то же время принцип солидарности обладает и собственным оригинальным содер-

²⁸ Зорькин В. Д. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> (дата обращения: 15.01.2024).

²⁹ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности...». С. 4.

жанием. Социальная солидарность, пишут исследователи, «многоаспектный феномен, отражающий интересы общества и личности как единой социосистемы и вследствие этого отвергающий принцип формирования отношений между отдельными индивидами, социальными общностями исключительно на основе индивидуализма в угоду прибыли, противопоставления частных интересов интересам общества (“совокупной” личности), равно как и подавления частных интересов квазигосударственными, узковедомственными интересами, создавая тем самым мощное противодействие центробежным асоциальным силам, дезинтегрирующих (буквально — разрывающих) общество на конкурирующие и противостоящие друг другу атомарные единицы»³⁰. Проявляя себя в конституционно предусмотренных сферах, солидарность создает благоприятные условия для общегражданского диалога, поддерживая конструктивные взаимосвязи между социальными группами — носителями разнородных интересов при посредничестве, оказываемом в случае необходимости публично-властными институтами. Причем в связи с конституционным признанием солидарность должна рассматриваться не просто как социально-этическая категория, но как категория права, как конституционный принцип, обладающий значимым регулятивным содержанием. Он купирует возникающие коллизии частного и общественного интересов, сглаживая противоречия между ними и обеспечивая социальный консенсус в чистом виде³¹. Недооценка регулятивных возможностей принципа солидарности «может привести к необратимым последствиям, превратить в иллюзию идею консолидации как условия прогресса»³².

Требование солидарности, ввиду его всеобщей конституционной значимости, не ограничивается исключительно сферой регулирования социальных, трудовых, пенсионных, экономических отношений. В полной мере данный принцип охватывает собой и отношения уголовно-правовые.

Например, поскольку принцип солидарности возлагает на ныне живущее поколение обязательство перед ушедшими и будущими поколениями, дополнительные легитимирующие начала приобретают уголовно-правовые нормы об ответственности за реабилитацию нацизма (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ), за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 2 ст. 354.1 УК РФ). Межпоколенческая солидарность обнаруживает себя в системе правоотношений, связанных с реализацией уголовно-правовых запретов на отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно увольнение с работы такого лица по тем же мотивам (ст. 144.1 УК РФ), отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ). Общее требование сохранять общенациональное достояние, то культурное и материальное наследие, которое народ России, приняв от предков, должен передать своим потомкам, находит свою конкретизацию в нормах об ответственности за экологические преступления, преступления, связанные с оборотом культурных ценностей, нарушением правил осуществления археологической деятельности и др.

Таким образом, принцип солидарности пронизывает едва ли не все содержание уголовного закона, выступая и основой, и средством сплочения общества на основе традиционных ценностей и конституционной идентичности. Это дало основание специалистам констатировать, что в сфере уголовной политики концептуально оформилась идея использования уголовного закона не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов органи-

³⁰ Червонюк В. И., Артюхов Ю. С. Солидарность как основа общегражданского согласия — парадигмы современного конституционного развития // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 94.

³¹ Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 75–76.

³² Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.

заций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции, в том числе для поддержания социального спокойствия, доверия к государству, веры в справедливость³³.

Заключение

Подводя итоги исследованию вопроса о конституционных принципах уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей, представляется возможным сформулировать несколько значимых выводов:

— во-первых, уголовная политика, основанная на традиционных ценностях, выступает средством поддержки, с одной стороны, политики укрепления и защиты традиционных ценностей, которая заключается в защите и укреплении суверенитета России, а с другой стороны — политики защиты суверенитета страны, которая, в свою очередь, имеет одним из своих направлений и одновременно средств реализации защиту традиционных ценностей;

— во-вторых, легитимация и эффективность уголовной политики, особенно в условиях ее трансформации в соответствии с концептами сильного государства и традиционных ценностей, непосредственно зависит от качества

воплощения в законотворческой и правоприменительной практике конституционных принципов и стандартов регулирования уголовно-правовых отношений;

— в-третьих, конституционализация уголовно-правовой охраны традиционных ценностей предполагает реализацию как общих конституционных принципов уголовного права (использования уголовного закона в качестве крайнего средства, соразмерности, правовой определенности, справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и др.), так и конкретизацию в сфере уголовно-правового регулирования иных, содержательно специфичных принципов воплощения в законодательстве и практике его применения традиционных ценностей (обеспечение конституционной идентичности, обеспечение баланса конституционных ценностей, обеспечение солидарности общества);

— в-четвертых, принципы конституционной идентичности, баланса конституционных ценностей и солидарности, каждый в отдельности и особенно в своей совокупности, образуют не только философско-мировоззренческий, но и конституционно-правовой фундамент новой модели уголовной политики, призванной гарантировать суверенитет и безопасность российского государства и признаваемых им правовых благ на основе консолидации общества вокруг разделяемых им традиционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 8–18.

Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 138–151.

Зорькин В. Д. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> (дата обращения: 15.01.2024).

Наумов А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В. С. Комиссаров. М.: Проспект, 2006. С. 409–412.

Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.бу. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Подольян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.

Троицкая А. А. Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 2. С. 12–23.

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.

Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. 196 с.

³³ См.: Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 12.

Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.

Червонюк В. И., Артюхов Ю. С. Солидарность как основа общегражданского согласия — парадигмы современного конституционного развития // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 92–95.

Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 73–78.

REFERENCES

Bosholov SS, Maximov SV. Criminal law policy: experience, problems and ways of improvement. *Prologue: Law Journal*. 2018;3:8-18. (In Russ.).

Chervonyuk VI, Artyukhov YuS. Solidarity as the basis of general civil consent — the paradigm of modern constitutional development. *Law and the State: Theory and Practice*. 2023;10(226):92-95. (In Russ.).

Filimonov VD. *The protective function of criminal law*. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentri-Press Publ.; 2003. (In Russ.).

Galyashina EI, Bogatyrev KM. The concept of «traditional russian spiritual and moral values» in the context of ensuring media security on the Internet. *Lex russica*. 2022;75(10):138-151. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Stages and main directions of constitutionalization of russian legislation annotation. *Journal of Constitutional Justice*. 2013;6:25-30. (In Russ.).

Naumov AV. Constitutional foundations of criminal law protection of human and civil rights and freedoms. In: Komissarov VS (ed.). *Constitutional foundations of criminal law: Proceedings of the 1st All-Russian Congress on Criminal Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2006. (In Russ.).

Pavlov VI. Constitutional identity and the rule of law as two different paradigms of modern constitutionalism. *Pravo.by*. 2022;5(79):36-42. (In Russ.).

Podolyan DA. The formation of the doctrine of constitutional identity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2017;4:94-100. (In Russ.).

Shalamova AN. Constitutional principle of social solidarity: theoretical and legal analysis. *Altai Law Journal*. 2023;3(43):73-78. (In Russ.).

Troitskaya AA. Constitutional identity and where to find it. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2023;2:12-23. (In Russ.).

Umnova-Konyukhova IA, Aleshkova IA. The principle of solidarity in the post-industrial society: content peculiarities and development tendencies. *Public International and Private International Law*. 2021;1:3-7. (In Russ.).

Zorkin VD. Public trust and its role in the functioning of the legal system. Available at: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> [Accessed 15.01.2024].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Кубани, докторант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
д. 149, Ставропольская ул., г. Краснодар 350040, Российская Федерация
Fil-chirkov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Philip V. Chirkov, Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of Kuban; Doctoral Student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
Fil-chirkov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 06.03.2024.

Revised 07.03.2024.

Accepted 15.06.2024.

И. В. Чечельницкий

Рабочий аппарат Уполномоченного
по правам человека в Российской Федерации
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Международная деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: содержание, проблемы, перспективы

Резюме. В статье с теоретических и практических позиций проведен анализ деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере международного сотрудничества по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина. Особое внимание автором уделено месту и роли института государственного защитника прав человека в период вооруженных конфликтов. Государственную правозащитную деятельность, связанную с международным сотрудничеством в области прав человека, автор рассматривает в контексте следующих четырех основных срезов: взаимодействие с международными организациями; сотрудничество с омбудсменами зарубежных стран; защита прав российских граждан, находящихся за рубежом; защита прав иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации. В статье проанализированы такие новые форматы государственной правозащитной деятельности, как ведение диалога с омбудсменами «недружественных государств», с которыми отсутствуют дипломатические отношения, в том числе в период вооруженных конфликтов, по вопросам оказания помощи гражданам России, чьи права нарушаются на территории указанных государств; организация работы по воссоединению семей, оказавшихся по разные стороны линии соприкосновения; участие омбудсмена в проведении Министерством обороны Российской Федерации обмена пленными и поиске без вести пропавших в период проведения вооруженных конфликтов; взаимное с омбудсменами иностранных государств посещение пленных и организация передачи посылок для них от родственников; взаимодействие Уполномоченного с Международным комитетом Красного Креста по вопросам оказания помощи в посещении пленных, поиске без вести пропавших военнослужащих; взаимодействие Уполномоченного с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев в вопросах оказания помощи эвакуированным в Россию гражданам. Обоснованы предложения по совершенствованию нормативного правового регулирования деятельности государственного правозащитника в международном сотрудничестве, в том числе в период межгосударственных конфликтов, как на национальном, так и на международном уровне.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина; государственный защитник прав человека; государственная правозащитная деятельность; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; омбудсмен; правозащитная дипломатия; право; государство; общество

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Международная деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: содержание, проблемы, перспективы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 70–85. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.070-085

International Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Content, Problems, Prospects

Ilya V. Chechelnitkiy

The Office of the Commissioner
for Human Rights of the Russian Federation
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the field of international cooperation on the protection of human and civil rights and freedoms from theoretical and practical standpoints. The author pays special attention to the place and role of the institution of the public defender of human rights during armed conflicts. The author considers state human rights activities related to international cooperation in the field of human rights in the context of the following four main sections: interaction with international organizations; cooperation with ombudsmen of foreign countries; protection of the rights of Russian citizens abroad; protection of the rights of foreign citizens located on the territory of the Russian Federation. The paper analyzes such new formats of state human rights activities as conducting a dialogue with the ombudsmen of «unfriendly states» with which there are no diplomatic relations, including during armed conflicts, on issues of assistance to Russian citizens whose rights are violated on the territory of these states; organizing work on family reunification, who find themselves on different sides of the contact line; the Ombudsman's participation in the exchange of prisoners carried out by the Ministry of Defense of the Russian Federation and the search for missing persons during armed conflicts; mutual visits to prisoners with ombudsmen of foreign states and the organization of the transfer of parcels for them from relatives; interaction of the Commissioner with the International Committee of the Red Cross on assistance in visiting prisoners, searching for missing servicemen; the Commissioner's interaction with the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees in providing assistance to citizens evacuated to Russia. The proposals for improving the normative legal regulation of the activities of a state human rights defender in international cooperation, including during inter-state conflicts, both at the national and international levels, are substantiated.

Keywords: human and civil rights and freedoms; public defender of human rights; state human rights activity; Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; ombudsman; human rights diplomacy; law; state; society

Cite as: Chechelnitkiy IV. International Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Content, Problems, Prospects. *Lex Russica*. 2024;77(7):70-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.070-085

Введение

Государственная правозащитная деятельность представляет собой уникальную по целеполаганию и инструментарию работу органов публичной власти по восстановлению, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению личной безопасности граждан при реальной угрозе их жизни и здоровью, созданию необходимых организационных условий для реализации прав и свобод граждан.

Она заключается в системе юридически закреплённых функций, полномочий, действий, осуществляемых государственными правозащитными организациями, направленными на признание, соблюдение, защиту, содействие в реализации установленных законодательством и иных, не противоречащих ему прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также коллективных прав и публичных интересов групп граждан, коммерческих и некоммерческих организаций, снижении правозащитных рисков¹. В данной статье государственная

¹ См.: Новикова А. Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2021 ; Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14 ; Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 9 ; Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Феде-

правозащитная деятельность рассмотрена на примере работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный).

Она реализуется в разных формах и решает различные задачи в зависимости от индивидуальной жизненной ситуации, с которой столкнулся тот или иной человек, обратившийся за защитой своих нарушенных прав и свобод к Уполномоченному. Значение государственной правозащитной деятельности в современном мире переоценить невозможно, ведь она позволяет исправлять ошибки, допускаемые органами власти по отношению к человеку, преодолевать несправедливость и бюрократические барьеры, показывает, что «усилия гражданского общества при поддержке властных структур, которые направлены на защиту прав и свобод человека, способны достичь результата даже там, где бессильны юридические процедуры»².

В условиях санкционной войны, развязанной Западом против России, проведения специальной военной операции по борьбе с неонацизмом на Украине и обострения ситуаций, связанных с нарушением прав наших соотечественников за рубежом, стремительно возрастает актуальность работы государственных правозащитных органов по отстаиванию прав, свобод и законных интересов граждан на международной арене. Данному направле-

нию ранее уделялось определенное внимание в юридической науке³, однако современные реалии внесли серьезные коррективы в международную деятельность омбудсмена. Важно, что даже при отсутствии дипломатических отношений между государствами в период ведения боевых действий правозащитный диалог между органами государственной власти враждующих сторон позволяет помогать людям, попавшим в беду на их территориях.

Данная тема приобретает особую актуальность в условиях глобальной трансформации международных связей: на смену прежнему однополярному миру, который насаждался лидирующим в экономическом и технологическом плане коллективным Западом, приходит многополярное мироустройство. В науке справедливо отмечается, что в настоящее время «должен сложиться новый миропорядок, который позволит каждому государству реализовать те идеи общего блага, с которыми исторически связано его существование»⁴.

Эти процессы происходят на фоне глубокого кризиса межгосударственных отношений и сопряженного с ним кризиса прав человека, попыток объявить устаревшими «решения Ялтинской и Потсдамской конференций, которые закрепили итоги Второй мировой войны и послевоенное устройство Европы»⁵. С началом СВО усилилось не только санкционное давле-

---

рации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 12 ; *Калнина М. Ю.* Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8 ; *Бойченко С. И.* Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 9–10.

² *Москалькова Т. Н.* Защита прав человека : сборник статей и выступлений. М., 2020. С. 460.

³ См.: *Москалькова Т. Н.* Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 23–44 ; *Гончаренко О. К., Ахметзянов А. О.* Развитие международного сотрудничества в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 85–95 ; *Черников В. В.* Законодательство об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации нуждается в обновлении // Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека и 25-летию принятия Конституции Российской Федерации (Москва, 5 декабря 2017 г.) / под ред. Т. Н. Москальковой. М., 2018. С. 275–282 ; *Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе.* М. : РУДН, 2017 ; *Ковалев А. А.* Международная защита прав человека : учеб. пособие. М. : Статут, 2013 ; *Лазарь Л. К.* Роль и функции омбудсменов (комиссаров) в международной защите прав человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁴ *Экимов А. И.* Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. М., 2022. С. 125.

⁵ *Корнев А. В.* О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11–22.

ние иностранных государств на экономику России, но и русофобская политика Прибалтики и Украины в отношении наших соотечественников, исторически проживающих в этих странах⁶.

В средствах массовой информации неоднократно сообщалось о нарушении прав русскоговорящего населения в Латвии, Эстонии и на Украине. В последние годы участились массовые нарушения прав наших соотечественников, исторически проживающих на этих территориях, в частности беспрецедентные для Европы случаи массового лишения гражданства русскоговорящих жителей, ущемления их прав как языкового меньшинства.

В 2023 г. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека указало на «дискриминационные меры» в законе Эстонии о реформе русских школ. Отмена обучения на языках меньшинств в дошкольных учреждениях и школах «противоречит международным документам по правам человека», как заявили в ООН⁷. Аналогичная ситуация наблюдается на Украине. Русский язык и литература попадают под тотальный запрет на государственном уровне.

И в этих условиях цивилизованный мир нуждается в обновлении международной системы защиты прав. От новой правозащитной системы требуется, чтобы она, во-первых, соответствовала интересам многополярного мира и не становилась инструментом политического давления одних государств на другие; во-вторых, восстановила авторитет прав и свобод человека как базовой ценности. К сожалению, он сегодня утрачен из-за многочисленных примеров пренебрежения правами человека в угоду геополитическим интересам в странах Запада. Как отметил Президент РФ В. В. Путин в ходе встречи с членами Совета при Президенте РФ по правам человека и развитию гражданского общества, в настоящее время «продолжается процесс деградации международной системы

обеспечения и продвижения прав человека. Ее институты, фактически контролируемые Западом, демонстрируют политическую ангажированность, лицемерие и неприкрытую избирательность»⁸.

Особую актуальность приобретают вопросы обеспечения прав соотечественников, находящихся за рубежом. В поправках к Конституции РФ 2020 г. нашла отражение важнейшая норма об обязанности государства оказывать поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Обновленные конституционные положения раскрываются в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. и Концепции внешней политики РФ 2023 г., где сказано, что «высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации»⁹, а «развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им всесторонней поддержки в осуществлении их прав»¹⁰ являются одной из основных задач на пути к достижению стратегических целей внешней политики Российской Федерации.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

Основную и координирующую роль по обеспечению прав соотечественников за рубежом играет МИД России, однако важную функцию выполняет институт Уполномоченного. Роль государственного защитника прав человека в международном сотрудничестве закреплена как в международно-правовых, так и в национальных документах государств, где созданы и действуют институты омбудсменов. В частности,

⁶ См.: Москалькова Т. Н. Русофобия как угроза международной системе прав человека // Юристы-Правоведь. 2023. № 3. С. 56–68.

⁷ В ООН посчитали закон Эстонии об образовании нарушающим права человека // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/17/990654-v-oon-poschitali-zakon-estonii-narushayuschim> (дата обращения: 01.03.2024).

⁸ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72905> (дата обращения: 08.04.2024).

⁹ П. 1 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

¹⁰ Пп. 14 п. 17 Концепции внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

«Принципами, касающимися статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека», утвержденными Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.1993 № 48/134, установлено, что одной из функций омбудсмена является сотрудничество с ООН и любыми другими организациями системы ООН, региональными учреждениями и национальными учреждениями других стран, компетентными в вопросах поощрения и защиты прав человека¹¹.

Статьей 3 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹² закреплены обширные средства, которыми государственный защитник прав человека способствует развитию международного сотрудничества в области прав человека. Аналогичное полномочие законодательно закреплено за уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации¹³.

Данные нормы претворяются в жизнь как в процессе многостороннего сотрудничества российских омбудсменов на международных площадках ООН, ОБСЕ, Евразийского альянса омбудсменов, Европейского института омбудсменов и других интеграционных сообществ, так и путем активного двустороннего сотрудничества с омбудсменами зарубежных государств по рассмотрению обращений российских граждан за рубежом и иностранцев в России.

В действующем российском законодательстве установлено, что Уполномоченный рассматривает жалобы граждан Российской Федерации в собственной стране и пребывающих за рубежом, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе беженцев¹⁴.

Как справедливо отмечено академиком О. Е. Кутафиним, «гражданство является непременной предпосылкой для обладания лицом всей суммой конституционных и иных прав и свобод, возложения на него обязанностей, а также для защиты его прав и интересов не толь-

ко внутри данного государства, но и за рубежом в дипломатическом порядке и других установленных в межгосударственном общении формах»¹⁵. Это положение придает практическое значение работе по развитию международного сотрудничества в области прав человека. Именно ради оказания помощи конкретным людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, выстраиваются отношения между национальными учреждениями, занимающимися поощрением и защитой прав человека, на международных площадках и в двустороннем формате.

О принципах международной деятельности Уполномоченного

Правозащитная дипломатия государственного защитника прав человека в условиях многополярного мира и построения новой международной системы защиты прав человека, как указывается в Докладе Уполномоченного за 2023 г., должна основываться на следующих принципах:

- политическая нейтральность;
- безбарьерная правозащитная среда (свободный доступ государств-участников и их граждан к механизмам защиты прав, а также невозможность ограничения доступа к этим механизмам по политическим мотивам);
- разнообразие правозащитных механизмов (возможность государств и их граждан выбирать оптимальные для них международные правозащитные механизмы и одновременно возможность учета в работе таких механизмов национальных особенностей того или иного государства);
- равноправие и взаимное уважение интересов государств — участников международных правозащитных организаций;
- максимальное представительство и коллективное решение наиболее значимых вопросов;
- развитие международной региональной правозащитной системы (поощрение процес-

¹¹ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] (приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.1993 № 48/134) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 03.03.2024).

¹² СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

¹³ См.: ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640.

¹⁴ См.: ст. 32.1-1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

¹⁵ Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. М., 2022. Т. 3 : Российское гражданство : монография. С. 3.

сов региональной интеграции государств по признанию и защите прав человека);

— расширение практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека (поощрение развития двустороннего взаимодействия национальных органов и структур, занимающихся поощрением и защитой прав человека)¹⁶.

Предложенные принципы построения международной правозащитной дипломатии могли бы найти отражение в международном пакте «О правовом статусе и основных направлениях взаимодействия омбудсменов по защите прав и свобод человека и гражданина».

Основные направления международной деятельности Уполномоченного

Государственную правозащитную деятельность, связанную с развитием международного сотрудничества в области прав человека, можно разделить на четыре основных сектора: взаимодействие с международными организациями; сотрудничество с омбудсменами зарубежных стран; защита прав российских граждан, находящихся за рубежом; защита прав иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации.

1. Взаимодействие с международными организациями

Подчеркивая важность первого направления правозащитной деятельности на международной арене, профессор В. Н. Синюков справедливо отмечает, что одним из векторов развития института прав человека в современном мире должны стать «проведение новой международной политики по сотрудничеству в сфере прав человека, создание новых правозащитных международных коллабораций»¹⁷. В рамках данной

теоретической парадигмы даже в условиях кризиса международной системы защиты прав человека продолжается диалог со структурами ООН, ОБСЕ, Совета Европы, интеграционных объединений омбудсменов, направленный на продвижение российской позиции относительно ситуации с правами человека в мире, презентацию лучших отечественных практик государственной правозащитной деятельности, привлечение внимания международных структур к вопиющим фактам нарушения прав граждан России за рубежом, в том числе вследствие санкционной войны, развернутой против нашей страны. В 2023 г. в адрес международных организаций омбудсменом направлено 898 обращений о нарушении прав и свобод наших граждан и соотечественников властями зарубежных государств¹⁸. На некоторые из них поступила реакция. Так, в марте 2023 г. был получен ответ от Верховного комиссара ООН по правам человека Ф. Тюрка на обращение Уполномоченного о пытках в отношении российских пленных со стороны ВСУ¹⁹.

На новый уровень вышла работа в области прав человека в рамках СНГ. В 2023 г. запущена работа Комиссии СНГ по правам человека, председателем которой избрана Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова. Планом работы Комиссии на 2024–2025 гг. предусмотрены тематические форумы и круглые столы; анализ опыта стран — участников СНГ по правовому регулированию прав человека; создание рабочих групп по выработке предложений, в том числе о порядке рассмотрения Комиссией обращений, о подготовке новой редакции Модельного закона о статусе Уполномоченного по правам человека, о разработке индекса прав человека в государствах — членах Комиссии.

В 2023 г. расширился созданный в 2017 г. Евразийский альянс омбудсменов²⁰. В его со-

¹⁶ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 411.

¹⁷ Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.

¹⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 417.

¹⁹ Москалькова сообщила об ответе Верховного комиссара ООН по поводу пыток на Украине // URL: <https://rg.ru/2023/02/16/moskalkova-poluchila-otvet-ot-verhovnogo-komissara-oon-po-povodu-pytok-rossijskih-voennosluzhashchih.html> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год. С. 260–261 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2018/04/16/doklad-site-dok.html> (дата обращения: 20.02.2024).

став в 2023 г. вошел представитель Королевства Бахрейн. Сегодня в составе Альянса 10 стран Европы и Азии. В настоящее время перспективной задачей представляются укрепление Альянса как надежной правозащитной площадки регионального уровня и развитие сотрудничества между Альянсом и другими международными объединениями омбудсменов.

2. Сотрудничество с омбудсменами зарубежных стран

Сотрудничество с омбудсменами зарубежных государств реализуется Уполномоченным в следующих основных форматах: взаимные обращения по вопросам защиты прав и свобод граждан; совместные приемы граждан и правопросветительские мероприятия; обмен опытом путем участия в мероприятиях друг друга на взаимных началах; взаимное посещение граждан государств в местах принудительного содержания; направление информационных материалов; рабочие поездки в государства, которые представляет омбудсмен, и др.

Данные направления взаимодействия реализуются с омбудсменами более 70 государств мира. Эффективной правовой основой для них в условиях отсутствия единого международного соглашения о взаимодействии омбудсменов выступают двусторонние соглашения (меморандумы) о взаимопонимании. По состоянию на апрель 2024 г. российским омбудсменом

подписано 38 двусторонних соглашений о сотрудничестве с омбудсменами государств Африки, Латинской Америки, Европы и Азии. Ежегодно как в рамках данных соглашений, так и за их пределами омбудсмены направляют друг другу сотни обращений о помощи конкретным людям, по которым в дальнейшем принимаются определенные меры правозащитного реагирования. Например, в результате обращения российского Уполномоченного в адрес омбудсменов Турции и Грузии удалось эвакуировать на специальном медицинском автомобиле российскую гражданку, получившую серьезную травму на отдыхе в Турции, на территорию г. Владикавказа, где ее встретили и госпитализировали родственники²¹. Всего в рамках двустороннего взаимодействия омбудсменов за 2016–2024 гг. оказана помощь более 700 гражданам России, попавшим в беду за рубежом²².

Кроме того, омбудсмены обмениваются лучшими практиками и опытом в ходе многосторонних конференций по правам человека. В частности, ежегодная международная научно-практическая конференция «Проблемы защиты прав человека: обмен лучшими практиками омбудсменов» в 2023 г. собрала на своей площадке омбудсменов 47 государств²³ (в 2017 г. в первой подобной конференции приняли участие омбудсмены пяти государств: Армении, Кыргызстана, Турции, Ирана, Украины)²⁴. Данное масштабное правозащитное мероприятие

²¹ См.: Закон на Вашей стороне: положительная практика рассмотрения обращений граждан Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2022 году. М., 2023. С. 54–55.

²² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 01.03.2024) ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 01.03.2024) ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/01/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2020-god.html> (дата обращения: 01.03.2024) ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/04/14/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2019-god.html> (дата обращения: 01.03.2024) ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2019/06/11/a1701940-dok.html> (дата обращения: 01.03.2024) ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2017/05/17/doklad-dok.html> (дата обращения: 01.03.2024).

²³ В конференции омбудсменов в Москве принимают участие 47 стран // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/10/18/v-konferencii-ombudsmenov-v-moskve-prinimaiut-uchastie-47-stran.html> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год. С. 260.

имеет широкий резонанс и чрезвычайно позитивный характер для демонстрации омбудсменам иностранных государств лучших отечественных наработок в области защиты прав человека. Оно проводится по инициативе российского омбудсмана с 2017 г. при поддержке Президента РФ В. В. Путина и традиционно открывается его приветствием.

Готовность к более тесному и обстоятельному сотрудничеству демонстрировали и правозащитные институты стран Африки, при поддержке которых в 2024 г. была организована командировка представителей аппарата Уполномоченного в Африканский регион. Совместно с представителями МИД России были проведены личные приемы более 50 наших соотечественников, пребывающих в странах Африки²⁵, а также рабочие встречи с коллегами — государственными правозащитниками Кении, Танзании, Зимбабве, ЮАР, Намибии. Состоявшийся обмен опытом с омбудсменами африканских государств позволил сделать вывод, что данному институту на Африканском континенте уделяется особое внимание и он обладает значительными полномочиями, порой превышающими по объему компетенцию российского государственного правозащитника. Так, омбудсмен ЮАР может проводить независимые расследования в отношении высших должностных лиц государства; омбудсмен Кении выдает государственным органам аккредитацию на соответствие (несоответствие) их деятельности нормам и принципам прав человека, а также может рекомендовать местным органам власти предоставлять компенсацию за нарушение прав граждан; Комиссия по правам человека и надлежущему управлению Танзании предлагает Президенту государства кандидатов в рамках ежегодной акции помилования; в Намибии в компетенцию омбудсмана также входят вопросы борьбы с коррупцией, а в Зимбабве особые полномочия государственного правозащитника связаны с защитой экологических прав граждан²⁶. Состоявшийся обмен опытом открывает возможности не только для совершенствования государственной правозащитной деятельности

в России, но и для налаживания дополнительных коммуникаций в правозащитной дипломатии, выстраивания диалога с омбудсменами зарубежных стран, который позволит помогать конкретным людям.

3. Защита прав российских граждан, находящихся за рубежом

Проведенный анализ ежегодных докладов российского государственного правозащитника за 2016–2023 гг. позволяет сделать вывод, что за это время рассмотрено около 7,5 тыс. обращений российских граждан, находящихся за рубежом. При этом динамика поступающих обращений показывает, что их распределение по годам достаточно неравномерное (в 2016 г. — 773; в 2017 г. — 687; в 2018 г. — 621; в 2019 г. — 1 283; в 2020 г. — 996; в 2021 г. — 1 035; в 2022 г. — 1 459; в 2023 г. — 563).

Анализ динамики жалоб показывает, что наиболее значительные показатели за восемь лет наблюдаются в 2019–2022 гг. Это можно объяснить стремительно возросшей русофобией в связи с началом СВО, а также пандемией COVID-19, которая поставила множество вопросов о вакцинации и об эвакуации соотечественников в Россию. Исследование тематики поступающих к российскому омбудсмену жалоб за последние годы свидетельствует о том, что большинство обращений касается эвакуации российских граждан из-за рубежа (в том числе с территории Украины), решения уголовно-правовых, административно-правовых и социальных вопросов.

В ходе рассмотрения данных жалоб Уполномоченным обычно направляются обращения в адрес омбудсменов иностранных государств, а также в МИД России. В 2019–2023 гг. Уполномоченным направлено 1 108 обращений зарубежным коллегам (в 2019 г. — 128; в 2020 г. — 486; в 2021 г. — 60; в 2022 г. — 157; в 2023 г. — 277). Причем интенсивность данного формата помощи гражданам из года в год возрастает. В результате ежегодно десятки россиян, находящихся за рубежом, получают помощь институтов государственной защиты прав человека

²⁵ См.: О соотечественниках, проживающих в странах Африки: растет интерес к русской культуре и к изучению родного языка // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/515a2fbf-be65-4cea-96c7-2c6b969b317f> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁶ См.: О правовом статусе и опыте работы омбудсменов стран Африки // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/a17bb2fd-7d05-409c-b6d7-d52748b97984> (дата обращения: 01.03.2024).

(в 2017 г. — 45; в 2018 г. — 175; в 2019 г. — 57; в 2020 г. — 81; в 2021 г. — 24; в 2022 г. — 264; в 2023 г. — 51). Например, на протяжении пяти лет российским омбудсменом во взаимодействии с МИДом России и иными компетентными органами власти велась работа по защите прав российского летчика К. В. Ярошенко, который более 11 лет провел в американских тюрьмах. Уполномоченный направляла обращения в адрес Президента США, Генпрокурора США, директора Федерального бюро тюрем Минюста США и др. В результате принятых мер удалось сначала организовать россиянину свидание с супругой, в котором до этого ему отказывали, затем обеспечить квалифицированную медицинскую помощь и перевод в другую тюрьму. В 2022 г. «благодаря усилиям МИД России и в результате длительных переговоров состоялся его обмен на американского студента Треворера Риды»²⁷.

4. Защита прав иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации

Еще одним направлением деятельности государственного правозащитника в международном сотрудничестве является защита прав иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации. На первый взгляд, вопросы обеспечения прав мигрантов не связаны с международным взаимодействием, поскольку правозащитные механизмы в таких ситуациях обычно работают на территории России без привлечения международных органов. Однако традиционно многие обращения в отношении иностранных граждан поступают к российскому омбудсмену именно от зарубежных коллег из числа государственных защитников прав человека. Ежегодно Уполномоченный получает сотни таких просьб о помощи (в 2018 г. — 159; в 2019 г. — 204; в 2020 г. — 257; в 2021 г. — 85; в 2022 г. — 131; в 2023 г. — 182).

Анализ ежегодных докладов показывает, что в основном они касаются следующих вопросов: оказание помощи гражданам в период проведения СВО; помощь по уголовным делам; социальная поддержка; гражданские, семейные и административные дела; задержание иностранных граждан. По многим вопросам в

результате взаимодействия с компетентными российскими органами публичной власти удается оказывать помощь иностранным гражданам в России. Например, к Уполномоченному обратился заместитель Акыйкатчы (омбудсмена) Киргизской Республики с просьбой оказать содействие гражданке Киргизии М. в представлении копии утраченного свидетельства о рождении ее сына в России. Благодаря принятым мерам документ был найден и передан родственникам М.²⁸

Вместе с тем далеко не все обращения в отношении иностранных граждан поступают от зарубежных омбудсменов. Напрямую к Уполномоченному иностранные граждане в основном обращаются по вопросам приобретения российского гражданства или обеспечения их прав в миграционной сфере. В 2023 г. поступило 2 469 таких обращений (в 2016 г. — 1 808, в 2017 г. — 1 643, в 2018 г. — 1 262, в 2019 г. — 1 054, в 2020 г. — 876, в 2021 г. — 1 024, в 2022 г. — 4 759). Как видим, в последние два года таких обращений поступает значительно больше, хотя в 2023 г. фиксируется значительный спад. Показатель 2022 г. был столь значительным из-за многочисленных обращений от эвакуированных из ДНР, ЛНР, а также с Украины о приобретении гражданства России. Необходимо отметить, что рассмотрение обращений беженцев, граждан, эвакуированных из других государств, имеет в государственной правозащитной работе особое значение. Например, в ходе рабочей поездки в Республику Дагестан в январе 2024 г. мы по поручению Уполномоченного проводили личный прием прибывших в Россию беженцев из Палестины. Одна из заявительниц обратилась в российский институт государственной защиты прав человека за помощью в решении вопроса о въезде на территорию России ее мужа, который был ранее эвакуирован из Палестины в Киргизскую Республику. По итогам приема Уполномоченный обратилась к министру иностранных дел РФ С. В. Лаврову, в результате чего мужу обратившейся за помощью гражданки была оказана визовая поддержка для въезда на территорию России с целью воссоединения с семьей. Заявительница воссоединилась с мужем и выразила благодарность рос-

²⁷ Закон на Вашей стороне: положительная практика рассмотрения обращений граждан Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2022 году. С. 49–50.

²⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. С. 305.

сийскому омбудсмену. Всего за 2021–2023 гг. Уполномоченным оказана помощь в защите прав иностранных граждан на территории России по 557 обращениям.

Международная деятельность Уполномоченного в период СВО

В нынешних условиях появляются новые формы государственной правозащитной деятельности, выходящие за рамки «традиционной» компетенции правозащитных органов. Они связаны с правозащитной дипломатией в период вооруженного конфликта, а именно в ходе проведения специальной военной операции России на Украине. Хорошо известна древнеримская формула: «Когда гремит оружие, законы молчат». Вместе с тем гуманитарное сотрудничество между враждующими странами, в том числе в условиях вооруженных конфликтов, сохраняется. Оно осуществляется в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г.²⁹, а также Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг.³⁰ К сожалению, в указанных документах ничего не сказано об институтах омбудсмена, которые на тот момент не предоставляли эффективных инструментов для оказания помощи людям.

Несмотря на то что в современной юридической науке нашли отражение отдельные вопросы гуманитарного сотрудничества в период вооруженных действий³¹, в ней не освещена деятельность государственного защитника прав человека в данном направлении. Сущность указанной работы можно передать словами

академика В. Н. Кудрявцева: «Ведь и во время войны возможны временные соглашения с противником, не говоря уже о сотрудничестве с его отдельными представителями — на вынужденных или обоюдно выгодных условиях»³². С учетом современных реалий работу Уполномоченного в сфере международного сотрудничества в период вооруженных конфликтов целесообразно разделить на следующие новые и во многом уникальные направления:

— ведение диалога с омбудсменами «недружественных государств», с которыми отсутствуют дипломатические отношения, в том числе в период вооруженных конфликтов, по вопросам оказания помощи гражданам России, чьи права нарушаются на территории указанных государств;

— организация работы по воссоединению семей, оказавшихся по разные стороны линии соприкосновения;

— участие в проведении Министерством обороны РФ обмена пленными, поиске без вести пропавших, возвращении на Родину тел погибших в период проведения вооруженных конфликтов;

— взаимное с омбудсменами иностранных государств посещение пленных и организация передачи посылок им от родственников;

— взаимодействие Уполномоченного с Международным комитетом Красного Креста (МККК) по вопросам оказания помощи в посещении пленных, поиске без вести пропавших военнослужащих;

— взаимодействие Уполномоченного с Управлением Верховного комиссара ООН по де-

²⁹ Женевские конвенции и протоколы к ним // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения: 20.02.2024).

³⁰ См., например: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

³¹ См.: Ильинская О. И. Международно-правовые аспекты разоружения в деятельности Лиги Наций // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 120–135; Власенко В. В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2023. № 3. С. 38–45; Мельцер Н. Международное гуманитарное право: Общий курс. М., 2017; Власенко В. В. Механизм обмена лицами в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6. С. 9–13; Батырь В. А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2011; Леншин С. И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: монография. М.: За права военнослужащих, 2009; Международное гуманитарное право: учебник / А. Х. Абашидзе, Г. В. Бобылев, Д. В. Иванов [и др.]; под ред. А. Я. Капустина. М.: Высшее образование, 2009; Абашидзе А. Х. Международное гуманитарное право и защита некоторых категорий лиц // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. 2007. № 1. С. 22–30.

³² Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 207.

лам беженцев по вопросам оказания помощи эвакуированным в Россию гражданам.

Необходимо отметить, что в 2022–2023 гг. данная работа Уполномоченного осуществляется, несмотря на вопиющее противодействие ряда западных государств и международных организаций³³. Кроме того, антироссийская позиция ряда организаций омбудсменов потребовала реакции от российского государственного правозащитника в виде выхода из указанных организаций либо приостановления деятельности в них (Европейская сеть ГАНРИ, Ассоциация омбудсменов Средиземноморья, Международный институт омбудсмена). К сожалению, «прогрессивное» международное сообщество именно таким образом «оценило» самоотверженную работу российского омбудсмена по оказанию помощи людям в период вооруженного конфликта, о которой речь пойдет далее.

Наиболее востребованной в современных реалиях является работа государственного правозащитника по оказанию помощи российским военнослужащим, принимающим участие в СВО, и членам их семей. Анализ ежегодных докладов российского омбудсмена за 2022–2023 гг. показывает, что количество обращений от указанных категорий граждан составляет наибольшую долю от всех поступающих (в 2023 г. — 30 007 (32 %), в 2022 г. — 10 817 (13,6 %)). Большая их часть касалась получения информации о местонахождении участников СВО, содействия в возвращении из украинского плена, порядка прохождения военной службы.

Особый характер данных обращений потребовал новых механизмов государственной правозащитной работы омбудсмена: введение круглосуточной горячей линии; рассмотрение обращений данной категории в течение 24 часов; прием обращений по телефону без подачи официального заявления; персональное закрепление и диалог специально закреплен-

ных сотрудников аппарата Уполномоченного с каждым обратившимся; разъяснение позиции Минобороны России и иных компетентных органов по оказанию помощи российским военнослужащим и членам их семей, нуждающимся в помощи; оперативная связь с Минобороны России (путем работы представителя Уполномоченного в составе созданного 2 марта 2022 г. Межведомственного координационного штаба по гуманитарному реагированию в связи с ситуацией на Украине на базе Национального центра управления обороной Российской Федерации³⁴); ведение диалога с МККК и украинским омбудсменом по вопросам поиска без вести пропавших, посещения и возвращения пленных российских военнослужащих, предотвращения применения к ним пыток и иного бесчеловечного отношения.

Применение этих и иных инструментов в работе российского государственного правозащитника, в том числе создание в аппарате Уполномоченного новой структуры — отдела специальных проектов, позволило в 2022–2023 гг. добиться значительных результатов по оказанию помощи военнослужащим и членам их семей. Во взаимодействии с Минобороны России и иными компетентными органами государственной власти оказано содействие в возвращении из плена с территории Украины 1 312 российских военнослужащих, установлено местонахождение и сообщено родственникам о судьбе 3 887 военнослужащих. В результате обращения в МККК и к украинскому омбудсмену выяснено нахождение в плену 22 российских военнослужащих, которые числились без вести пропавшими, 66 российских военнослужащих, находящихся в украинском плену, посещены представителями МККК и им предоставлена возможность связи с родными³⁵.

Отдельно необходимо отметить работу государственного правозащитника по оказанию помощи гражданским лицам в период воору-

³³ См.: США ввели санкции против омбудсмена Москальковой // URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2023-05-19/ssha-vveli-sanktsii-protiv-ombudsmena-moskalkovoy-4972873> (дата обращения: 09.02.2024) ; Япония ввела санкции против Москальковой и генерал-полковника Лапина // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5590519/> (дата обращения: 09.02.2024) ; Под санкции Евросоюза попали глава СПЧ Фадеев и омбудсмен Москалькова // URL: <https://inosmi.ru/20230225/sanktsii-260927648.html> (дата обращения: 01.03.2024).

³⁴ В Москве создали штаб гуманитарного реагирования по Украине // URL: <https://rg.ru/2022/03/03/reg-cfo/v-moskve-sozdali-shtab-gumanitarnogo-reagirovaniia-po-ukraine.html> (дата обращения: 01.03.2024).

³⁵ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 69, 74 ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. С. 83, 92.

женных конфликтов. Проблема заключается в том, что если оказанием помощи военнослужащим на постоянной основе и достаточно результативно занимается Минобороны России, то отдельной государственной структуры, на которую были бы возложены полномочия по оказанию помощи гражданским лицам, столкнувшимся с нарушением их прав или попавшим в беду на территории недружественного государства, в настоящее время не существует. Этот пробел в действующем законодательстве создает предпосылки для нарушения прав данной категории лиц. Уполномоченный в рамках своей компетенции оказывает постоянную помощь гражданским лицам, которые обращаются в основном по трем блокам вопросов: о возвращении на Родину с территории Украины; о воссоединении детей и родителей, оказавшихся по разные стороны линии соприкосновения; о восстановлении документов и решении социальных вопросов.

В качестве примера результативной деятельности государственного правозащитника по оказанию помощи гражданским лицам в условиях вооруженного конфликта можно упомянуть работу по возвращению на Родину членов экипажей российских гражданских судов, которые после начала СВО были задержаны в украинских портах вооруженными людьми. Экипажи на протяжении восьми месяцев без всяких законных причин удерживались украинской стороной. В адрес российского омбудсмена за это время поступили десятки обращений от родных и близких наших моряков, удерживаемых на Украине. Они требовали вернуть родных домой, были настроены крайне эмоционально, что требовало отдельной работы сотрудников аппарата Уполномоченного по снятию социальной напряженности. Омбудсменом направлялись многочисленные обращения в международные органы и к украинской стороне с просьбами проверить условия содержания российских гражданских моряков, оказать им необходимую медицинскую помощь (некоторые из них за время удержания тяжело заболели, один скончался), вернуть ни в чем не повинных людей в Россию. В результате длительного и сложного диалога, благодаря поддержке Президента РФ В. В. Путина, было

принято решение о возвращении российских гражданских моряков на Родину, взамен российская сторона передала Украине ряд украинских военнослужащих. Роль государственного правозащитника в данной ситуации заключалась не только в том, чтобы добиться соответствующих договоренностей о возвращении людей. Важно было непосредственно принять участие в проведении данного мероприятия, провести встречу с украинским омбудсменом на линии соприкосновения, убедиться, что в процессе не будет сбоев. Поэтому российский омбудсмен вместе с командой в октябре 2022 г. приняли участие в российско-украинском обмене в н.п. Васильевка Запорожской области, в ходе которого они сопроводили на родную землю российских гражданских моряков, которые наконец вернулись домой.

Всего за 2022–2023 гг. при содействии российского государственного правозащитника в Россию с территории Украины вернулись 168 российских гражданских лиц, удерживаемых украинскими властями (дальнобойщиков, моряков, сотрудников предприятий)³⁶.

Еще одно важное направление работы омбудсмена в период вооруженных конфликтов связано с воссоединением семей, оказавшихся по разные стороны линии боевого соприкосновения. В ежегодных докладах Уполномоченного указывается, что за 2022–2023 гг. совместно с компетентными органами в диалоге с украинским уполномоченным оказано содействие в воссоединении более 30 российских и украинских семей³⁷. К сожалению, до настоящего времени данный вопрос, так же как вопрос и о возвращении гражданских лиц, не урегулирован нормами действующего законодательства. Российскому омбудсмену порой приходится буквально на ощупь искать правовые решения для продвижения гуманитарных вопросов, возникающих в ходе воссоединения семей.

Условно данную работу можно разделить на несколько этапов: поступление от заявителя обращения о том, что его родной человек находится на территории иностранного государства, с которым ведутся боевые действия; прием обращения к рассмотрению государственного правозащитника, сбор документов, подтверждающих родственные связи лиц, которых необ-

³⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. С. 90–92.

³⁷ Омбудсмены РФ и Украины помогли воссоединению 36 семей, разлученных в результате СВО // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18057729> (дата обращения: 09.02.2024).

ходимо воссоединить, а также информацию о материальных условиях жизни лиц, которым предстоит передать несовершеннолетних (об условиях проживания, объемах и источниках дохода и др.); обращение с этой целью в органы опеки и попечительства; перевод необходимых документов на язык иностранного государства, в котором планируется передача детей, а также — при необходимости — на языки третьих стран, через которые будет проходить маршрут следования (например, Молдова, Армения, страны Прибалтики); обращение к украинскому уполномоченному по правам человека с просьбой оказать содействие в передаче ребенка родителям или опекунам; получение ответа о готовности к проведению такой передачи; разработка маршрута следования воссоединяемой семьи (обычно через территорию третьих государств либо на линии соприкосновения в период режима тишины); обращение в МИД России с просьбой оказать содействие в проведении мероприятия через территорию третьего государства (например, через территорию Молдовы); обращение в Пограничную службу ФСБ России для обеспечения прохождения Государственной границы Российской Федерации; обращение в Минобороны России об обеспечении режима тишины на время проведения передачи в случае, если она происходит на линии боевого соприкосновения; проведение непосредственной процедуры передачи с участием представителей омбудсменов. Конечно, это примерная методика действий, которая может изменяться в зависимости от жизненной и правовой ситуации, однако практика в последние годы показывает, что обычно при проведении работы по воссоединению семей данные этапы в той или иной мере присутствуют. Процедура занимает обычно от одного до трех месяцев.

Рассмотренная практика международного сотрудничества в области защиты прав человека в период вооруженных конфликтов позволяет сделать вывод, что деятельность государственного правозащитника порой является единственным реальным механизмом помощи российским гражданам за рубежом, поскольку иные механизмы защиты прав человека (в лице

МИД России и иных компетентных органов) в условиях вооруженного конфликта, к сожалению, не могут быть задействованы.

Заключение

В этой связи целесообразно закрепить роль и место государственного правозащитника в международном сотрудничестве по вопросам прав и свобод в соответствующих международных и национальных документах. В частности, с учетом нарабатанной в последние годы практики должна получить правовое отражение деятельность омбудсмена в период вооруженных конфликтов, а также в период, следующий за окончанием активных военных действий, — переходный период, «завершение которого, в свою очередь, непосредственно зависит от решения конкретных проблем, включая проблемы, связанные с лицами, пропавшими без вести, и лицами, лишенными свободы»³⁸.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о разработке двусторонних рамочных соглашений о регулировании статуса задержанных и осужденных лиц с множественным гражданством, предусматривающих решение вопроса об их выдаче в страну постоянного проживания, а также о предоставлении консульского доступа при взаимном посещении заключенных на территориях России и другого государства.

Наконец, на фоне русофобии Запада заслуживает поддержки «идея о создании эффективных юридических механизмов, которые позволят привлекать иностранных граждан и должностных лиц за русофобию как за проявление экстремизма, а также усилить наказания за эти деяния»³⁹.

В науке и практике выработаны и иные предложения по совершенствованию правового положения омбудсмена в области международного сотрудничества, которые также заслуживают поддержки: о разработке международно-правовых актов о механизмах сотрудничества в вопросах соблюдения и защиты прав человека в условиях пандемии⁴⁰, о праве омбудсменов помогать гражданам своих госу-

³⁸ Абашидзе А. Х. Указ. соч. С. 22.

³⁹ Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы защиты прав соотечественников за рубежом // Петербургский международный юридический форум — 2023. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPIF-2023_Magazine.pdf (дата обращения: 08.02.2024); Она же. Русофобия как угроза международной системе прав человека. С. 56–68.

⁴⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год.

дарств, оказавшимся в местах принудительного содержания за рубежом⁴¹, о признании основополагающего права на историческую память⁴², об обновлении Модельного закона о статусе Уполномоченного по правам человека в странах — участниках СНГ⁴³. Приоритетным направлением в совершенствовании правозащитной дипломатии должно стать развитие связей на евразийском пространстве, с омбудсменами из стран — членов СНГ и коллегами по Евразийскому альянсу омбудсменов, а также с правозащитниками из стран Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской и Центральной Америки⁴⁴.

Безусловно, современная государственная правозащитная деятельность осуществляется в условиях фундаментальных общественных трансформаций. И вполне естественно, что в ней и формируется будущая правовая материя, и сохраняются рудименты и пробелы⁴⁵. Но, несомненно, именно в России сегодня сформирована эффективная система защиты прав и свобод человека и гражданина, которая может быть принята во внимание при формировании нового национального и наднационального правозащитного законодательства в условиях многополярного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашидзе А. Х.* Международное гуманитарное право и защита некоторых категорий лиц // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. 2007. № 1. С. 22–30.
- Батырь В. А.* Международное гуманитарное право : учебник для вузов. М. : Юстицинформ, 2011.
- Власенко В. В.* Механизм обмена лицами в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6. С. 9–13.
- Ковалев А. А.* Международная защита прав человека : учеб. пособие. М. : Статут, 2013. 277 с.
- Корнев А. В.* О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11–22.
- Кутафин О. Е.* Избранные труды : в 7 т. Т. 3 : Российское гражданство : монография. М. : Проспект, 2022. 592 с.
- Лазарь Л. К.* Роль и функции омбудсменов (комиссаров) в международной защите прав человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 185 с.
- Леншин С. И.* Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право : монография. М. : За права военнослужащих, 2009. 240 с.
- Международная защита прав человека : учебник / отв. ред. А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2017. 466 с.
- Международное гуманитарное право : учебник / А. Х. Абашидзе, Г. В. Бобылев, Д. В. Иванов [и др.] ; под ред. А. Я. Капустина. М. : Высшее образование, 2009. 587 с.
- Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: Общий курс. М., 2017. 419 с.
- Москалькова Т. Н.* Актуальные проблемы защиты прав соотечественников за рубежом // Петербургский международный юридический форум — 2023. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPJF-2023_Magazine.pdf.
- Москалькова Т. Н.* Русофобия как угроза международной системе прав человека // Юрист-Правоведь. 2023. № 3. С. 56–68.

⁴¹ Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве : обмен лучшими практиками омбудсменов : материалы IV Международной научно-практической конференции. С. 47 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/zakon/dokument_zakon/dokument_110/dokument_110web.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

⁴² Москалькова предложила вписать в декларацию ООН «право на историческую память» // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6148411> (дата обращения: 19.12.2023).

⁴³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 415.

⁴⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 434.

⁴⁵ *Черников В. В.* Конституционные основы полицейской деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 40–47.

- Москалькова Т. Н. Защита прав человека : сборник статей и выступлений. М. : Проспект, 2020. 480 с.
- Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 23–44.
- Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.
- Черников В. В. Конституционные основы полицейской деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 40–47.
- Экимов А. И. Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. М. : Проспект, 2022. 304 с.

REFERENCES

- Abashidze AKh, editor. *International protection of human rights: A textbook*. Moscow: RUDN Publ.; 2017. (In Russ.).
- Abashidze AKh, Knyazev GV, Ivanov DV, et al. *International humanitarian law: A textbook*. Edited by T.Ya. Kapustin. Moscow: Vysshee obrazovanie Publ.; 2009. (In Russ.).
- Abashidze AKh. International humanitarian law and the protection of certain categories of persons. *Yurist-mezhdunarodnik. Vserossiyskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2007;1:22-30. (In Russ.).
- Batyr VA. *International humanitarian law: A textbook for universities*. Moscow: Yusticinform Publ., 2011. (In Russ.).
- Chernikov VV. Constitutional foundations of police activity: Some questions of theory and practice. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2018;12:40-47. (In Russ.).
- Ekimov AI. *Methodological problems of understanding law. Works in different years: A collection of scientific papers*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Kornev AV. On some trends in the development of the system of Russian legislation in the context of the crisis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;6:11-22. (In Russ.).
- Kovalev AA. *International protection of human rights: A Study Guide*. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).
- Kutafin OE. *Selected works: in 7 vols. Vol. 3: Russian citizenship: A monograph*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Lazar LK. *The role and functions of ombudsmen (commissioners) in the international protection of human rights*. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2004. (In Russ.).
- Lenshin SI. *The legal regime of armed conflicts and international humanitarian law: A monograph*. Moscow: Za prava voennosluzhashchikh Publ.; 2009. (In Russ.).
- Meltzer N. *International humanitarian law. General course*. Moscow; 2017. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Current problems of protecting the rights of fellow citizens abroad. *Zhurnal XI Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma*. Available from: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPJF-2023_Magazine.pdf. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Institute of Human Rights Commissioners: Yesterday, today, tomorrow. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;4(80):23-44. (In Russ.).
- Moskalkova TN. *Protection of human rights: A collection of articles and speeches*. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Russophobia as a threat to the international human rights system. *Yurist-Pravoved*. 2023;3:56-68. (In Russ.).
- Sinyukov VN. Personality in the Russian legal system: The search for new approaches. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;5:75-85. (In Russ.).
- Vlasenko VV. The mechanism of the exchange of persons in Russian and foreign criminal legislation. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2015;6:9-13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, докторант, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 19, стр. 2, Смоленский бул., г. Москва 119121, Российская Федерация
iv89261863056@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Chechelniczkiy, Cand. Sci. (Law), First Deputy Head of the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; Doctoral Candidate, Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 4 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 мая 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 04.03.2024.

Revised 13.05.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.086-095

А. Ф. МещеряковаПензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация

Свобода совести как объект обеспечения религиозной безопасности

Резюме. В статье дана характеристика категории «религиозная безопасность». Ввиду отсутствия легального определения раскрываются ее доктринальное значение и содержание. На основе системного толкования норм права, регламентирующих вопросы безопасности, доказывается, что свободу совести следует рассматривать как важнейший элемент механизма обеспечения религиозной безопасности, то есть как ее объект. В современном обществе существует ряд негативных факторов и тенденций, культивируемых на почве религии, которые представляют угрозу для религиозной безопасности в целом и для ее объектов в отдельности. Среди них следует назвать, например, религиозный экстремизм, который является существенной преградой на пути к реализации свободы совести. Исследованы также два ключевых подхода к пониманию свободы совести: ограничительный и расширительный. С учетом того что свобода совести не равноценна свободе вероисповедания, констатируется наличие у этого правового института позитивной и негативной коннотаций. Именно данное обстоятельство определяет специфику свободы совести как объекта религиозной безопасности. Делается вывод, что в таком качестве она может выступать лишь тогда, когда ее реализация не выходит за рамки дозволенного поведения и не создает угрозу нарушения иных прав и охраняемых законом интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: свобода совести; безопасность; религиозная безопасность; объект безопасности; угрозы безопасности; права человека; религия; права и свободы; человек

Для цитирования: Мещерякова А. Ф. Свобода совести как объект обеспечения религиозной безопасности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 86–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.086-095

Freedom of Conscience as an Object of Religious Security

Anna F. Meshcheryakova
Penza State University
Penza, Russian Federation

Abstract. The paper describes the category of «religious security». As there is no legal definition, the author reveals its doctrinal meaning and content. On the basis of a systematic interpretation of the norms of law governing security issues, it is proved that freedom of conscience should be considered as the most important element of the mechanism for ensuring religious security, that is, as its object. In modern society, there are a number of negative factors and trends cultivated based on religion, which pose threats to religious security in general and to its objects individually. For example, religious extremism, which is a significant obstacle to the realization of freedom of conscience, being one of such. The author investigates two key approaches to understanding freedom of conscience — restrictive and expansive. Given that freedom of conscience is not equivalent to freedom of religion, it is stated that this legal institution has positive and negative connotations. It is the presence of this circumstance that determines the specifics of freedom of conscience as an object of religious security. It is concluded that in this capacity it can act only when its implementation does not go beyond the limits of permissible behavior and does not pose a threat of violation of other rights and legally protected interests of the individual, society and the state.

Keywords: freedom of conscience; security; religious security; object of security; threats to security; human rights; religion; rights and freedoms; human

© Мещерякова А. Ф., 2024

Cite as: Meshcheryakova AF. Freedom of Conscience as an Object of Religious Security. *Lex Russica*. 2024;77(7):86-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.086-095

Введение

Современное общество отличается многообразием групп и сообществ, обладающих уникальным набором ценностей, убеждений и правил поведения. В социуме, в котором каждый придерживается своей мировоззренческой системы, закономерно возрастает вероятность конфликтов, обусловленных несоответствием личностных и коллективных установок, столкновением норм религиозного и светского характера. Поэтому, по справедливому замечанию Ю. В. Гавриловой и Ю. А. Горбуновой, на первый план выходит обеспечение такого аспекта национальной безопасности, как религиозная безопасность¹.

Религиозная безопасность связана с ключевой для этой сферы юридической свободой — свободой совести. Согласно ст. 28 Конституции РФ² каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая:

- 1) право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой;
- 2) право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Почти 30 лет назад, когда была принята Конституция РФ, предполагалось, что такой взвешенный подход, основанный на полном невмешательстве государства, приведет к стабильной и неконфликтной обстановке в рассматриваемой сфере. Однако он, напротив, оказался триггером для возникновения целого ряда серьезных угроз в вопросах религиозного содержания.

Фактически ставшие следствием реализации конституционно закрепленной свободы совести тоталитарные секты, деструктивные культы, идеологии экстремистского содержания и другие угрозы в религиозной сфере поставили под сомнение не только религиозную, но и национальную безопасность в целом.

Возникает закономерный вопрос, как найти необходимый баланс между обеспечением

религиозной безопасности и сохранением свободы совести в классическом понимании, без какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Представляется, что для того, чтобы найти ответ на него в рамках данного исследования, следует обратиться к существующим в юридической науке подходам к пониманию свободы совести, а затем соотнести их с концепцией религиозной безопасности. Это, на наш взгляд, позволит наиболее полно охарактеризовать статус свободы совести как объекта обеспечения религиозной безопасности.

Методы исследования

Работа опирается на нормативные правовые акты, судебную практику и исследования, существующие в отечественной правовой науке относительно основных аспектов свободы совести и религиозной безопасности, их взаимосвязи. При анализе статуса свободы совести в контексте обеспечения религиозной безопасности для обеспечения надежности и точности результатов использовались общие и специальные методы исследования. К общим методам относятся анализ, синтез, классификация и описание, в то время как специальные методы включают сравнительно-правовой и формально-юридический анализ и прогнозирование на основе законодательства.

Результаты и обсуждение

Свобода совести закреплена в ст. 28 Конституции РФ и, как было отмечено ранее, в сочетании со свободой вероисповедания предполагает право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, а также право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Несмотря на признание свободы совести одним из ключевых прав человека, четкого

¹ Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 9.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

определения этому понятию не дается ни в одном нормативном правовом акте. К тому же закон не проводит четкую границу между свободой совести и свободой вероисповедания, по сути, объединяя их в одно понятие.

В правовой доктрине отчетливо прослеживаются две основные тенденции в интерпретации исследуемой категории. Первая тенденция предлагает узкий взгляд на понятие, считая свободу совести аналогичной свободе религиозных убеждений и рассматривая ее исключительно в контексте религиозной сферы. Вторая тенденция, напротив, предлагает расширенное понимание свободы совести не как религиозной, но как мировоззренческой свободы, охватывающей все сферы человеческой жизни.

Характеризуя первую — ограничительную — тенденцию, в качестве примера можно привести точку зрения А. М. Рудакова, который полагает, что свобода совести заключается в том, что люди могут самостоятельно устанавливать морально-этические пределы своего поведения в рамках, обозначенных УК РФ³, Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁴ и другими нормативными правовыми актами. Сразу бросается в глаза, что автор, говоря о свободе совести, устанавливает границы поведения, которые строго связаны с религиозной сферой жизни общества⁵.

О. В. Яценко разделяет мнение о том, что в трактовке свободы совести необходимо придерживаться ограничительной тенденции. По его мнению, конструкция свободы совести состоит из правовых норм, а также ценностей и целей, направленных на защиту личного пространства человека, включая право на самоопределение в вопросах науки и религии. Такое толкование рассматриваемой правовой свободы на первый взгляд может показаться находящимся в русле расширительной тенденции. Однако автор уточняет, что в общественной жизни «свобода совести» означает возможность субъекта как индивидуально, так и совместно с дру-

гими, как частно, так и публично реализовывать свои религиозные убеждения в рамках деятельности религиозных организаций⁶.

В свою очередь, М. А. Булавина следует ограничительной тенденции в толковании свободы совести лишь отчасти, подчеркивая, что данное понятие может трактоваться различным образом. Если рассмотреть его в самом широком смысле, то оно включает в себя способность субъекта к самоконтролю, а также к формированию и выполнению морально-этических обязательств. Более узкий взгляд на свободу совести, по мнению автора, сводит ее к праву субъекта на независимость в религиозном смысле, что предполагает имеющуюся у него возможность следовать религиозным правилам или, напротив, отказываться от них⁷.

Обращаясь к исследованию М. А. Булавиной, мы видим, что она предлагает довольно специфическое толкование свободы совести, предполагающее наличие у субъекта способности индивидуально формировать мировоззрение касательно религии. Такой подход к пониманию свободы совести, сосредоточенный на возможности выбирать отношение к религиозным вопросам, безусловно, является ограничительным. Однако стоит отметить, что автор упоминает и о широкой интерпретации рассматриваемого понятия, сводящей его к способности субъекта к, условно говоря, самоконтролю в определении мировоззрения.

Здесь уместно перейти к обзору мнений в рамках второй — расширительной — тенденции. Так, Н. Н. Димитров и А. В. Семенов утверждают, что закрепление на конституционном уровне свободы совести является непрямым результатом утверждения в государстве светского устройства. Авторы выражают мысль, что данная свобода представляет собой наивысшую точку индивидуальной способности к моральному саморегулированию. По мнению авторов, такое понимание свободы совести выходит за рамки чисто религиозных убеждений, поскольку

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁵ Рудаков А. М. Политическое, историческое и юридическое значения порядка перечисления терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 4 (22). С. 89.

⁶ Яценко О. В. Конституционная конструкция принципа свободы совести в юридической практике // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1 (33). С. 108.

⁷ Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 107.

оно включает морально-этические аспекты, пронизывающие все сферы жизни общества⁸.

А. Р. Султанов также высказывается в поддержку аналогичной идеи, подразумевая под свободой совести возможность для личного самоопределения, включая право обладать собственными этическими стандартами и, кроме того, вести себя в соответствии с этими стандартами⁹. Таким же образом, однако более конкретно свободу совести понимает И. Э. Кутювая, утверждающая, что данная свобода отражает врожденную способность личности к глубокому пониманию разнообразных философских и духовных учений, в том числе религиозных, а также позволяет человеку без чьего-либо давления делать выбор в пользу определенных учений и выстраивать существование в соответствии с ними¹⁰.

В аналогичном ключе, однако с большей долей конкретности свободу совести определяет З. С. Терлоев, включающий в данную правовую категорию различные варианты реализации, в числе которых право на исповедание любой религии, а также мировоззренческие установки на атеизм и теизм¹¹.

Концепции, относящиеся к более широкому пониманию свободы совести, представляются более обоснованными. Это обусловлено тем, что данная свобода действительно простирается далеко за рамки религиозных аспектов. Для наглядности, используя диаграмму Венна, можно проследить корреляцию понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Как видно на рисунке, первое понятие шире и включает в себя второе.

И. Э. Кутювая поднимает важный вопрос различия свободы совести и свободы вероисповедания, указывая на риск, когда их смешение приводит к тому, что правовая защита свободы совести сужается до религиозного контекста. Это может оказаться проблематичным для защиты права на свободу слова, поскольку полностью игнорирует нерелигиозные аспекты и,

Корреляция понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания»

соответственно, может нарушать право на свободное выражение личных убеждений¹².

При этом нельзя не согласиться с М. П. Клейменовым и Е. М. Сейбол в том, что свободе совести присущи две коннотации: позитивная и негативная. Первая, позитивная, заключается в том, что российский законодатель на конституционном уровне гарантирует каждому право свободно практиковать любую религию по своему выбору, самостоятельно или вместе с другими людьми или не следовать никакой религии, а также право свободно иметь, выражать и делиться, жить в соответствии с религиозными или любыми другими убеждениями.

Другая сторона рассматриваемой свободы, негативная, связана с возможными угрозами, которые могут возникать при злоупотреблении ею. Злоупотребление может принимать форму участия в деятельности, связанной с экстремизмом и терроризмом под религиозным предлогом, попыток склонения людей к самоубийству, нанесения вреда общественной морали и здоровью. К злоупотреблению также относятся использование наркотических средств и психоактивных веществ, совершение аморальных

⁸ Димитров Н. Н., Семенов А. В. Правовая охрана свободы совести и свободы вероисповедания в России в системе государственно-конфессиональных отношений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 1 (61). С. 69.

⁹ Султанов А. Р. Можно ли жертвовать свободой совести ради безопасности? // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 2 (37). С. 60.

¹⁰ Кутювая И. Э. Понятийные интерпретации свободы совести и свободы вероисповедания: законодательство и светские подходы // Вестник Института экономических исследований. 2022. № 2 (26). С. 116.

¹¹ Терлоев З. С. Правовое регулирование права на свободу совести и свободу вероисповедания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4 (849). С. 117.

¹² Кутювая И. Э. Указ. соч. С. 118.

поступков и других действий, которые противоречат закону¹³. В таком понимании свобода совести фактически превращается в «свободу от совести» и, соответственно, представляет угрозу для обеспечения религиозной безопасности.

Рассматривая свободу совести как объект обеспечения религиозной безопасности, следует охарактеризовать основные аспекты данного вида национальной безопасности. Как и в случае с толкованием свободы совести, легальное определение религиозной безопасности отсутствует, в связи с чем мы вынуждены обратиться к некоторым подходам, существующим относительно данного правового института в доктрине.

Сразу следует отметить, что из-за отсутствия в действующем законодательстве легального определения и системных норм, посвященных религиозной безопасности, отсутствует и единообразие в представлениях ученых относительно данного правового института. Объединяет существующие мнения только то, что ученые отталкиваются от восприятия рассматриваемого правового института в качестве фактора стабильности и защищенности, необходимого для нормального существования многоконфессионального государства, каким является Российская Федерация. Так, Ю. В. Голик, С. С. Рыбалко и Ю. А. Чернышева определяют религиозную безопасность как государственную деятельность, направленную на защиту российского общества от деструктивного воздействия идеологий экстремистского содержания, псевдоучений тоталитарных сект и деструктивных культов, оккультизма и других негативных явлений, а также на достижение стабильного состояния для развития конфессиональных традиций многоконфессионального государства¹⁴.

Аналогично, однако более емко и лаконично определяет религиозную безопасность А. О. Ласария, понимающий под ней состояние защищенности человека, социума и государства от совокупности угроз, возникающих в религиозно-конфессиональной сфере. Примечательно,

что автор упоминает о существовании других наименований религиозной безопасности, включая духовную и государственно-конфессиональную безопасность, а также доказывает их несостоятельность. Так, духовная безопасность, по его мнению, включает в себя слишком широкий круг объектов, а государственно-конфессиональная — слишком узкой¹⁵.

Объектом обеспечения религиозной безопасности выступает то, чему причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда в результате негативного воздействия религиозного фактора. В настоящее время реализации свободы совести угрожают различные проявления религиозной вражды и ненависти, культивируемые в обществе.

В связи с этим мы считаем целесообразным обратиться к исследованию Е. Н. Марковой, которая приводит классификацию угроз и видов религиозной безопасности, позволяющую составить еще более полное представление о содержании рассматриваемого правового института. Автор выделяет следующие виды религиозной безопасности:

- 1) государственная религиозная безопасность, одним из ключевых источников угроз которой является экстремистская деятельность, осуществляемая в том числе религиозными организациями с соответствующей идеологией;
- 2) общественная религиозная безопасность, ключевыми угрозами которой являются распространение экстремистской информации, пропаганда насилия, религиозной нетерпимости и других негативных аспектов;
- 3) безопасность религиозных объединений или групп верующих, угрозу которой представляют преступления на почве ненависти в отношении религий или убеждений, порядка отправления религиозных культов и других сторон жизни верующих;
- 4) индивидуальная религиозная безопасность, угрозу которой могут представлять все вышеперечисленные незаконные деяния, покушающиеся на свободу совести¹⁶.

¹³ Клеймёнов М. П., Сейбол Е. М. Свобода совести и национальная безопасность // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 324.

¹⁴ Голик Ю. В., Рыбалко С. С., Чернышева Ю. А. Понятие религиозной безопасности: современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3 (3). С. 70.

¹⁵ Ласария А. О. Вопросы правовой регламентации религиозной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2022. № 4. С. 78.

¹⁶ Маркова Е. Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 23–25.

Соответственно, классификация Е. Н. Марковой эффективно демонстрирует видовое разнообразие религиозной безопасности, включая государственную, общественную, безопасность религиозных объединений и индивидуальную. Каждый вид сталкивается с уникальными угрозами, начиная от экстремистской деятельности и заканчивая отдельными преступлениями на почве религиозной ненависти. Безусловно, все эти уровни религиозной безопасности взаимосвязаны, и угроза на одном уровне может иметь последствия для других уровней. Так, экстремистская деятельность, направленная на государственную религиозную безопасность, неизбежно затрагивает и общественную безопасность, ставит под угрозу безопасность отдельных религиозных групп и в конечном итоге индивидуальную религиозную безопасность. Приведенная классификация религиозной безопасности позволяет прийти к выводу, что свобода совести, действительно, является объектом обеспечения религиозной безопасности.

Подробный перечень угроз религиозной безопасности (а, значит, и ее объектам) приводит в своем исследовании И. А. Тарасевич. Среди них автор называет религиозный экстремизм, прозелетизм, преступления, совершаемые по мотивам религиозной вражды и ненависти, деятельность деструктивных религиозных организаций, представляющих социальную опасность и т.д.¹⁷ Обозначенные угрозы способны причинить существенный вред правам и свободам человека, традиционным духовно-нравственным ценностям общества, основам конституционного строя РФ и иным общественным отношениям, являющимся объектами религиозной безопасности.

Ярким примером является препятствование со стороны государства религиозному экстремизму. Религиозный экстремизм представляет собой разновидность экстремизма, основывающаяся на искаженном толковании выраженной в священных текстах религиозной идеологии и заключающаяся в возбуждении религиозной розни по отношению к представителям других религий и собственной религии, другим субъектам, в пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии и т.д.

Статья 1 ранее действовавшего Закона РФ «О безопасности»¹⁸ четко относила права и свободы личности наряду с материальными и духовными ценностями общества, а также с конституционным строем и суверенитетом государства к объектам безопасности. В действующем Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» такой перечень отсутствует, однако законодатель по-прежнему придерживается принципа соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, о чем сказано в ст. 5. Таким образом, учитывая, что свобода совести представляет собой одно из фундаментальных прав, ее справедливо рассматривать в качестве объекта обеспечения религиозной безопасности.

Кроме того, согласно п. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁹, конкретизирующего положения Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400), права и свободы человека относятся к традиционным ценностям российского общества. Вопросу защиты таких ценностей уделено пристальное внимание в п. 84 и 85 Стратегии национальной безопасности РФ, а отправной точкой для развития названных положений служат конституционные поправки 2020 г., касающиеся сохранения названных ценностей.

Следовательно, системный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы безопасности, показывает, что свобода совести является одновременно правом человека и социальной ценностью и отнесена к числу объектов обеспечения национальной безопасности, в том числе и такой ее разновидности, как религиозная безопасность.

Уникальность свободы совести состоит в том, что она, как и любое другое право, находится в неких рамках, выход за которые нарушает свободу других людей и, соответственно, задействует инструменты обеспечения религиозной безопасности. Свобода совести может стать причиной нарушения религиозной безопасности, если экстремистские группировки используют ее как предлог для распространения идеологии ненависти и вражды под эгидой религиозных убеждений, что создает сложности для правоохранительных органов

¹⁷ Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2014. С. 78.

¹⁸ Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // Российская газета. 1992. 6 марта.

¹⁹ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

в идентификации угроз и предотвращении возможных преступлений на религиозной почве. То есть можно заключить, что свобода совести может создать угрозу религиозной безопасности тогда, когда она интерпретируется как абсолютное право без всяких ограничений.

Иными словами, свобода совести, несмотря на то, что она в силу содержания не предполагает государственного вмешательства, всё же ограничивается государством, но ровно настолько, насколько это необходимо в целях обеспечения религиозной безопасности.

Одним из наиболее ярких примеров последних лет, подтверждающих сказанное, является дело схиигумена Сергея (Романова). В 2020 г. схиигумен Сергей (Романов), отталкиваясь от собственного восприятия христианства, публично, в проповеди, категорически отверг необходимость закрытия храмов в период пандемии COVID-19, а затем начал выражать призывы, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признаку принадлежности к социальной группе — к лицам, убежденным в существовании пандемии коронавирусной инфекции, соблюдающим самоизоляцию и запрещающим в это время посещать храмы. Более того, в данной проповеди схиигумен Сергей (Романов) призывал выселить тех, кто верит в коронавирус, предлагает соблюдать режим самоизоляции и запрещает посещать храмы, а также освободить российское государство от «жидовского ига». Результаты назначенной судом экспертизы подтвердили, что в данной проповеди содержится совокупность лингвистических и психологических признаков возбуждения вражды, ненависти, розни по отношению к нескольким группам лиц, т.е. признаки экстремизма. Вследствие этого схиигумен Сергей (Романов) был привлечен к уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Приведенная ситуация демонстрирует негативную коннотацию свободы совести, о которой мы упоминали ранее. Схиигумен Сергей (Романов), реализуя свободу совести, вышел за ее рамки, нарушив тем самым состояние религиозной безопасности.

Необходимо отметить важность в настоящее время поиска баланса между свободным проявлением убеждений и необходимыми ограничениями, направленными на предотвращение

злоупотреблений и, соответственно, обеспечение религиозной безопасности. Российский законодатель должен уделять особое внимание поддержанию этого баланса, призванного оберегать ценности свободы совести, одновременно выстраивая механизмы защиты от ее негативных проявлений.

Ограничение права на свободу совести зачастую приводит не только к нарушению прав и свобод отдельных людей, но и к межконфессиональным конфликтам. Здесь сто́ит вспомнить пример Сирии. В данной стране достаточно долгое время притеснялась такая конфессиональная группа, как мусульмане суннитского толка. Правящая верхушка алавитов ущемляла граждан по религиозному принципу, что выражалось в том, что мусульмане суннитского толка не могли на равных с алавитами быть допущенными к государственной службе. Всё это в конечном счете привело к тому, что в Сирии начался серьезный и затяжной межконфессиональный конфликт, который стал причиной роста международного терроризма.

Можно вспомнить о негативном опыте Советского Союза, который предлагал своим гражданам только один путь, установленный Коммунистической партией. Безусловно, Советское государство имело большое количество преимуществ, о которых сегодня можно только мечтать. Но замыкание своих граждан в рамках одной идеологии зачастую приводит к краху такой идеологии, поскольку в нее не поступают новые веяния. Как показала практика СССР, такая политика приводит к моральной деградации населения.

Человеку свойственно искать различные пути развития в жизни. И в случае, когда после «духовного голода» «шлюзы» неожиданно открываются, он не способен различить, какие из предлагаемых концепций являются наиболее правильными.

С этой точки зрения интересно мнение А. Р. Султанова о том, что возможно лишь ограничение проявления религиозных убеждений вовне, но не свободы совести. Причем такое ограничение возможно только как самоограничение, которое необходимо в демократическом обществе, является соразмерным и осуществляется на основании действующего законодательства²⁰. В частности, Верховный Суд РФ конкретизирует, что признание рели-

²⁰ Султанов А. Р. Указ. соч. С. 57–62.

гиозной организации экстремистской не означает запрета для ее последователей на реализацию свободы совести при условии, что она не будет выражаться в экстремистской деятельности²¹. Так, с 2009 г. решениями судебных органов по факту обнаружения в действиях религиозного объединения «Свидетели Иеговы» угроз для безопасности государства и осуществления заранее спланированной деятельности экстремистского характера было ликвидировано восемь местных организаций. Однако это не означает, что верующие, которые являются последователями «Свидетелей Иеговы», не могут продолжать разделять постулаты этого вероучения, совершать обряды и т.д. Если в их действиях не будет признаков экстремистской деятельности, то такие внутренние и внешние проявления свободы совести не являются противозаконными. Представляется, что это ключевой момент для понимания свободы совести как объекта религиозной безопасности.

Государству безразлично, какие именно взгляды и убеждения пропагандируются на его территории. В этом вопросе стоит обратиться к Конституции РФ, которая устанавливает, что в России запрещены любые организации, ставящие под угрозу мирное сосуществование конфессий.

Данное конституционное положение имеет продолжение в тех ограничениях, которые установлены для свободы слова. Например, запрещена любая агитация или пропаганда, которая может повлечь за собой разжигание какой-либо вражды, в том числе по религиозному признаку. Именно здесь и возникает справедливый вопрос о том, что можно считать пропагандой, возбуждающей ненависть и вражду. В целом важно подчеркнуть, что все религии, которые имеют историческое хождение на территории РФ, в своей основе привержены идеям добра и справедливости.

Впрочем, есть исключения: известно, что в Коране, в первой суре, говорится о том, что приверженцы христианской и иудейской религий являются заблудшими. Данные положения с давних пор вызывают споры в религиозной и научно-юридической среде. Скорее следует согласиться с тем, что эти положения религиозного писания в некоторой степени затрагивают честь и достоинство приверженцев иуда-

изма и христианства. Однако важно понимать, что тексты любого священного писания не подлежат редактированию, в них невозможно внести изменения, которые бы устроили все стороны. В таком случае важно прибегать к правилу о том, что духовные лидеры должны смягчать такие противоречия, призывать последователей не допускать нарушений закона.

Таким образом, свобода совести представляет собой достаточно специфичный институт, поскольку при различных условиях она может являться как объектом, подлежащим защите, так и фактором, создающим угрозу религиозной безопасности. Речь идет о ситуациях, подобных делу схиигумена Сергия (Романова), когда реализация свободы совести одним лицом фактически создает угрозу для прав и свобод других лиц. Следовательно, субъекты, которым предоставлено данное право, не должны выходить за установленные законом границы, которые позволяют свободе совести оставаться объектом правовой защиты, не дают ей превратиться в инструмент нарушения жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Заключение

Свобода совести в Российской Федерации в числе конституционных прав и свобод занимает одно из центральных мест, предоставляя гражданам широкие возможности для индивидуального и коллективного самовыражения. Она относится к группе так называемых абсолютных и неотъемлемых прав. Эти права принадлежат человеку от рождения, а государство, в свою очередь, обязуется предоставлять гарантии реализации данного права и обеспечивать его защиту.

В то же время государство обязано обеспечивать безопасные условия для существования и жизнедеятельности личности. Объектом обеспечения религиозной безопасности выступает свобода совести, что подтверждается рядом обстоятельств. Во-первых, в современном обществе возникают определенные угрозы ущемления свободы совести, к которым следует отнести религиозный экстремизм. Во-вторых, согласно действующему законодательству о безопасности объектом обеспечения безопас-

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 3 июля.

ности являются права и свободы личности. Говоря о религиозной безопасности, вполне справедливо на первое место поставить свободу совести как право субъекта определять должное поведение в религиозной сфере и отношение к религии. В-третьих, свободу совести следует отнести к числу духовных ценностей российского общества, охрана и защита которых обеспечивается законодательством о безопасности.

Реализация свободы совести сопряжена с необходимостью установления пределов ее осуществления. Данное право гарантируется и рассматривается государством в качестве объекта обеспечения религиозной безопасности до тех пор, пока оно осуществляется в установленных правовых рамках. В противном случае свобода совести может трансформироваться из охраняемого блага в угрозу безопасному существованию личности, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 104–108.
- Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 8–19.
- Голик Ю. В., Рыбалко С. С., Чернышева Ю. А. Понятие религиозной безопасности: современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3 (3). С. 67–73.
- Димитров Н. Н., Семенов А. В. Правовая охрана свободы совести и свободы вероисповедания в России в системе государственно-конфессиональных отношений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 1 (61). С. 68–72.
- Клейменов М. П., Сейбол Е. М. Свобода совести и национальная безопасность // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 323–332.
- Кутовая И. Э. Понятийные интерпретации свободы совести и свободы вероисповедания: законодательство и светские подходы // Вестник Института экономических исследований. 2022. № 2 (26). С. 111–119.
- Ласария А. О. Вопросы правовой регламентации религиозной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2022. № 4. С. 76–81.
- Маркова Е. Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // Studia Religiosa Rossica : научный журнал о религии. 2022. № 3. С. 13–34.
- Рудаков А. М. Политическое, историческое и юридическое значения порядка перечисления терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания» // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 4 (22). С. 87–95.
- Султанов А. Р. Можно ли жертвовать свободой совести ради безопасности? // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 2 (37). С. 57–62.
- Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2014. 376 с.
- Терлоев З. С. Правовое регулирование права на свободу совести и свободу вероисповедания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4 (849). С. 115–120.

REFERENCES

- Bulavina MA. Freedom of conscience and freedom of religion: Constitutional and legal aspect. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy*. 2019;10(3):104-108. (In Russ.).
- Dimitrov NN, Semenov AV. Legal protection of freedom of conscience and freedom of religion in Russia in the system of state-confessional relations. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2017;1(61):68-72. (In Russ.).
- Gavrilova YuV, Gorbunova YuA. Practices of religious security in normative conflicts in modern Russia. *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian Vector]*. 2020;15(2):8-19. (In Russ.).

Golik YuV, Rybalko SS, Chernysheva YuA. The concept of religious security: The current state and threats. *Voprosy gosudarstva i prava*. 2023;3(3):67-73. (In Russ.).

Klyemenov MP, Seybol EM. Freedom of conscience and national security. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2023;17(4):323-332. (In Russ.).

Kutovaya IE. Conceptual interpretations of freedom of conscience and freedom of religion: Legislation and secular approaches. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*. 2022;2(26):111-119. (In Russ.).

Lasaria AO. Issues of legal regulation of religious security of the Russian Federation. *Vestnik voennogo prava*. 2022;4:76-81. (In Russ.).

Markova EN. The doctrine of religious security as a justification for the protection and restriction of religious freedom: Two sides of the same coin. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyy zhurnal o religii*. 2022;3:13-34. (In Russ.).

Rudakov AM. Political, historical and legal meanings of the order of enumeration of the terms «freedom of conscience» and «freedom of religion». *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika*. 2019;4(22):87-95. (In Russ.).

Sultanov AR. Is it possible to sacrifice freedom of conscience for the sake of security? *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. 2022;2(37):57-62. (In Russ.).

Tarasevich IA. *Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation*. Dr. Diss. (Law). Tyumen; 2014. (In Russ.).

Terloev ZC. Legal regulation of the right to freedom of conscience and freedom of religion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2023;4(849):115-120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мещерякова Анна Федоровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета
д. 40, Красная ул., г. Пенза 440026, Российская Федерация
fuga9@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna F. Meshcheryakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Justice, Law Institute, Penza State University, Penza, Russian Federation
fuga9@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 5 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 05.03.2024.

Revised 07.03.2024.

Accepted 15.06.2024.

Н. Н. Черногор

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки

Резюме. Статья посвящена проверке гипотезы, согласно которой Научные концепции развития российского законодательства — цикл исследований, проведенных учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, — являются достижением академической науки, как это было заявлено в теме XI Общероссийского годового собрания теоретиков права (г. Москва, ИЗиСП, 28 февраля 2024 г.) его организаторами. Поводом для постановки этой научной задачи послужило знаменательное для российского научного сообщества событие — 300-летие Российской академии наук. Юбилей главного научного центра страны задал тон и стал лейтмотивом многих научных дискуссий и форумов. Контекст роли академической науки, ее прошлого, настоящего и будущего стал базовым для обсуждения многих проблем современности и оценки результатов научного поиска. Под этим углом зрения в статье рассмотрены Научные концепции развития российского законодательства, обоснован вывод об академическом характере представленного в них доктринального знания, промаркированы реперные точки, служащие ориентиром для осмысления и оценки научной составляющей результатов правовых и государствоведческих исследований.

Ключевые слова: государственно-правовая сфера; государство; законодательство; законотворчество; наука; научное знание; научные концепции; научный консенсус; право; рациональная картина законодательства; специальная научная картина мира

Для цитирования: Черногор Н. Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 96–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.096-108

Concepts of the Development of Russian Legislation within the Parameters of Academia

Nikolay N. Chernogor

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to testing the hypothesis that scientific concepts of the development of Russian legislation (hereinafter Concepts)—a series of studies conducted by scientists of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation—are an achievement of academic science, as stated in the title of the topic of the 11th All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists (Moscow, IZiSP, February 28, 2024) by its organizers. The reason for setting this scientific task was a significant event for the Russian scientific community — the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. The anniversary of the country's main scientific center set the tone and became the leitmotif of many scientific discussions and forums.

The context of the role of academic science, its past, present and future has become the basis for discussing many modern problems and evaluating the results of scientific research. From this point of view, the paper examines the Concepts, substantiates the conclusion about the academic nature of the doctrinal knowledge presented in them, and marks the reference points that serve as a guideline for understanding and evaluating the scientific component of the results of legal and state studies.

Keywords: state and legal sphere; state; legislation; lawmaking; science; scientific knowledge; scientific concepts; scientific consensus; law; rational picture of legislation; special scientific picture of the world

Cite as: Chernogor NN. Concepts of the Development of Russian Legislation within the Parameters of Academia. *Lex Russica*. 2024;77(7):96-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.096-108

Идея предлагаемой вниманию читателей статьи навеяна темой и замыслом XI Общероссийского годового собрания теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение академической науки» — международной научной конференции, прошедшей 28 февраля 2024 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее — Институт), а также состоявшейся в ходе него дискуссией. Собрание было посвящено не концепциям развития российского законодательства вообще во всем реальном и потенциальном многообразии, а конкретному труду коллектива Института, выраженному в цикле изданий Научные концепции развития российского законодательства¹ (далее — Концепции). Этот продукт научного поиска хорошо известен юристам (и не только им), как одно из ноу-хау Института и в особой рекламе не нуждается. Институт готовит и издает Концепции с 1994 г. Совсем недавно вышло восьмое, в некотором роде юбилейное, издание, приуроченное к 100-летию Института².

Концепции признаны научным сообществом и востребованы в законотворческой практике. И всё же даже постановка вопроса об их академическом характере, не говоря уже о претензии на истинность данного утверждения, предполагает наличие достаточных для этого оснований.

Востребованность сама по себе необязательно проистекает из академичности этого

труда и не является решающей причиной для причисления его к числу достижений академической науки. Востребованными могут быть и рационализаторские предложения, а не только доктринальное знание и результаты глубоких научных изысканий. Не является безоговорочным аргументом и непререкаемый научный авторитет Института, коллективом которого Концепции подготовлены, хотя под его сенью результат научного поиска имеет значительные шансы быть признанным и охарактеризованным в качестве академического, фундаментального. Очевидно, тут должны быть применены некие объективные критерии, позволяющие либо подтвердить, либо опровергнуть данное утверждение в рамках беспристрастной оценки. Определенные перспективы для этого открывает осмысление Концепций сквозь призму характерных для науки черт и свойств. К ним мы будем апеллировать в дальнейших рассуждениях. Но прежде оговоримся, что Концепции и оценка их научности, академичности или фундаментальности — это лишь частный сюжет более масштабной проблемы, обусловленной тем, что статус юридической науки, именно как науки, некоторыми учеными ставится под сомнение. С таким посылом и результаты правовых исследований квалифицируются соответствующим образом — как знание иного порядка, какого угодно, только не научного. На примере Концепций попытаемся возразить сто-

¹ См.: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 1994 ; Правовая реформа: концепции развития российского законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995 ; Концепции развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998 ; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004 ; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010 ; Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2013 ; Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2014 ; Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.

² См.: Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

ронником данной точки зрения и охарактеризовать это достижение юридической мысли в параметрах академической науки.

Концепции как объект познания или оценки можно рассматривать со стороны. В этом случае они предстают как определенным образом оформленный научный результат, продукт рационального творчества, специфическая форма познания и исследовательский жанр. В то же время на них можно взглянуть изнутри. Тогда они видятся как определенным образом организованная деятельность (что коррелирует с определением науки как особого вида человеческой деятельности³), включающая такие составляющие, как объект познания, познающий субъект, методы познания и генерации результата. Для получения полной картины следует, во-первых, использовать обе эти стратегии познания. Во-вторых, применить разные концепты понимания науки (а их немало⁴), как дифференцированно, так и интегративно⁵.

Почему открывается такой сложный путь для поиска ответа на, казалось бы, простой вопрос: являются Концепции действительно достижением именно академической, а не какой-то другой, науки или нет, удовлетворяют они критериям фундаментального исследования, соответствуют его образу или не удовлетворяют и не соответствуют? Почему вырисовывается целая «исследовательская программа» для того, чтобы дать на него ответ?

Во-первых, потому, что сам объект оценки — система знаний о праве и законодательстве, фрагмент которых в концентрированном виде представлен в Концепциях, в силу своей специфики трудно поддается оцениванию на предмет соответствия критериям истинности, объективности, всеобщим законам природы, которые познавала и к которым апеллировала классическая наука. Законодательство и законодательская практика, которые, согласно идеям К. Маркса о роли практики в познании, должны служить объективным критерием истинности

научных выводов, не вполне для этого подходят. Эти феномены являются выражением сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, отражают объективные общественные потребности и субъективные усмотрения, а также групповые, ведомственные устремления законодателя, разработчиков законопроектов, разного рода «заинтересантов». В основе того и другого лежит консенсус между разнообразными субъектами и участниками законодательного процесса, круг которых, как известно, довольно широк. Здесь может быть отмечена обратная связь. Скорее Концепции служат критерием оценки качества законодательства, т.к. их подготовка является результатом свободного научного творчества, не обремененного давлением ведомственных установок, планов законопроектной деятельности органов публичной власти, сроков, «деловых обыкновений» в законопроектной деятельности и т.п. Сквозь призму Концепций можно характеризовать степень адекватности отражения в законодательстве объективных общественных потребностей в правовом регулировании, своевременность и качество принятых законотворческих решений. Реализация Концепций в законодательстве — это процесс, осложненный законотворческими процедурами и вышеупомянутыми обстоятельствами субъективного характера. По этим причинам отсутствие полноценной реализации Концепций в законодательстве на момент проведения соответствующего анализа не означает отказа законодателя от тех или иных концептуальных решений. Их воплощение может быть всего лишь отсрочено по упомянутым причинам.

Другое дело — практика реализации юридических норм, появление или коррекция которых стали следствием воплощения Концепций в законодательстве. Ориентация на нее как на критерий истинности концептуальных решений является более продуктивной и позволяет рассчитывать на высокую степень объективности

³ См.: *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 36–45.

⁴ См.: *Анисов А. М.* Что такое наука? // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 3. С. 120–130.

⁵ Например, понимание науки как специфической человеческой деятельности удобно для оценки Концепций изнутри, что более эффективно могут сделать авторы Концепций, выступающие в роли коллективного субъекта данной деятельности, знающие обо всех нюансах и перипетиях исследования и получения научного результата. Определение науки как специфического знания (системы знаний), созданного в результате научного творчества, пригодно для внешней оценки Концепций. Но целостную картину дает дифференцированное применение всех концептов науки и творческое соединение полученных результатов на основе интегративного подхода.

выводов, особенно если они будут иметь в основе результаты правового мониторинга⁶. Очевидно, что это большая работа, которая требует проследить путь каждого правотворческого предложения от момента формулирования в Концепциях до воплощения в законодательстве, применения в конкретных правоприменительных решениях и определения социальной эффективности созданного регулирования. Судьба отдельных концептуальных решений хорошо известна, а их эффективность подтверждена⁷. В то же время задача проведения комплексного исследования, позволяющего проследить судьбу всех предложенных в Концепциях фундаментальных, программных и проектных решений, является перспективной, а соответствующие результаты помогут усилить аргументацию сторонников признания высокого научного статуса Концепций.

Во-вторых, не все благополучно с «измерительной аппаратурой». Точных приборов для измерения или фиксации исследовательских результатов и их значения, которыми, например, располагают естественные науки, для обществоведческого, в том числе юридического, знания не существует. Они могут быть оценены и «измерены» посредством применения сложного комплекса методов и инструментов, которые несут немалую долю субъективизма и предполагают сложную интеллектуальную деятельность оценивающего субъекта. Чтобы оценить уровень научности или степень академичности этих результатов, необходимо их соотнести с самой наукой. Но понятие науки многозначно, исторически изменчиво, ее теоретические концепции, включающие критерии, позволяющие

строго и однозначно отмежевать науку от ненауки, академическую науку от неакадемической, разнообразны и во многом конвенциональны⁸.

В преддверии 300-летия Российской академии наук (РАН) издание «Грамота» опубликовало ответы членов РАН на вопросы: «Чем академическая наука отличается от других “разновидностей” науки? Есть ли у нее какие-то преимущества?»⁹ Картина получилась весьма нечеткой. Например, прозвучали мнения, что есть наука — одна-единственная. Все остальное не наука. Академическая наука — это некая-то особая наука, а та часть научных исследований, которыми занимаются ученые в академических институтах. А другую часть делают в вузах, и ее для простоты называют вузовской наукой¹⁰.

Академическая наука — это наука, которой человек занимается постоянно, систематически, не отвлекаясь на другие виды деятельности. Не «заодно», не «когда есть время», а в качестве основного и единственного места работы, главного дела жизни. Академическая наука, если ее понимать так, может быть и прикладной, и фундаментальной¹¹.

Академическая наука — понятие несколько иное, чем «наука в академических институтах». У прилагательного «академический» здесь смысл не относительный, а качественный. Ценность и преимущества академической науки особенно чувствуются в «старых» научных школах: постановка масштабных задач, диктуемых логикой развития науки изнутри (а не внешними прихотями бюрократии), приверженность принципам доказательной науки и научной этики, наличие хорошей коллегиальной среды¹².

⁶ О правовом мониторинге и методике его проведения см., например: Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2009 ; Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н. Н. Черногора. М., 2020 ; Механизм правового мониторинга : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М., 2012.

⁷ См. подробнее: Летопись российской юридической науки : в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.

⁸ Автор фундаментального труда «Наука в истории общества», английский ученый Дж. Бернал утверждал, что «наука так стара, на протяжении своей истории она претерпела столько изменений, что любая попытка дать определение науки, а таких имеется не мало, может выразить более или менее точно лишь один из ее аспектов, и часто второстепенный, существовавший в какой-то период ее развития» (Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 17).

⁹ URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/chto-takoe-akademicheskaya-nauka?ysclid=ltidy5o7t3741223275> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁰ Молдован А. М., академик РАН, научный руководитель Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН.

¹¹ Вахтин Н. Б., член-корреспондент РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹² Березович Е. Л., член-корреспондент РАН, профессор Уральского федерального университета.

Приведенные высказывания мало чем помогают и не прибавляют ясности, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Нормативные положения некоторых законов государства (например, Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике») являются определенным подспорьем в поиске образа или стандарта академической науки, но окончательно задачи точной идентификации академической науки и ее достижений не решают. Данные обстоятельства отчасти обуславливают необходимость не только скрупулезно обосновывать фундаментальный характер тех или иных правовых исследований и их результатов, но и периодически отстаивать в дискуссиях статус юридической науки как науки академической. Значительную помощь в этом плане оказывают история и философия науки, а также теория и история государства и права. К этим областям научного знания резонно обратиться для построения аргументации утверждения о фундаментальном, академическом характере Концепций.

Итак, что, на наш взгляд, дает основания характеризовать Концепции как достижения академической науки?

Разумеется, самый простой путь — объяснить их академический уровень тем обстоятельством, что Концепции подготовлены в научно-исследовательском институте (пусть не имеющим статус академического, но обладающим необходимым кадровым ресурсом), в котором постоянное, систематическое занятие наукой является святой обязанностью его сотрудников. Но такой довод едва ли кого-то убедит. Доказательства следует искать в качественной характеристике научного результата и процесса его производства. Очевидно, что их надо соизмерять с наукой в самом высоком смысле этого слова, наукой высшей пробы, которая в России исторически ассоциируется с РАН и, соответственно, с академической наукой, ставшей в нашем отечестве именем нарицательным.

Начнем с того, что цикл работ «Научные концепции развития российского законодательства» — это самое масштабное исследование

законодательства Новой России по целому ряду параметров:

1) содержанию объекта исследования, охвату областей общественных отношений, урегулированных посредством права и закона, а также объективно требующих такого регулирования в перспективе, массиву эмпирического материала (исследование охватывает все законодательство, все его отрасли, подотрасли, институты и формирующиеся законодательные комплексы). По сути, в фокусе внимания находится вся государственно-правовая сфера как область, среда обитания человека, границы которой в XXI в. вышли за пределы материального мира, физического существования человека и его взаимодействия с другими людьми и не только¹³. Субъектами и участниками взаимодействия выступают государство, общественные структуры, наднациональные институты, а теперь еще и виртуальные сущности, демонстрирующие черты гибридных (субъект-объектных) феноменов;

2) контексту его изучения. Законодательство познается не только как вещь в себе: изучаются процессы его функционирования сквозь призмы использования законодательства гражданами для реализации своих интересов, деятельности органов государственного управления, судебного правоприменения, опосредования им процессов международной интеграции и деинтеграции, сравнительного анализа законодательных установлений в России с регулятивными моделями и юридическими конструкциями, созданными законотворческой практикой других стран. Кстати, интерес к миру, к тому, что происходит за рубежом, а также к глобальным процессам всегда был отличительной чертой российской академической науки. Это известный факт. Данную особенность российской академической науки подчеркнул академик В. А. Тишков в недавнем интервью¹⁴;

3) времени непрерывного наблюдения за объектом. 30 лет по историческим меркам срок не самый большой. Однако если принять во внимание ускорение протекания социально-экономических, политических и иных процессов в обществе, а главное — плотность и интенсивность состоявшихся за это время государственно-правовых трансформаций, этапов

¹³ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М., 2020.

¹⁴ Задача гуманитариев — добывать новое знание и отстаивать истину : интервью с В. А. Тишковым // Знание — сила. 2024. Февраль. URL: <http://xn--80aa2c9b.xn--p1ai/wp-content/uploads/2024/02/Интервью-Тишкова-РАН.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

развития законодательства и правовой системы, то указанный временной интервал является впечатляющим;

4) решаемым в ходе исследования научным задачам, комплекс которых предполагает не только познание, но и определение путей и способов преобразования изучаемого объекта, управления его динамикой;

5) применяемому методологическому инструментарию, включающему методы, позволяющие решать упомянутые задачи, в том числе методы прогнозирования, моделирования, юридического проектирования, а также верификации научного результата и т.д., обусловленному включенностью Института в законопроектную деятельность Правительства РФ;

6) задействованному кадровому ресурсу (этим занимался целый научный Институт, авторский коллектив нового издания включает 85 человек, в числе которых члены РАН);

7) полученному результату, выраженному в единстве фундаментальных, программных и проектных решений:

— дающих полную, всеобъемлющую характеристику объекта исследования (российского законодательства) в статике и динамике;

— отражающих тенденции его развития, прогрессивные тренды, дисфункции и аномалии;

— содержащих вариативные сценарии развития правовой системы России, законодательства и отдельных законодательных массивов;

— предлагающих стратегию и тактику (а в необходимых случаях — конкретные правовые модели и юридические конструкции) коррекции и модернизации законодательства с учетом целей развития России, изменяющихся условий, внутренних и внешних вызовов, закономерностей эволюции права, воспроизводства и трансформации законодательства, а также сферы его действия, технологий законотворчества, механизмов его взаимодействия с другими регуляторами;

8) сфере потенциального применения исследовательского результата. Она не ограничена пределами Российского государства, но простирается на интеграционные объединения. Так, Концепции содержат сюжеты модельного законотворчества в СНГ, сближения подходов в регулировании определенных видов общественных

отношений в государствах — участниках ЕАЭС, других межгосударственных объединений.

Следующий штрих к научному портрету Концепций состоит в том, что их содержание коррелирует с целями и функциями науки. Наука ставит конечной целью предвидение возможных будущих изменений объектов, в том числе и тех, которые соответствовали бы будущим типам и формам практического изменения мира. Как выражение этой цели в науке складываются не только исследования, обслуживающие сегодняшнюю практику, но и слои исследований, результаты которых могут найти применение только в практике будущего. Движение познания в этих слоях обусловлено уже не столько непосредственными запросами сегодняшней практики, сколько познавательными интересами, через которые проявляются потребности общества в прогнозировании будущих способов и форм практического освоения мира¹⁵. Концепции выходят за рамки практики своего времени (времени их подготовки), расширяя горизонты возможностей освоения человеком государственно-правовой сферы. Они реализуют общее целеполагание в науке и сформированные соответственно им познавательные установки. Концепции нацелены на производство новых знаний о законодательстве, выявление законов, в соответствии с которыми оно изменяется и развивается, обнаружение новых явлений. Этот труд представляет собой результат не стремления к описанию, а проникновения в глубь процессов бытия и развития законодательства, их объяснения, моделирования динамики и прогнозирования, а также конструирования приемлемых вариантов его воспроизводства и преобразования. В этом смысле Концепции являются инструментом социальной и государственно-правовой инженерии. Данное обстоятельство подкрепляет их притязания на высокий научный статус.

Философы утверждают, что настоящая наука создает научную картину мира, т.е. целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития¹⁶. Наряду с общенаучной картиной мира как обобщением представлений о Вселенной, живой

¹⁵ См.: Степин В. С. Указ. соч. С. 39, 40.

¹⁶ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH014eb768be6ca9b4226dbd4e> (дата обращения: 01.03.2024).

природе, обществе и человеке, формируемым на основе синтеза знаний, полученных в различных дисциплинах, складываются специальные научные картины мира — так называемые дисциплинарные онтологии (т.к. современная наука дисциплинарно организована, имеет сложную структуру и в ней есть конкретные области).

Концепции представляют собой форму (способ) выражения дисциплинарной онтологии государственно-правовой сферы, репрезентации ее актуальной картины на данном этапе эволюции через систематизированное, структурированное, проверяемое и обновляемое знание о законодательстве. Ее несущую конструкцию можно визуализировать по образу и подобию того, как В. В. Лазарев и С. В. Липень описывают модели предмета юридической науки (хотя они выделяют три модели: 1) в центре находится государство, от него исходит закон, из закона — право, и всё это направлено на человека; 2) в центре право, затем обусловленное им государство (правовое государство), от него исходит закон, регулирующий поведение человека; 3) в центре человек, им объективно в ходе взаимоотношений с другими людьми создается право, право воздействует на государство, а государство рождает закон)¹⁷.

Анализ Концепций приводит к выводу, что в них репрезентирована вторая из приведенных моделей. В центре ее композиции находится право, затем обусловленное им государство (правовое государство), от него исходит закон, регулирующий поведение человека.

В данной дисциплинарной онтологии свое место занимает рациональная картина законодательства, локализованная в пространстве доктрины на пересечении науки о праве и науки о законе (легалистике, по Л. С. Мамуту¹⁸). В Концепциях она представлена опосредованно — через применение теоретического знания о праве, законе и законодательстве, сформированного научными школами Института за 100-летие с опорой не только на достижения

мировой политико-правовой и теоретико-правовой научной мысли, но и на собственные доктринальные построения и идеи, а также осмысленный опыт развития законодательства¹⁹.

Обобщенный системно-структурный образ законодательства введен в специальную научную картину мира посредством представлений об объекте познания (законодательстве); типологии (классификации) изучаемых его элементов; особенностях их взаимодействия; пространственно-временной структуре государственно-правовой реальности и др.

В этом плане Концепции выполняют следующие основные взаимосвязанные функции:

- 1) обобщают и систематизируют научные знания, объединяя их в сложные целостности;
- 2) формируют исследовательскую программу, определяющую стратегию научного познания;
- 3) обеспечивают объективацию научных знаний, их отнесение к исследуемому объекту и включение в культуру изучения законодательства;
- 4) моделируют перспективное развитие законодательства (создают прогнозную модель его оптимального развития) для решения актуальных задач государства²⁰, представляют собой программу преобразования законодательства и государственно-правовой сферы.

Концепции представляют научную картину законодательства на основании обобщения фактов и конкретно-научных знаний в тесной связи с характером регулируемых правом отношений. Они обращены к реальным процессам в жизни общества и государства. В отечественной, да и в зарубежной, доктрине не создано более целостной рациональной картины законодательства, имеющей равнозначный «теоретический колорит» и прикладное значение. Эта картина удовлетворяет всем требованиям научности знания, которые постулируют современная философия науки и науковедение, в частности объективности, общественной значимости, доказательности и др.²¹

¹⁷ Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юридических вузов / под ред. А. В. Корнева. М., 2016. С. 60–61.

¹⁸ См.: Мамут Л. С. Юриспруденция и легалистика // Юриспруденция XXI в. : горизонты развития : очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2006. С. 7, 8.

¹⁹ См.: Летопись российской юридической науки ; Хабриева Т. Я. Доктрина правотворчества как квинт-эссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 5–38.

²⁰ См.: Научные концепции развития российского законодательства. 8-е изд. С. 20.

²¹ В современной философии науки и науковедении выделяют следующие критерии и черты научности знания: объективность; общественная значимость; рациональность; эссенциалистская направлен-

Концепции стремятся к точному и адекватному отражению реальности, государственно-правовой действительности. Их можно проверить эмпирически, в том числе экспериментально, рационально (на предмет общепринятости, опровержимости, полезности и т.п.). Они нацелены на воспроизведение сущности, закономерностей объекта. При этом Концепции имеют значение для всего общества, так как создают модель законодательства государства, в том числе и правовых параметров его самого. Они ориентированы на практические потребности общества и тесно связаны с практикой. Важным показателем значимости заключенных в Концепциях научных результатов является возвращение к ним по прошествии времени, востребованность в дальнейших научных поисках.

Концепции содержат знание, которое особым образом организовано (упорядочено по осознанным принципам в определенной форме, систематизировано и структурировано) и представляет собой систему таких утверждений, которые удовлетворяют требованию принципиальной проверяемости. В Концепциях предлагаются пути и способы применения осмысленного в них опыта и сделанных выводов. Они построены так, чтобы было возможно распространение заключенного в них знания за пределы той области, в которой оно было получено. Его можно экстраполировать на сферы экономики, политики, культуры и др.

В них не просто что-то сообщается, а приводятся необходимые обоснования, по которым содержащиеся в них выводы и утверждения предлагается считать истинным. Кроме того, Концепции предполагают возможность получения нового знания в виде следствий из содержания изложенного в них результата, имеющих теоретических положений и фактов, а также из принимаемых допущений. Вместе с тем некоторые утверждения, изложенные в предыдущих изданиях Концепций, критически переосмысливаются по мере появления новых фактов и теоретических построений. При этом «пересмотр» вовсе не означает полного забвения полученного ранее научного результата. Фактически дело сводится к уточнению области

его применимости (в качестве примера можно привести выводы об объективной необходимости утверждения в отечественном законодательстве тех или иных ценностей индивидуалистического общества, узкой трактовке законодательства, о наиболее приемлемом для России концепте соотношения универсального и национального в праве, закреплении отдельных правовых институтов, созданных правовыми системами других государств, и др.).

Система научного знания, представленного в Концепциях, характеризуется также тем, что решение какой-то одной проблемы, наряду с полученным результатом, означает также появление возможности сформулировать новые доктринальные проблемы (например, проблемы алгоритмизации, персонализации или натурализации права, систематизации нетипичных правовых массивов и др.²²).

Важно отметить, что в Концепциях содержатся ответы не только на внешние вызовы обществу, государству и праву. В них можно обнаружить ответы на вызовы, которые происходят от других наук. Речь идет о реакции, например, на вызовы, формируемые медициной, биологией, генной инженерией, техническими и когнитивными науками и др. В Концепциях можно найти отклик на ту социальную информацию, которую доставляют эти науки, а также на новые исследовательские механизмы, ту методологию, которую они предлагают²³.

Вышеприведенные доводы характеризуют Концепции с внешней стороны как научный результат, научное знание. При взгляде на них изнутри Концепции предстают как особый вид (форма) познавательной деятельности, направленной на получение, производство объективных, системно-организованных и обоснованных знаний о праве, государстве, законодательстве, государственно-правовой сфере.

Основой этой деятельности являются, во-первых, сбор научных фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и синтез новых научных знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые государственно-правовые явления, но и позволяют строить причинно-следственные связи, прогнозировать и моделировать.

ность; обоснованность и доказательность; особые организация и системность; проверяемость; выводимость; проблемность; критичность; доступность для обобщений и предсказаний; ориентация на практику (см.: Новая философская энциклопедия).

²² См.: Научные концепции развития российского законодательства. 8-е изд. С. 33–43.

²³ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 64–65.

Во-вторых, разумное разделение труда между исследователями разной специализации, так как есть общие, фундаментальные проблемы и вопросы, имеющие более или менее частный, прикладной характер. Подходы к проблемам общего, теоретического порядка и их решению масштабированы и конкретизированы в отраслевых концепциях. В то же время разделение труда между теоретиками и «отраслевиками» является не абсолютным, а условным, так как научная коллаборация в Институте носит разносторонний характер, а квалификация многих ученых (из числа авторов Концепций) позволяет им с высокой степенью эффективности решать как общетеоретические, так и отраслевые задачи. Поэтому в содержании Концепций происходит достоверное обобщение фактов, за случайным выявляется необходимое, закономерное, за единичным — общее и на этой основе осуществляется предвидение появления новых общественных отношений, требующих регулирования, новых правовых (государственно-правовых) феноменов.

В-третьих, Концепции отражают коллективные воззрения на право, законодательство, государственно-правовую сферу в целом, в которых выражается согласованное мнение ученых Института на их природу, устройство, должное и сущее и др. Речь идет о консенсусе, обеспечивающем общую направленность коллективного научного поиска, внутреннюю непротиворечивость содержания Концепций, целостность рациональной картины законодательства. Эта картина тоже является результатом консенсуса, как и ее частные фрагменты, например понятие законодательства, пределы этого явления, его структура, система, роль отдельных нормативных массивов в законодательстве и правовой системе и др.

На эту особенность Концепций следует обратить особое внимание, поскольку внутренний (достигнутый в пределах коллектива Института) консенсус является способом преодоления негативного влияния положения дел, которое сложилось в отечественной юридической науке. Реалиями нашего времени является признание плюрализма теорий, концепций, идей как базового принципа формирования научного знания, оптимального средства познания истины,

высшего блага и идеального состояния науки. Налицо множество условно принятых и введенных в научный оборот понятий, определенных, гипотез. Однако нет устойчивого согласия относительно их понимания и интерпретации даже в рамках одной школы и направления. Ситуация усугубляется повышенной толерантностью к новым научным гипотезам и концепциям, в том числе слабо разработанным или вообще не выдерживающим критики. Всё это препятствует единообразному пониманию права и государства, закона, ответственности и других государственно-правовых явлений в обществе, профессиональном сообществе, институтах публичной власти, что сравнимо с отсутствием единой системы измерения физических величин. Принципиальная невозможность всеобщего синтеза теорий приводит к выводу о том, что единственным эффективным способом решения этой проблемы является обращение к консенсусу научного сообщества как естественному средству легитимации объективности научного знания и его истинности²⁴.

Консенсуальные начала присущи юридической науке. Подтверждение этому можно обнаружить, например, при изучении римского права (в частности, в кодификациях Юстиниана), германской правовой доктрины и научной дискуссии, развернувшейся в XIX в. между тремя научными школами: естественного права; историко-правовой; позитивистской (основным предметом и результатом данной дискуссии была общегерманская кодификация). Консенсуальные начала лежат в основе формирования доктрины советского права, прежде всего по вопросам его понятия и системы.

Безусловно, это отдельная тема для размышлений и обсуждения. Уместно обратить внимание на консенсус, достигнутый внутри авторского коллектива, создававшего Концепции. Этот консенсус, во-первых, открыт к «внешнему научному миру» и может послужить основой или началом для расширения круга его участников. Во-вторых, он имеет потенциал к тому, чтобы послужить своеобразным образцом поведения при постулировании в юридической науке и учебной литературе доктринальных утверждений, выводов или теоретических схем, стимулировать расширение практики формулирования

²⁴ Из доклада Т. Я. Хабриевой «Консенсуальные начала в концептуализации права как фактор устойчивого развития государства» на пленарном заседании X Московского международного юридического форума «Устойчивое развитие России: правовое измерение» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6 апреля 2023 г.) (на момент подготовки статьи доклад не опубликован).

доктринальных решений на основе консенсуса, достигнутого в отечественном юридическом сообществе. Реализация этого потенциала может положить начало новому циклу в развитии отечественной науки, который сопряжен со сменой вектора общественного развития — от парадигмы индивидуалистического типа общества к коллективистскому, а значит, со сменой ценностных ориентаций научных сообществ, исследовательских программ, в конечном счете отражающих изменения в социально-исторических отношениях, праве и культуре в целом. С высокой долей вероятности можно прогнозировать, что в новом цикле развития юридической науки будет востребован советский опыт организации научной деятельности в части достижения консенсуса, необходимость которого продиктована потребностями практики²⁵.

Продолжая рассмотрение Концепций в заявленном ранее контексте, обратим внимание еще на одну черту этого артефакта. Концепции — это не застывшее знание. Они представляют собой знание развивающееся. Данная черта служит характеристикой как внешне выраженного научного результата, так и процесса его создания. Эта особенность тоже сопрягается со спецификой истинно научного знания.

Концепции можно рассматривать в единстве всех восьми изданий, как цикл работ, систему знаний, сформированную за 30 лет. В то же время каждое издание может служить относительно самостоятельным, завершенным научным результатом и, соответственно, объектом познания и оценки. При такой фрагментации предмета познания (Концепций) заметна разница между изданиями, что обусловлено конфигурацией задач, определяемых реалиями периода подготовки каждого из них, уровнем развития объекта исследования, потребностями практики и другими обстоятельствами. В них анализируется, синтезируется, обобщается, систематизируется и концептуализируется конкретная фактологическая информация, формируется конкретно-научное знание.

Институт занимается подготовкой Концепций с 1994 г., почти сразу после принятия Конституции РФ, когда началась масштабная работа по формированию и обновлению законода-

тельства и стало очевидным, что новые акты создаются бессистемно, без должной проработки с чрезмерным заимствованием зарубежного опыта. На начальном этапе их создание и реализация фактически совпали по времени. Сразу обозначилась ключевая особенность жанра Концепций, состоящая в ориентации на построение прогнозной модели оптимального развития законодательства для решения актуальных задач государства²⁶. В дальнейшем объединение доктринальной и практической реализации Концепций стало характерно для этого направления юридических разработок Института. Концепции задавали вектор совершенствования правовой системы России и стали во многом определять направления нормотворческой деятельности Правительства РФ, являющегося субъектом законодательной инициативы, и законопроектной работы федерального и региональных законодателей. Каждое издание выполняет прагматическую функцию, так как содержащееся в них знание разворачивается в программу действий. И практически каждое содержит рефлексию над предшествующими Концепциями, воспроизводит знание, прошедшее проверку на практике, сохраняет преемственность научных идей²⁷.

Восьмое издание этой книги было опубликовано в конце 2023 г. Оно отражает характер, уровень и разнообразие доктринальных изысканий научного коллектива, содержит результаты глубокого анализа закономерностей и тенденций государственно-правового развития, а также обоснованные модели оптимального развития российского законодательства для решения насущных задач государства и общества. В нем перспектива развития законодательства показана с учетом ретроспективы движения научной мысли, сценариев его модернизации и концептуальных векторов. Расстановка акцентов и ориентиров фокусирует внимание ученых и практиков на вопросах, требующих проработки и решения, а главные ориентиры в проектировании законодательства определены с учетом необходимости сохранения целостности и устойчивости правового пространства не только в период стабильности, но и в условиях кризиса²⁸.

²⁵ Из доклада Т. Я. Хабриевой «Консенсуальные начала в концептуализации права как фактор устойчивого развития государства».

²⁶ См.: Научные концепции развития российского законодательства. 8-е изд. С. 20.

²⁷ См.: Научные концепции развития российского законодательства. 8-е изд. С. 44, 45.

²⁸ См.: Научные концепции развития российского законодательства. 8-е изд. С. 14–15.

В книге сохранена преемственность позиций относительно применения фундаментальных выводов для решения практических задач правового регулирования, концептуализации результатов прикладных исследований. Был применен оправдавший себя программно-целевой подход, успешно использованный при подготовке предшествующих изданий. Проведена дифференциация законодательных массивов по ранее обоснованным критериям. Воззрения основателей научных школ Института и их последователей послужили фундаментом конкретных предложений по совершенствованию российского законодательства.

На основании изложенного можно согласиться с организаторами XI Общероссийского

годового собрания теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение академической науки» в постановке акцента на научном статусе Концепций и их позиционировании в качестве достижения академической науки (при всех сделанных оговорках об относительности определения ее понятия и черт) в названии темы собрания. Хотя в силу потенциально конвенционального характера данного утверждения последнее слово в признании его истинности остается за научным сообществом. Обозначенные при осмыслении Концепций в параметрах высокой науки реперные точки могут служить ориентиром для оценки как этого продукта научного творчества, так и других результатов правовых и государствоведческих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисов А. М. Что такое наука? // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 3. С. 120–130.
- Бернал Дж. Наука в истории общества / пер. с англ. А. М. Вязьминой [и др.]; общ. ред. Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. 735 с.
- Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2013. 104 с.
- Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2014. 123 с.
- Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1994. 243 с.
- Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М. : Городец, 2004. 847 с.
- Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М. : Эксмо, 2010. 732 с.
- Концепции развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1998. 256 с.
- Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки : университетский курс для магистрантов юридических вузов / под ред. А. В. Корнева. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 496 с.
- Летопись российской юридической науки : в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2023.
- Мамут Л. С. Юриспруденция и легалистика // Юриспруденция XXI в.: горизонты развития : очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб. : Санкт-Петербургский университет внутренних дел, 2006. С. 7–23.
- Механизм правового мониторинга : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. 160 с.
- Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. 656 с.
- Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. 544 с.
- Новая философская энциклопедия : в 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

Правовая реформа: концепции развития российского законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1995. 220 с.

Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н. Н. Черногора. М. : Международный юридический институт, 2010. 232 с.

Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2009. 415 с.

Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Хабриева Т. Я. Доктрина правотворчества как квинтэссенция пути в науке: к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 5–38.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2020. 176 с.

REFERENCES

Anisov AM. What is science? *Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya» [RUDN Journal. Philosophy Series]*. 2011;3:120-130. (In Russ.).

Bernal J. *Science in the history of society*. Transl. from Eng. by A.M. Vyazmina, et al.; ed. by B.M. Kedrova, I.V. Kuznetsova. Moscow: Izd-vo inostr. lit.; 1956. (In Russ.).

Chernogor NN, editor. *Legal monitoring: Current problems of theory and practice*. Moscow: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut; 2010. (In Russ.).

Concepts of the development of Russian legislation. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 1998. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Chernogor NN. *The future of law. The legacy of Academician V.S. Stepin and legal science*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; 2020. (In Russ.).

Khabrieva TYa, editor. *The Chronicle of Russian Legal Science*. In 5 vols. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 2023. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. *Concepts of the development of Russian legislation*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 2013. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. *Concepts of the development of Russian legislation*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 2014. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. *Concepts of the development of Russian legislation*. Moscow: Eksmo Publ.; 2010. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. *Scientific concepts of the development of Russian legislation*. 8 ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2024. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. *Scientific concepts of the development of Russian legislation: A monograph*. 7th ed., rev. and suppl. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 2015. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, Orlovskiy YuP, editors. *Concepts of the development of Russian legislation*. Moscow: Gorodets Publ.; 2004. (In Russ.).

Khabrieva TYa. The doctrine of lawmaking as the quintessence of the path in science: To the 100th anniversary of the Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;5:5-38. (In Russ.).

Lazarev VV, Lipen SV. *The history and methodology of legal science: A university course for Master's Degree Law Students*. Ed. by V. Kornev. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Legal reform: Concepts of the development of Russian legislation. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; 1995. (In Russ.).

Mamut LS. Jurisprudence and legalism. In: Romashova RA, Nizhnik NS, editors. *Jurisprudence of the 21st century: Horizons of development. Essays*. St. Petersburg: St. Petersburg University of Internal Affairs Publ.; 2006. Pp. 7–23. (In Russ.).

Okunkov A, Tikhomirov YuA, Orlovskiy YuP, editors. *Concepts of the development of Russian legislation*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yurisprudentsiya; 1994. (In Russ.).

Pavlushkin AV, editor. *The mechanism of legal monitoring: scientific and practical. A Study Guide*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF, Yurisprudentsiya; 2012. (In Russ.).

Stepin VS, editor. *The New Philosophical Encyclopedia*: in 4 volumes. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow; 2010. (In Russ.).

Stepin VS. *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2000. (In Russ.).

Tikhomirov YuA, Gorokhov DB, editors. *Legal monitoring: Scientific and Practical Study Guide*. Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF, Yurisprudentsiya; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черногор Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии наук, советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
chernogor72@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Chernogor, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Russian Academy of Sciences, Advisor to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
chernogor72@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 28 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 21.03.2024.

Revised 28.04.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.109-123

Д. Р. ЗайнутдиновКазанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Институт социальных и гуманитарных знаний
г. Казань, Российская Федерация

Солидаристское учение о праве и государстве в трудах ученого-юриста Г. К. Гинса

Резюме. В статье рассматриваются жизненный путь Георгия Константиновича Гинса (1887–1971 гг.) и формирование его политико-правовых идей, дополнивших общее солидаристское учение о праве и государстве. Исследование солидаристских воззрений ученого было проведено на основе его трудов, посвященных различным проблемам права, политики и экономики. В работе также прослеживается деятельность Г. К. Гинса в органах государственной власти Российской империи, во Временном правительстве и в антибольшевистских государственных образованиях. Работа показывает, как кризис власти Временного правительства, а позже крах антибольшевистских режимов в период Гражданской войны заставили Г. К. Гинса пересмотреть свои взгляды на либеральную демократию и отказаться от нее в пользу солидаризма. Исследование позволило проследить формирование государственно-правовых воззрений Г. К. Гинса до принятия им идеологии солидаризма. В работе представлены сформулированные ученым типы участия государства в народном хозяйстве, концепция координационного права. Важно отметить, что его понимание административного права во многом сходно с современной «сервисной» концепцией, развивающейся в рамках данной отрасли. Солидаристское учение о праве и государстве, которое развивал Г. К. Гинс, является несомненным достоянием отечественной политико-правовой мысли.

Ключевые слова: гражданская война; антибольшевизм; эмиграция; идеология; солидаризм; координационное право; регулятивное право; водное право; продовольственное право; административное право

Для цитирования: Зайнутдинов Д. Р. Солидаристское учение о праве и государстве в трудах ученого-юриста Г. К. Гинса. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 109–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.109-123

The Solidaristic Doctrine on Law and the State in the Works of the Legal Scholar G.K. Gins

Dinar R. Zaynutdinov Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Institute of Social and Humanitarian Knowledge
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper examines the life path of Georgiy K. Gins (1887–1971) and the formation of his political and legal ideas, which complemented the general solidaristic doctrine on law and the state. The study of the scientist's solidarity views was conducted based on his writings on various problems of law, politics and economics. The work also traces the activities of G. K. Gins in the state authorities of the Russian Empire, in the Provisional Government and anti-Bolshevik state formations. The work shows how the crisis of power of the Provisional Government, and later the collapse of the anti-Bolshevik regimes during the Civil War forced G. K. Gins to reconsider his views on liberal democracy and abandon it in favor of solidarity.

The study made it possible to trace the formation of state-legal views of G. K. Gins before he adopted the ideology of solidarity. The paper presents the types of state participation in the national economy formulated by the scientist, the concept of coordination law. It is important to note that his understanding of administrative law is

© Зайнутдинов Д. Р., 2024

in many ways similar to the modern «service concept» developing within this industry. The solidaristic doctrine of law and the state, which was developed by G. K. Gins, is an undoubted asset of Russian political and legal thought.

Keywords: civil war; anti-Bolshevism; emigration; ideology; solidarity; coordination law; regulatory law; water law; food law; administrative law

Cite as: Zaynutdinov DR. The Solidaristic Doctrine on Law and the State in the Works of the Legal Scholar G.K. Gins. *Lex Russica*. 2024;77(7):109-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.109-123

Введение

Переломным моментом в государственно-правовых воззрениях антибольшевистских ученых-юристов стала не столько Гражданская война, сколько разрушение основ государственности, правовой системы и правосознания в целом. Правоведы надеялись, что победа антибольшевистских сил позволит ускоренно решить проблемы, вызвавшие социальный кризис, поскольку утверждению конституционного правопорядка, основанного на общепризнанных демократических ценностях, уже не будут противостоять радикальные социалисты (большевики). Подобная мысль созрела в умах не только представителей правосоциалистического лагеря, но и сторонников либеральной демократии.

Впрочем, поражение антибольшевизма в 1920 г. серьезно изменило воззрения значительного числа представителей юридического сообщества России. Часть из них перестала верить в созидательный потенциал права, приобщившись к религиозной тематике. Другие продолжили принципиально отстаивать ранее выдвинутые идеи о государственно-правовом развитии России. К ним, как правило, относились практически все правоведы правосоциалистического лагеря.

Проанализировав результаты социальных потрясений в России 1917–1920 гг., некоторые антибольшевистские правоведы выдвинули весьма интересные идеи развития общества, государства и правовой системы. К ним можно отнести Н. Н. Алексеева с евразийским учением о праве и государстве.

Кроме того, определенная часть юристов антибольшевизма сменила вектор политико-правовых воззрений, приступив к поиску компромиссных концепций для постбольшевистского государственного и правового устройства России. Ими разрабатывались идеологии солидаризма, либерального социализма и др.

Особый интерес вызывает вклад антибольшевистских правоведов в развитие популярных в мире государственно-правовых учений, заложенные в них концептуальные идеи. Российская эмиграция существенно пополнила мировую копилку юридической науки путем исследования политических и правовых сторон солидаристского учения.

Если динамичное развитие коммунистических идей и теорий во второй половине XIX в. произошло во многом благодаря К. Марксу и Ф. Энгельсу, то солидаризм обязан своим возникновением французским теоретикам и практикам — П. Леру и Л. Буржуа. Укрепление философского базиса солидаризма и идей солидарности стало ответом на рост влияния левосоциалистических идеологий. «Солидаризму как политической философии и идеологии повезло значительно меньше — в “век идеологий” идеи социальной солидарности, доверия, субсидиарности, кооперации не были в центре внимания теоретиков, поэтому он развивался как “фрагментарная” идеология, способная регулировать лишь отдельные социальные отношения (например, взаимоотношения работодателей и наемных работников: солидаристы считали, что первые должны делиться со вторыми частью прибыли)»¹, — утверждает современный политолог-юрист А. Н. Окара. Он пишет: «В полный голос солидаризм заявил о себе во Франции, где в начале XX в. он некоторое время даже считался официальной идеологией Третьей республики (1870–1940)»².

Идеи солидаризма также стали востребованными в среде российской эмиграции уже в 1920–1950 гг. XX в. Это обусловлено крушением правосоциалистических и либерально-демократических антибольшевистских режимов в период Гражданской войны в России. Это заставило эмигрировавших политиков и правоведов начать поиск новых и более прочных идеологических решений, способных выступить альтер-

¹ Окара А. Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. // Политическая наука. 2013. № 4. С. 147.

² Окара А. Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Идеология и философия солидаризма : материалы научного семинара. Вып. № 9. М. : Научный эксперт, 2010. С. 12.

нативой коммунизму. Понятия солидаристского учения разрабатывались такими российскими юристами, политиками и философами, как Г. К. Гинс, С. А. Левицкий, Н. О. Лосский и др.

На пути к принятию солидаризма

Главным творцом юридического базиса идеологии солидаризма стал российский ученый-юрист Георгий Константинович Гинс (1887–1971 гг.).

В 1909 г. Г. К. Гинс окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в главное управление землеустройства и земледелия Министерства юстиции. Вскоре он был направлен в Переселенческое управление. В середине этого же года Г. К. Гинс совершил длительную командировку в Семиречье, где занимался вопросами водного законодательства. Изучение этих вопросов позволило молодому специалисту выявить слабость правового регулирования в области водопользования в регионе. Несовершенство этого правового регулирования вызвало повсеместное ограничение и ущемление прав местного населения и, как следствие, отсталость хозяйственно-экономической сферы. В то же время правовед, обращаясь к законодателю, писал: «В водном законе нуждается коренная Россия не менее, чем окраины»³.

На основе полученного материала им был опубликован целый ряд научно-аналитических отчетов по проделанной работе, предложен соответствующий законопроект. Свои мысли по совершенствованию правового регулирова-

ния и развитию водного хозяйства Туркестана ученый изложил в следующих трудах: «Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон»⁴, «Какие начала должны быть проведены в водном законе для Туркестана?»⁵, «Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона»⁶, «Основные начала проекта водного закона для Туркестана»⁷ и «Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.)»⁸. Молодой ученый в эти годы также написал ряд работ о колонизации Средней Азии Россией⁹.

Современные исследователи отмечают, что «Г. Гинс сформулировал общие принципы солидаризма с учетом как советского, так и западноевропейского общества, выдвигая на первый план в развитии солидарного общества общность духовных и культурных ценностей»¹⁰.

Можно сказать, что принятие Г. К. Гинсом солидаристского учения было довольно длительным процессом. И стало результатом его общественной, политической и государственной деятельности, проведения научных исследований по различным правовым проблемам. Как писал сам Г. К. Гинс, «исследование проблематики водного права и его применения в Средней Азии стало первым шагом на пути приобщения к солидаризму»¹¹.

Весьма интересно, что некоторые современные юристы, рассматривая государственно-правовые воззрения Г. К. Гинса, указывают, что российский ученый был сторонником и продолжателем социально-психологической юриспруденции, возникшей благодаря идеям Л. И. Петражицкого (1867–1931 гг.), особенно в

³ Гинс Г. К. Основные начала проекта водного закона для Туркестана (с приложением проекта в редакции Межведомственной комиссии). СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912. С. 43–44.

⁴ Гинс Г. К. Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон: Отчет Переселенческого управления по командировке летом 1909 года в Семиречье. СПб., 1910.

⁵ Гинс Г. К. Какие начала должны быть проведены в водном законе для Туркестана? (Замечания на составленный проект). СПб., 1910.

⁶ Гинс Г. К. Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона / ГУЗиЗ, Переселенч. упр. СПб., 1910.

⁷ Гинс Г. К. Основные начала проекта водного закона для Туркестана.

⁸ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 годы) / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Петроград : Изд. Канц. Главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914.

⁹ См.: Гинс Г. К. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу». СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912 ; Он же. Переселение и колонизация. Вып. 1, 2. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913.

¹⁰ Попкова Т. В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // Новые исследования Тувы. 2013. № 1 (17). С. 43.

¹¹ Гинс Г. К. Настоящее и будущее солидаризма // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. М. : Посев, 2007. С. 98.

русле экономического анализа права. «Отталкиваясь от психологической природы права, он [Г. К. Гинс. — Д. З.] создал предпосылки научно-опытного исследования социально-психологических конструкций, описывающих процесс правообразования, генезиса правовой культуры в контексте сравнительного правоведения»¹². Эти выводы весьма важны, поскольку показывают границу, которую пересекает солидаристское учение Г. К. Гинса о праве и государстве. В дальнейшем Г. К. Гинс начнет интеграцию теоретико-методологических наработок своего учителя Л. И. Петражицкого с собственными положениями о необходимости формирования в каждом конкретном обществе солидаристской правовой среды. Это объясняет его стремление к реализации выдвинутой еще С. Бугле идеи о «новом духе права»¹³.

В годы Первой мировой войны Г. К. Гинс работал в управлении делами Особого совещания по продовольствию: он стал одним из разработчиков карточной системы распределения продовольствия в России.

Весной 1916 г. молодой ученый получил должность приват-доцента кафедры гражданского права Императорского Санкт-Петербургского университета¹⁴. В этом же году он опубликовал работу, посвященную распределению продовольствия по карточной системе¹⁵.

В июле 1917 г. Г. К. Гинс — уже старший юрисконсульт Министерства продовольствия Временного правительства. Ученый прекрасно видел все недочеты в деятельности власти, которые приближали страну к Гражданской войне.

К солидаристскому учению Г. К. Гинс обратился в 1917 г. в работе, посвященной способам обеспечения обязательств¹⁶. Особенность этой работы заключается в том, что автор предпринимает первую попытку научного поиска компромисса между либерализмом и социализмом в сфере гражданско-правовых отно-

шений. Солидаризм в воззрениях Г. К. Гинса становится альтернативой враждующим идеологиям, способной предотвратить углубление кризиса общественных отношений. Обратимся к самому правоведа: «Многие симптому свидетельствуют, что наступает опять переходное время. Опять борются влияния социального и индивидуального прав (Гирке); регламентация закона стесняет договорную свободу. <...> теперь укрепляется начало взаимности, новый вид солидарности интересов»¹⁷. В работе «Способы обеспечения обязательств» российский ученый раскрывает мысль, высказанную С. Бугле в 1907 г., о том, что солидаризм направляет юридическую эволюцию по пути «формирования приоритета равенства над свободой»¹⁸.

Солидаризм как идеология компромисса, социального сотрудничества различных слоев и классов общества всё больше привлекает внимание Г. К. Гинса. Ученый постепенно стал отказываться от идей либеральной демократии.

Октябрьскую революцию 1917 г. Г. К. Гинс принять не мог, поскольку примыкал к либерально-демократическому лагерю.

После разгона Всероссийского Учредительного собрания в январе 1918 г. ученый переехал в Омск, где возглавил организационно-инструкторский подотдел неторгового отдела Союза кооперативных союзов Западной Сибири «Центросибирь». Для Г. К. Гинса (отличного специалиста по продовольственному праву) в Сибири открылся большой простор для интеграции собственных идей в зарождающуюся антибольшевистскую государственность. К слову, сеть потребительских кооперативов на востоке России была довольно крупной. «По данным В. Махова, потребительская кооперация охватывала 65,2 % крестьянских хозяйств Сибири и 50,6 % всего сибирского населения. В августе 1916 г. возник общесибирский Союз союзов потребительских коопераций — Закупсбыт, в который в 1918–1919 гг. вступили почти

¹² Емельянов В. М. Культурно-антропологическая концепция права Г. К. Гинса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 4.

¹³ Бугле С. Солидаризм // Солидаризм во Франции в период Третьей республики : Л. Буржуа и С. Бугле : сборник переводов / ред.-сост. и автор вступ. ст. А. Б. Гофман ; пер. с фр. Е. Л. Ушкова. М., 2016. С. 135.

¹⁴ См.: Хисамутдинов А. А. «Нелегко начинать жизнь сначала...»: Георгий Константинович Гинс // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1999–2000. Т. XXX. С. 437–452.

¹⁵ См.: Гинс Г. К. Карточная система (материалы). Петроград : Екатерининская тип., 1916.

¹⁶ См.: Гинс Г. К. Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права). Петроград : Сенат. тип., 1917.

¹⁷ Гинс Г. К. Способы обеспечения обязательств... С. 27–28.

¹⁸ Бугле С. Указ. соч. С. 139.

все союзы кооперативов Урала, Сибири и Дальнего Востока»¹⁹.

Параллельно с работой в «Центросибири» Г. К. Гинс активно участвовал в деятельности антибольшевистских организаций. В середине 1918 г. он становится управляющим делами Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Позже ученый-юрист вошел в состав Административного совета Временного Сибирского правительства. Г. К. Гинс отчасти способствовал нивелированию влияния правосоциалистических групп в составе Временного Сибирского правительства, что привело к переориентации государственно-правовой идеологии сибирской государственности на либерально-демократический вектор. Надо отметить, что участие в организации и развитии кооперативного движения, а также изучение этого движения в научной плоскости стали вторым важным шагом ученого на пути к принятию солидаризма как идеологии, способной в своем содержании создать гармонию либеральных и социалистических идей.

Попытки реализации идей солидаризма

В ноябре 1918 г. Г. К. Гинс поддержал государственный переворот в Омске под руководством адмирала А. В. Колчака и позже вошел в состав Российского правительства. В августе 1919 г. он стал Главноуправляющим делами Российского правительства, сменив на этом посту другого крупного ученого — юриста Г. Г. Тельберга.

Становление государственно-правовых воззрений Г. К. Гинса в годы Гражданской войны было весьма непростым. Сначала он поддерживал правосоциалистический режим (Западно-Сибирский комиссариат и Временное Сибирское правительство), потом вошел в состав коалиционных сил (Временное Всероссийское правительство), затем перешел на сторону либерально-демократического правительства (Российское правительство). Становится понятным стремление юриста способствовать трансформации антибольшевистской правовой политики в некий центристский вариант, или, проще говоря, построить ее на идеях, близких

к солидаризму. Однако, не имея сторонников в достижении этой цели, он не мог существенным образом повлиять на происходившие процессы, главными игроками в которых были представители правосоциалистического и либерально-демократического лагеря.

В годы Гражданской войны Г. К. Гинс последовательно изучал правовую природу солидаризма и последовательно раскрывал его идеи, создавая основу для дальнейших научных трудов. В них будут рассмотрены наиболее актуальные вопросы того времени: будь то организация власти с привлечением общественных представителей, развитие кооперативного движения или институциональное перестроение ряда отраслей права.

В 1918 г. он публикует интересную работу «Продовольственное законодательство (организация народного хозяйства во время войны)», в которой обращается к острой социальной проблеме того времени — распределению продукции между населением в условиях сильно подорванного войной экономического базиса²⁰. В этой работе ученый проанализировал формирование и воплощение в жизнь продовольственной политики Временного Сибирского правительства. Ученый писал, что система, созданная Временным Сибирским правительством, «представляет искусственное смешение начал свободной торговли с государственным вмешательством. <...> Быть может, многие дефекты продовольственных законов Сибирского Правительства будут исправлены простым толкованием в форме инструкций»²¹. По мнению юриста, продовольственное законодательство сибирской государственности в целом было весьма успешным, что подтверждало возможность его заимствования (или распространения) на другие антибольшевистские территории.

В этой работе Г. К. Гинс пришел к ряду значимых выводов. С одной стороны, военное положение сделало возможными проведение мероприятий по совершенствованию государственного регулирования в сфере продовольственной политики, увеличение роли кооперации и частной инициативы в деле восстановления экономики. Ученый пояснял: «Пережитый опыт должен вызвать особое

¹⁹ Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 — 1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 66.

²⁰ Гинс Г. К. Продовольственное законодательство (организация народного хозяйства во время войны). Омск, 1918.

²¹ Гинс Г. К. Продовольственное законодательство. С. 3–4.

внимание: он может послужить руководящей базой для практической политики ближайшего времени, но он дает материал и для более глубоких выводов»²².

С другой стороны, Г. К. Гинс отмечал, что Гражданская война способствовала ускоренному развитию отраслей публично-правового блока, подавив при этом эволюцию отраслей частноправового характера, что негативно сказалось на многих сферах хозяйственной деятельности. Это же время создало благоприятную почву для должностных преступлений, злоупотреблений властью, социального неравенства и ухудшения условий жизни населения. Обратимся к самому ученому: «Публичное право приучает массы надеяться на государство и доверять свои интересы “начальству” и атрофирует хозяйственную инициативу, плоды которой могут достаться другим»²³.

Рассуждая о продовольственном законодательстве Временного Сибирского правительства, Г. К. Гинс сделал акцент на особой важности точного следования установленным нормам. Тяжелые условия военного времени не позволяли отступления от принятых правительственных программ и планов при проведении продовольственной политики. Органы центральной власти и на местном уровне должны были неукоснительно следовать установленному продовольственному законодательству. Поэтому ученый писал: «Соблюдение формы — это не что иное, как соблюдение закона, а это необходимо при всяком строе»²⁴. Успех продовольственной программы Временного Сибирского правительства он видел не только в довольно развитом продовольственном законодательстве, но и в его эффективной реализации на местном уровне.

В труде «Продовольственное законодательство (организация народного хозяйства во время войны)» Г. К. Гинс более открыто высказал приверженность идеям солидаризма. Он опровергал доводы правых социалистов о необходимости серьезного увеличения государственного регулирования экономики и не принимал аргументы более левых социалистов о

национализации или об огосударствлении всех средств производства. Признавал непригодной либеральную политику, оставляющую неприкосновенной сферу частного предпринимательства, при которой власть не интересуется положением малообеспеченных слоев населения и не способна выстраивать планы долгосрочного развития страны.

С установлением власти Российского правительства (Верховный правитель адмирал А. В. Колчак и Совет министров) появились определенные надежды на возможность интеграции идей солидаризма в новую правовую модель Российского государства путем учреждения высшего представительного (законодательного) органа власти, построенного на широких выборных началах. Предложенный Г. К. Гинсом проект учреждения «Государственного совещания» во многом строился на принципе компромисса, являющегося фундаментом образующим в идеологии солидаризма. «Легитимность, как залог долгожительности и устойчивости политического режима, по мнению Г. К. Гинса, гарантировало только создание законосовещательного учреждения, способного сделать возможным деловое сотрудничество населения и оппозиции с властью. Данный проект реформирования системы власти стал своего рода компромиссом между предложениями правых и левых политических сил региона. Он исключал две крайности — неограниченную диктатуру и парламентаризм»²⁵. Однако грамота Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака «О созыве Государственного земского совещания» была издана только 16 сентября 1919 г.²⁶, т.е. в условиях нарастающего кризиса власти Российского правительства.

На протяжении 1918–1919 гг. Г. К. Гинс предпринимал безуспешные попытки интегрировать отдельные концептуальные основы солидаризма в антибольшевистскую правовую модель, реализуемую Российским правительством. К таким попыткам относился проект земельной реформы, которая, по сути, предполагала ликвидацию крупного землевладения с превращением всех землевладельцев

²² Гинс Г. К. Продовольственное законодательство. С. 3–4.

²³ Гинс Г. К. Продовольственное законодательство. С. 2.

²⁴ Гинс Г. К. Продовольственное законодательство. С. 51–52.

²⁵ Васильева Е. В. По пути демократизации: проект кадета Г. К. Гинса по реформированию системы власти в Сибири в правление А. В. Колчака // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 30.

²⁶ См.: Грамота Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака от 16.09.1919 «О созыве Государственного земского совещания» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р176. Оп. 4. Д. 7. Л. 42.

(помещиков и крестьян) в собственников фермерских хозяйств. Компенсация за отчуждение части помещичьих земель возлагалась на государство (земельный сбор). Продовольственная политика стала единственной относительно успешной практикой по интеграции идей солидаризма.

Развитие солидаристского учения в эмиграции

Крах Российского правительства в январе 1920 г. вынудил Г. К. Гинса, как и многих других деятелей, эмигрировать из страны. Ученый переехал в Харбин.

С 1920 по 1937 г. Г. К. Гинс состоял экстраординарным профессором по кафедре римского права и торгового права Харбинского юридического факультета, на котором читал курсы лекций по римскому праву, общей теории права, гражданскому и торговому праву. Признанием его научного авторитета стало избрание в 1932 г. членом Харбинской академической группы.

В годы жизни в Харбине Г. К. Гинс увлекся особенностями функционирования восточных правовых систем, в частности изучал китайское, монгольское, японское право. «Достаточно плодотворным было сотрудничество Г. К. Гинса с китайскими юристами. Совместно с Ван Цзэн-жунем, Ли Шаогеном и другими специалистами он опубликовал ряд научно-популярных работ. Под его руководством или при непосредственном участии были изданы журнал «Вестник китайского права» и «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го». Десятки статей им были опубликованы в журналах «Известия юридического факультета», «Вестник Маньчжурии», «Рубеж», «Русское обозрение» и других периодических изданиях, в которых получила отражение специфика развития Дальневосточного

региона»²⁷. В рамках исследования восточных правовых систем Г. К. Гинсом был написан ряд небольших работ²⁸.

В эмиграции Г. К. Гинс не ограничивался только преподаванием, он также работал в местных организациях и принимал активное участие в органах местной власти. «С января 1921 г. по май 1926 г. Г. К. Гинс служил на КВЖД в должностях начальника канцелярии Правления дороги, главного контролера, одновременно являясь председателем Комитета образовательных учреждений железной дороги. С 1923 г. и вплоть до преобразования Харбинского муниципалитета он был уполномоченным Харбинского общественного управления, председателем собрания уполномоченных и председателем комиссии по составлению положений и наказов»²⁹.

В сфере научных интересов Г. К. Гинса до начала Гражданской войны было изучение проблем водного права и продовольственного законодательства. Первоначально подобный интерес был связан со служебной деятельностью молодого ученого, затем водное право стало бессменной темой его научных исследований. Г. К. Гинс занимался изучением вопросов водного права и в годы эмиграции. В рамках этой тематики в 1926–1928 гг. им было написано несколько больших монографий. Прежде всего, это двухтомный труд «Право на предметы общего пользования», в котором он проследил исторический путь развития водного права от Древнего Рима до современности, изучил теоретические вопросы права на предметы общего пользования, а также проанализировал состояние водного законодательства в Германии, Франции и России³⁰.

Итогом научно-исследовательской деятельности в области водного права стало издание в 1928 г. труда «Водное право и предметы общепользования»³¹.

²⁷ Хафизов Э. Д. Русский юридический факультет в «Харбинском» зарубежье: юридическое образование и правовое просвещение // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 62–63.

²⁸ См.: Гинс Г. К. Индустриализованная Япония. Харбин, 1925; *Он же*. Этические проблемы современного Китая. Харбин: Рус.-Маньчжурская книготорговля, 1927; *Он же*. Очерки торгового права Китая. Вып. 1: Торговые товарищества. Харбин: Русско-Маньчжурская книготорговля, 1930; *Он же*. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932; *Он же*. Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-ди-го. Харбин: Русско-маньчжурская книготорговля, 1938. Т. 1.

²⁹ Хисамутдинов А. А. Указ. соч. С. 437–452.

³⁰ См.: Гинс Г. К. Право на предметы общего пользования: в 2 ч. Харбин: Тип. «Заря», 1926. Ч. I: Основы водного права; *Он же*. Право на предметы общего пользования: в 2 ч. Харбин: Тип. «Русско-Маньчжурская книготорговля», 1928. Ч. II: Современное водное право.

³¹ См.: Гинс Г. К. Водное право и предметы общепользования. Харбин, 1928.

В 1930-е гг. Г. К. Гинс издает целый ряд монографий, в которых идеи солидаризма сопоставляет с вопросами права, политики, экономики и культуры³².

В последние годы проживания в Харбине Г. К. Гинс завершает один из важнейших трудов своей жизни под названием «Предприниматель» (1940 г.)³³. Следует отметить, что данный труд он написал в соавторстве с харбинским сахаропромышленником и общественным деятелем Л. Г. Цыкманом. Важность этой совместной работы, по словам самого ученого, состояла в следующем: «Общность нашего мировоззрения в области народно-хозяйственных задач и сочувственное понимание им моих учений о солидаризме сделали наше сотрудничество приятным и плодотворным. Теория соединилась с практикой»³⁴.

Во взглядах на экономику солидаристского государства Г. К. Гинс придерживался идей, выдвинутых еще основателями солидаризма. Например, Л. Буржуа в своей работе «Солидарность» (1896 г.) указывал: «Государство, смысл существования которого — в установлении справедливости между людьми, имеет, соответственно, право и, как следствие, обязанность вмешиваться для установления равновесия. Поскольку человеческий эгоизм может быть побежден только благодаря применению власти, оно [государство] должно учредить справедливые правила и таким образом обеспечить каждому его законную долю в труде и продуктах труда»³⁵.

Несомненной заслугой Г. К. Гинса стало то, что он развивает солидаристский взгляд на связь государства и экономики, обосновывает их взаимодействие в сфере хозяйствования и предпринимательства, создает правовые формулы для их гармоничного сочетания (концепция координационного права). В частности, в труде «Предприниматель» Г. К. Гинс проанализировал все известные на тот период типы участия государства в народном хозяйстве и

сгруппировал их в две системы. Различие этих систем состояло в том, что «в одном случае государство предписывает, что надо делать, в другом — оно указывает, чего нельзя делать»³⁶. Первая система участия государства в народном хозяйстве рано или поздно заводит экономику в тупик. Поэтому с позиций солидаристского учения только вторая система заслуживала внимания. Он выдвигал идею о необходимости создания баланса между государственным регулированием экономики и частным предпринимательством.

Обратимся к трудам ученого. Он пояснял: «Никаких возражений не может быть против контроля над торговлей с точки зрения соблюдения добросовестности в отношении качества... Вполне целесообразны меры, вносящие некоторые коррективы в распределение богатств. <...> Что касается вопросов регулирования отношений труда и капитала, то здесь вмешательство государства не должно выражаться в предписании определенных норм вознаграждения и других условий работы»³⁷.

Следует сказать, что Г. К. Гинс, будучи ученым-юристом, не мог полно и глубоко осмыслить и изложить теорию солидаристского экономического учения. Этими вопросами занимался А. Д. Билимович (1876–1963 гг.) — другой видный российский эмигрант, в 1919 г. возглавлявший управление земледелия и землеустройства при Особом совещании при главкоме А. И. Деникине.

Заслуга Билимовича состоит в разработке в период эмиграции общей экономической программы для постбольшевистской России «Экономический строй освобожденной России» (1960 г.). Концептуальными основами стали: «1) с одной стороны, упор против коммунизма и тотального социализма с их мертвящим удущением личной свободы и инициативы, самовластием тоталитарных планирующих органов и культом классовой борьбы вместо социальной солидарности, 2) с другой стороны, упор

³² См.: Гинс Г. К. Право и сила: Очерки по теории права и политики. Харбин, 1929; Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. Харбин, 1931. Вып. 1; Он же. Новые идеи в праве и основные проблемы современности. Харбин, 1932. Вып. 2; Он же. Учение о праве и политическая экономия. Харбин: Худож. тип. «Заря», 1933; Он же. Право и культура: Процессы формирования и развития права. Харбин, 1938.

³³ Гинс Г. К., Цыкман Л. Г. Предприниматель. М.: Посев, 1992.

³⁴ Гинс Г. К. Предприниматель. С. 8.

³⁵ Буржуа Л. Солидарность // Солидаризм во Франции в период Третьей республики. С. 28–29.

³⁶ Гинс Г. К. Предприниматель. С. 184.

³⁷ Гинс Г. К. Предприниматель. С. 185–186.

против ничем не ограниченной свободы частной хозяйственной деятельности, допускающей злоупотребления этой свободой, создающей накопление экономических и социальных неравенств, рождающей угрозу рецидивов социальных потрясений»³⁸. Труды А. Д. Билимовича существенным образом дополняют основы теории солидаристской экономики, гармонично сочетаясь с правовыми идеями Г. К. Гинса.

В 1937 г. началась японо-китайская война, а вскоре и Вторая мировая, что вынудило Г. К. Гинса в июне 1941 г. уехать в Соединенные Штаты Америки (здесь уже проживали его сыновья). Но не только эти события заставили ученого покинуть Китай. Вести научную деятельность в Китае становилось затруднительно, поскольку традиционный уклад жизни восточного общества, невосприятие этим обществом европейской культуры делали бесперспективными любые попытки перевода солидаристского учения в практическую плоскость.

Попытки юридикации солидаризма

В США Г. К. Гинс, будучи весьма деятельным человеком, сразу активно включился в общественную жизнь русской диаспоры. Ученый начал выступать с публичными лекциями на различные, но близкие ему темы.

«Откликаясь на каждое политическое событие, Г. К. Гинс проявил себя незаурядным аналитиком, умеющим сопоставлять факты, делать четкий анализ события и давать прогнозы. В этот период Гинс продолжал активно работать и как журналист. С 1942 по 1944 г. он был редактором сан-францисской газеты «Русская жизнь» и опубликовал немало статей в нью-йоркской газете «Новое русское слово»³⁹. Ученый публиковал научно-аналитические статьи и в специальных изданиях. Они были посвящены русской истории и отдельным вопросам восточных правовых систем (в основном Китаю).

В послевоенный период (1945–1954 гг.) Г. К. Гинс в качестве профессора преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, Вер-

монт-колледже, Институте иностранных языков в Монтерее. Он читал курсы по советскому праву и истории русской мысли.

В период пребывания в США Г. К. Гинс несколько отошел от изучения хозяйственно-экономических и предпринимательских сфер солидаризма, сосредоточившись на восприятии этой идеологией государственно-правовых категорий. Так, в 1949 г. Г. К. Гинс публикует работу «Настоящее и будущее солидаризма», где описывает основы солидаристского государства и его правовые ценности. Здесь автор продолжил поиск более приемлемого правового фундамента для солидаризма. Указывая, что все тоталитарные системы пользуются правом публичным, или правом субординации, как орудием господства и подавления права частного и права свободы, правовед подчеркнул, что в противовес этой системе необходимо развивать систему права координации (регулятивное право). Тем самым он выделил еще один блок, в который можно было бы свести ряд отраслей комплексного характера.

Начала «новой системы», по его мнению, уже давно существовали в административном праве. Значимость этой отрасли права Г. К. Гинс описывает следующим образом: «В этом праве заложены основы правовой системы солидаризма. Оно обычно не навязывает людям каких-либо норм, а только приходит на помощь в случае нарушения общих интересов»⁴⁰. С учетом сказанного можно констатировать, что административное право в воззрениях Г. К. Гинса стало пониматься как прообраз «сервисного права», обслуживающего интересы личности и всего гражданского общества в целом. В восприятии российского ученого административное право должно было эволюционировать в «хозяйственно-административное право». Отметим, что сервисная концепция административного права в России стала развиваться только в последнее десятилетие⁴¹. Суть такой концепции заключается в том, что «государству должна быть отведена функция своеобразного «сервисного центра» по обслуживанию интересов человека и гражданина, а административ-

³⁸ Билимович А. Д. Экономический строй освобожденной России. М.: Наука, 2006. С. 112.

³⁹ Хисамутдинов А. А. Указ. соч. С. 437–452.

⁴⁰ Гинс Г. К. Настоящее и будущее солидаризма. С. 99.

⁴¹ См.: Воронов А. М., Гоголев А. М. К предмету административного права современной России // Финансы: теория и практика. 2017. № 1. С. 125–130; Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 4. С. 626–654.

ному праву — функция юридического обеспечения такой деятельности»⁴².

Сервисное право, предложенное Г. К. Гинсом, с правом координации роднит то, что многие нормы права координации обычно осуществляются только тогда, когда об этом просят заинтересованные лица или группы лиц. В его воззрениях государство также приобретает характер обслуживающего частные интересы, сходный с сервисной функцией. Ученый заявлял: «Государство перестает быть только политической силой. Оно определенно ставит своей задачей содействовать производительным силам страны и согласовывать интересы предпринимателей, рабочих и потребителей»⁴³. Различным правилам и стандартам, т.е. техническо-юридическим нормам, Г. К. Гинс явно отводил более важное место, чем законам. Это еще раз показывает, насколько взгляды русского ученого были близки к пониманию современной источниковой базы административного права, во многом состоящей из различных СНиПов, ГОСТов, СанПинов, ТУ и др.

Через продвижение административного права российский ученый намеревался осуществить юридизацию солидаризма, интегрировать его идеи в нормативный базис и систему права. Однако при жизни ученого этого сделать не удалось. Только спустя многие десятилетия стало очевидным, что восприятие Г. К. Гинсом роли административного права в регулировании общественных отношений отчасти напоминает сегодняшнюю «сервисную» концепцию.

Как было сказано ранее, некоторые ученые считают, что солидаризм в начале XX в. фактически являлся государственно-правовой идеологией Третьей Французской республики. Но если обратиться к самому Г. К. Гинсу, то можно обнаружить, что он был не согласен с этим. В работе «Настоящее и будущее солидаризма» российский юрист подчеркнул, что, во-первых, французским ученым не удалось создать сколько-нибудь разработанной социально-экономической доктрины, а во-вторых, солидаризм как государственно-правовая идеология так и не был воплощен ни в одной стране, хотя о нем и

любили говорить итальянские фашисты и французские социологи и экономисты⁴⁴.

Значимой теоретико-правовой работой Г. К. Гинса в области солидаризма также стала статья «Руководящая идея нашего века», опубликованная в журнале «Мысль» (издательство «Посев») в 1953 г. В этой работе Г. К. Гинс отмечал, что солидаризм — это продукт передовой, более высокой, чем индивидуализм, этики, но в то же время солидаризм свободен от принудительности, которая грозит человеку в условиях социализма. Поэтому он подчеркивал: «Едва ли можно найти другую руководящую идею для правовой системы будущего, которая, не устраняя и подавляя личного начала, в то же время не препятствовала бы укреплению социальных принципов и корпоративной организации общества»⁴⁵.

В этой же работе автор сопоставил идеи юриста Леона Буржуа (1851–1925 гг.), социолога Селестена Бугле (1870–1940 гг.) и экономиста Шарля Жида (1847–1932 гг.). А сравнив, сделал вывод, что «построение теории солидаризма, предпринятое иностранцами-теоретиками, представляет собой еще невыполнимое задание. Предложен удачный термин, дано общее направление, но законченного и обоснованного учения не создано»⁴⁶. Нельзя не отметить, что такое заключение в отношении солидаристского учения российский юрист сделал в начале пятидесятих годов прошлого века, ознаменовавшегося целым рядом важнейших мировых событий. Это говорит о том, что ни одно из них не открыло дорогу для глубокой интеграции солидаризма в государственно-правовую и экономическую сферы.

В рамках солидаристского учения о праве и государстве Г. К. Гинс активно развивал концепцию координационного (регулятивного) права. В частности, он писал: «Право, которым будет скрепляться система солидаризма, можно назвать координирующим (согласительным, или регулятивным) правом, а хозяйство — солидаризованным, или координированным, хозяйством»⁴⁷. По мнению ученого, координационное право располагается между публичным и част-

⁴² Воронов А. М., Гоголев А. М. Указ. соч. С. 126.

⁴³ Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века // Портрет солидаризма. С. 93.

⁴⁴ См.: Гинс Г. К. Настоящее и будущее солидаризма. С. 98.

⁴⁵ Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века. С. 87.

⁴⁶ Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века. С. 85.

⁴⁷ Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века. С. 88.

ным правом, занимая центральное место в регулировании общественных отношений, согласуя интересы государственные и гражданские. Основы публичного, частного и координационного права он привязал к конкретным интересам и экономико-хозяйственному базису, представив следующую взаимосвязанную цепь:

— «частные интересы — индивидуализм — частное право — децентрализованное (свободное) хозяйство»;

— «солидарность — солидаризм — координирующее право — координированное, или солидаризованное, хозяйство»;

— «публичные интересы — универсализм — публичное право — централизованное (плановое) хозяйство»⁴⁸.

В работе «Руководящая идея нашего века» Г. К. Гинс также дал развернутое описание координационного права, отметив, что «координационное право, отличаясь от права публичного, поддерживает уважение к частным правам и становится оплотом против опасных тенденций централизации и социализации хозяйства. Как в организации хозяйства, так и во взаимоотношениях отдельных групп общества принудительное начало должно быть применимо, как уже сказано, только в крайних случаях»⁴⁹.

Координационное право в учении Г. К. Гинса составляет основу солидаристского правопорядка. Такой правопорядок, в свою очередь, формирует солидаристский режим функционирования общества. «Именно “конвергационное взаимодействие” внутреннего (правовой интуиции) и внешнего (позитивного) права, основанное на гармонизации публичного и частного права, влечет формирование особого регулятивного права, которое в единстве с этическими, правовыми и психологическими мотивами должно выступить фундаментом для построения “нового права” и научно-практической разработки общегосударственной политики права»⁵⁰.

Фактически российский ученый последовательно развивает правовую мысль Л. Буржуа, который заявлял: «Формула, которая будет найдена для общественных отношений, должна

будет учитывать природу и задачу человеческого общества, условия, на которых каждый член входит в него, совместные преимущества, которыми он имеет возможность пользоваться, и совместные обязанности, которые на него ложатся; другими словами, она должна будет разобраться, что каждый дает и что берет, подсчитать, что он должен и что имеет, с тем чтобы вывести из этого баланс его прав и обязанностей»⁵¹. Проще говоря, концепция координационного (регулятивного) права, выдвинутая Г. К. Гинсом в рамках солидаристского учения, как раз и есть та самая гипотетическая мысль Л. Буржуа о «новой формуле общественных отношений». Концепция координационного (регулятивного) права являлась довольно оригинальным нововведением не только для солидаристского учения, но и для общей теории права в целом.

После завершения педагогической карьеры в США Г. К. Гинс начал активно заниматься общественной жизнью, хотя и публицистическую деятельность не забросил. В 1955–1964 гг., несмотря на преклонный возраст, он участвовал в работе радиостанции «Голос Америки», печатался в крупных эмигрантских журналах, таких как «Посев» и «Наши дни». Он также входил в состав правления Кулаевского образовательного фонда.

В 1964 г. в журнале «Наши дни» Г. К. Гинс публикует очередную статью, посвященную солидаризму, — «Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма)». В этом труде он расширил определение солидаризма, обозначив его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами»⁵². Г. К. Гинс еще раз подчеркнул суть солидаристского учения, отметив, что «солидаризм не дает государству права регулировать хозяйство, не превращает хозяев в чиновников государства, не уничтожает соб-

⁴⁸ См.: Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века. С. 90.

⁴⁹ Гинс Г. К. Руководящая идея нашего века. С. 91.

⁵⁰ Емельянов В. М. Указ. соч. С. 15.

⁵¹ Буржуа Л. Указ. соч. С. 52.

⁵² Гинс Г. К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди. С. 118.

ственности и конкуренции»⁵³. Таким образом, солидаризм вовсе не отрицает необходимость участия государства в экономической и хозяйственной жизни страны. Солидаризм признает ограничение этого участия рамками социально значимых вопросов для улучшения качества и уровня жизни определенных социальных групп и развития экономики в целом.

В попытках реализовать солидаристское учение о праве и государстве через концепцию координационного права Г. К. Гинс внес важный вклад в выработку нового типа правопонимания. В частности, В. М. Емельянов указывает, что «Г. К. Гинс формирует предпосылки для интегративного типа правопонимания, обосновывая динамический характер права, где интуитивное право влияет на развитие правовых идей, теорий, юридической техники и законодательства в целом»⁵⁴.

Можно добавить, что Г. К. Гинс прямо следовал «завету» французского солидариста С. Бугле, который писал: «Пусть доктрина перестанет, наконец, как бы сопротивляясь и нехотя, догонять новшества, навязанные практикой, пусть она лучше готовит их, склоняясь не только над неизменными текстами, но и над человеческим будущим»⁵⁵. Российский ученый стремился к тому, чтобы правовая доктрина солидаризма демонстрировала одновременно необходимость и возможность адаптации юридической практики и нового законодательства к новым общественным условиям. Именно в этом контексте обращение к административному праву стало важным шагом в эволюции правовых воззрений Г. К. Гинса. Он смог обнаружить ресурсы отрасли административного права, которые могли бы подтолкнуть к практической реализации солидаристского учения.

До конца дней Г. К. Гинс занимался изучением различных вопросов юридической науки. Его последней крупной работой стала монография «Советское право и советское общество», опубликованная в 1954 г. Однако, по словам современного исследователя А. А. Хисамутдинова, самую большую работу, «Россия как многонациональная империя» (The History of Russia

as a Multinational Empire), над которой Г. К. Гинс трудился последние пять-шесть лет, он так и не смог закончить⁵⁶.

Последней работой ученого в области юридической науки стала статья «Коммунизм и капитализм в зеркале права»⁵⁷.

Умер Г. К. Гинс в возрасте 84 лет 24 сентября 1971 г. в Калифорнии, оставив огромное научное наследие.

Заключение

Кризис власти Временного правительства, а позже и крах антибольшевистских режимов в период Гражданской войны заставили Г. К. Гинса пересмотреть свои взгляды на либеральную демократию и отказаться от нее в пользу солидаризма.

Эмиграция плодотворно сказалась на научной деятельности Г. К. Гинса. В этот период Г. К. Гинс существенным образом расширил солидаристское политико-правовое учение. Он окончательно сформулировал те идеи, к реализации которых стремился в общественно-политической и государственной деятельности в период Гражданской войны в России.

До конца дней Г. К. Гинс активно публиковался в различных газетах и научных журналах, издавал крупные монографии. Во всех работах ученый сопоставлял идеи солидаризма с вопросами права, политики и экономики. Как справедливо указывают современные юристы, работы Г. К. Гинса отличаются комплексностью и фундаментальностью формулируемых гипотез, масштабностью и междисциплинарностью⁵⁸. Именно междисциплинарный подход позволил российскому ученому приблизиться к актуальной для наших дней «сервисной» концепции административного права.

В годы эмиграции Г. К. Гинс формулирует концепцию координирующего (или регулятивного) права, которое, по его мнению, занимает срединное место между правом частным и публичным. Как считал ученый, координирующее право преследует цель согласования интересов

⁵³ Гинс Г. К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма). С. 117.

⁵⁴ Емельянов В. М. Указ. соч. С. 11.

⁵⁵ Бугле С. Указ. соч. С. 134.

⁵⁶ См.: Хисамутдинов А. А. Указ. соч. С. 437–452.

⁵⁷ Гинс Г. К. Коммунизм и капитализм в зеркале права // Записки академической группы в США. Нью-Йорк, 1971. Т. 5. С. 241.

⁵⁸ См.: Емельянов В. М. Указ. соч. С. 14–15.

государственных с интересами отдельных физических и юридических лиц.

В итоге своих научных изысканий Г. К. Гинс выделил следующие концептуальные особенности солидаристского учения права и государства:

— в философии на первый план выдвигаются этические начала и духовная культура;

— правовая система концентрируется на развитии комплексных (административное) и смежных (трудовое) отраслей права;

— теория отвечает исконному и естественному предрасположению человека к сотрудничеству и солидарности;

— требование к власти о создании специальных органов по регулированию хозяйственной деятельности и взаимоотношений предпринимателей и рабочих, их объединений;

— государству придается роль органа активного содействия хозяйственному благополучию страны (государство — «сервисный центр»).

Г. К. Гинс сделал достаточно много в юридикации идеологии солидаризма, приблизив его к полноценному учению о праве и государстве. Безусловно, российский ученый не мог в одиночку завершить формирование солидаристского государственно-правового учения, но он

существенным образом дополнил доктрину путем формулирования новых юридических категорий и принципов, расширения понятийного аппарата, раскрытия политико-правовых целей солидаризма и т.д. Можно утверждать, что Г. К. Гинс во многом способствовал оформлению юридической части солидаризма как учения в полноценное учение о праве и государстве.

В целом вклад Г. К. Гинса в теорию права и государства достаточно велик. Так, в процессе развития солидаристского учения он определенным образом повлиял на формирование китайской правовой системы (история дальневосточного права, гражданское право, торговое право), раскрыл некоторые социально-психологические стороны познания права (нравственно-этическая направленность юридической деятельности, правообразование, генезис правовой культуры), изучил проблему противопоставления частных и публичных интересов в праве (собственность, предпринимательство, рыночная экономика) и т.д. Следует отметить и то, что Г. К. Гинс был одним из первых ученых, кто предпринял попытки конкретизации терминов международного торгового права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Билимович А. Д.* Экономический строй освобожденной России. М. : Наука, 2006. 229 с.
- Бугле С.* Солидаризм // Солидаризм во Франции в период Третьей республики : Л. Буржуа и С. Бугле : сборник переводов / ред.-сост. и автор вступ. ст. А. Б. Гофман ; пер. с фр. Е. Л. Ушкова. М., 2016. С. 75–215.
- Буржуа Л.* Солидарность // Солидаризм во Франции в период Третьей республики : Л. Буржуа и С. Бугле : сборник переводов / ред.-сост. и автор вступ. ст. А. Б. Гофман ; пер. с фр. Е. Л. Ушкова. М., 2016. С. 23–74.
- Васильева Е. В.* По пути демократизации: проект кадета Г. К. Гинса по реформированию системы власти в Сибири в правление А. В. Колчака // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 24–31.
- Воронов А. М., Гоголев А. М.* К предмету административного права современной России // Финансы: теория и практика. 2017. № 1. С. 125–130.
- Гинс Г. К.* Водное право и предметы общепользования. Харбин, 1928. 358 с.
- Гинс Г. К.* Карточная система (материалы) / сост. зав. отд. Г. К. Гинс ; Упр. делами Особого совещ. по продовольствию. Петроград : Екатерининская тип., 1916. 100 с.
- Гинс Г. К.* Настоящее и будущее солидаризма // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. М. : Посев, 2007. С. 98–100.
- Гинс Г. К.* Основные начала проекта водного закона для Туркестана (с приложением проекта в редакции Междуведомственной комиссии). СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1912. 76 с.
- Гинс Г. К., Цыкман Л. Г.* Предприниматель. М. : Посев, 1992. 222 с.
- Гинс Г. К.* Продовольственное законодательство (организация народного хозяйства во время войны). Омск, 1918. 63 с.
- Гинс Г. К.* Руководящая идея нашего века // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. М. : Посев, 2007. С. 79–97.
- Гинс Г. К.* Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди / сост. В. А. Сендеров. М. : Посев, 2007. С. 101–118.

- Гинс Г. К. Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права). Петроград : Сенат. тип., 1917. 29 с.
- Емельянов В. М. Культурно-антропологическая концепция права Г. К. Гинса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 29 с.
- Окара А. Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. // Политическая наука. 2013. № 4. С. 146–155.
- Окара А. Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Идеология и философия солидаризма : материалы научного семинара. Вып. № 9. М. : Научный эксперт, 2010. С. 7–41.
- Попкова Т. В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // Новые исследования Тувы. 2013. № 1 (17). С. 39–48.
- Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 — 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
- Хафизов Э. Д. Русский юридический факультет в «Харбинском» зарубежье: юридическое образование и правовое просвещение // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 60–65.
- Хисамутдинов А. А. «Нелегко начинать жизнь сначала...»: Георгий Константинович Гинс // Записки Русской академической группы в США. Т. 30. Нью-Йорк, 1999–2000. С. 437–452.

REFERENCES

- Bilimovich AD. *The economic system of liberated Russia*. Moscow: Nauka Publ.; 2006. (In Russ.).
- Bourgeois L. Solidarity. In: Hoffman B, editor. *Solidarism in France during the Third Republic: Leon Bourgeois and Celestin Bugle*. A collection of translated papers. Transl. from Fr. by E. L. Ushkova. Moscow; 2016. Pp. 23–74. (In Russ.).
- Bugle S. Solidarism. In: Hoffman B, editor. *Solidarism in France during the Third Republic: Leon Bourgeois and Celestin Bugle*. A collection of translated papers. Transl. from Fr. by E. L. Ushkova. Moscow; 2016. Pp. 75–215. (In Russ.).
- Emelyanov VM. *Cultural and anthropological concept of law by G. K. Gins*. Cand. Sci. (Law) Thesis. The author's abstract. Moscow; 2020. (In Russ.).
- Gins GK, Tsykman LG. *Businessman*. Moscow: Posev Publ.; 1992. (In Russ.).
- Gins GK. *Food legislation: (organization of the national economy during the war)*. Omsk; 1918. (In Russ.).
- Gins GK. Modern capitalism and the coming era (philosophy of solidarism). In: Senderov VA, editor. *Portrait of solidarism. Ideas and people*. Moscow: Posev Publ.; 2007. Pp. 101–118. (In Russ.).
- Gins GK. *The card system: (materials)*. Compiled by Head of department K. Gins; Management of the affairs of the Special Council for food. Petrograd: Ekaterininskaya tip. Publ.; 1916. (In Russ.).
- Gins GK. The guiding idea of our century. In: Senderov VA, editor. *Portrait of solidarism. Ideas and people*. Moscow: Posev Publ.; 2007. Pp. 79–97. (In Russ.).
- Gins GK. *The main principles of the draft water law for Turkestan (with the appendix of the draft as amended by the Interdepartmental Commission)*. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina Publ.; 1912. (In Russ.).
- Gins GK. The present and the future of solidarism. In: Senderov VA, editor. *Portrait of solidarism. Ideas and people*. Moscow: Posev Publ.; 2007. Pp. 98–100. (In Russ.).
- Gins GK. *Water law and objects of general use*. Harbin; 1928. (In Russ.).
- Gins GK. *Ways to ensure obligations (from the point of view of history and the civil law system)*. Petrograd: Senat. tip. Publ.; 1917. (In Russ.).
- Hafizov ED. Russian Law Faculty in the «Harbin» abroad: Legal education and legal enlightenment. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016;3(45):60-65. (In Russ.).
- Khisamutdinov AA. «It's not easy to start life over again...»: Georgy Konstantinovich Gins. Notes of the Russian Academic Group in the USA. New York; 1999–2000. No. 30. Pp. 437–452. (In Russ.).
- Okara AN. Social solidarity as the basis of a new «peace-building» project. In: *Ideology and philosophy of solidarism*. Proceedings of the scientific workshop. Issue 9. Moscow: Nauchnyy ekspert Publ.; 2010. Pp. 7–41. (In Russ.).
- Okara AN. Solidarism: the forgotten ideology of the 21st century. *Politicheskaya nauka*. 2013;4:146-155. (In Russ.).
- Popkova TV. Solidarity and solidarism as a social and scientific problem. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2013;1(17):39-48. (In Russ.).

Rynkov VM. *The social policy of the anti-Bolshevik regimes in the East of Russia (the second half of 1918 — 1919)*. Novosibirsk; 2008. (In Russ.).

Vasilyeva EV. On the path of democratization: The project of Cadet G. K. Gins on reforming the system of power in Siberia during the reign of A.V. Kolchak. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019;9:24-31. (In Russ.).

Voronov AM, Gogolev AM. On the subject of administrative law in modern Russia. *Finansy: teoriya i praktika*. 2017;1:125-130. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайнутдинов Динар Рафаилович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний
д. 42, Московская ул., г. Казань 420111, Российская Федерация
knight_1988@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dinar R. Zaynutdinov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory and Law and State and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Head of the Legal Department of the Institute of Social Knowledge and the Humanities, Kazan, Russian Federation
knight_1988@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 26 мая 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 06.03.2024.

Revised 26.05.2024.

Accepted 15.06.2024.

А. В. Серегин

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Государственный университет управления
г. Москва, Российская Федерация

Древнерусская правовая цивилизация

Резюме. В отечественной юридической науке феномен древнерусской правовой цивилизации практически не исследован. Данный пробел обедняет историко-правовые знания об истоках российской государственности, берущей начало в эпоху раннего Средневековья. Для устранения концептуального вакуума в вопросах генезиса Киевской Руси в статье подробно изучаются особенности правовой культуры восточнославянской державы Рюриковичей. Правосознание древнерусского народа имело синкретическую структуру, сложившуюся в попытке синхронизировать языческие и христианские представления о законе и справедливости. Уникальность правовой жизни Киевской Руси состояла в длительном господстве частного интереса во всех отраслях права. Например, лестничная система престолонаследия органически выросла из представлений о коллективной собственности правящего рода не только на вотчинное (преимущественно земельное) имущество, но и на державную власть. Соотношение княжеских полномочий с вечевыми правами народа в разных древнерусских регионах приобрело специфические публично-правовые особенности: от абсолютного полновластия веча в Вятке до самодержавного правления во Владимир-Суздальском княжестве. В Киевской Руси ценили писанный закон, уважали международные договоры, обычаи и судебные решения, выбирали князей и составляли с ними политико-правовые договоры, строго определявшие права и обязанности; в качестве судебных доказательств продолжали использовать присягу, испытание железом и жребием, применяли судебный поединок; к осуществлению правосудия привлекались не только представители знати, но и свободные общинники. Древнерусские юридические ценности, идеалы и практика их реализации позволяют говорить о существовании отдельной древнерусской правовой цивилизации.

Ключевые слова: древнерусская правовая цивилизация; князь; вече; кровная месть; славянские обычаи; язычество; христианство; Средневековье; юридическая славистика

Для цитирования: Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 124–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.124-139

The Ancient Rus Legal Culture

Andrei V. Seregin

Plekhanov Russian University of Economics
State University of Management
Moscow, Russian Federation

Abstract. Russian legal science has not studied the phenomenon of the ancient Russian legal civilization much. This gap impoverishes historical and legal knowledge about the origins of Russian statehood, originating in the early Middle Ages. In order to eliminate the conceptual vacuum in the issues of the genesis of Kievan Rus, the author scrutinizes the features of the legal culture of the East Slavic state of Rurikovich. The legal consciousness of the ancient Russian people had a syncretic structure, formed in an attempt to synchronize pagan and Christian ideas about law and justice. The uniqueness of the legal life of Kievan Rus consisted in the long-term dominance of

private interest in all branches of law. For example, the traditional system of succession to the throne organically grew out of the ideas of collective ownership of the ruling family not only for patrimonial (mainly land) property, but also for sovereign power. The correlation of princely powers with the veche rights of the people in different ancient Russian regions has acquired specific public law features: from the absolute sovereignty of the Veche in Vyatka to autocratic rule in the Vladimir-Suzdal Principality. In Kievan Rus, they valued the written law, respected international treaties, customs and judicial decisions. They would chose princes and drew up political and legal agreements with them that strictly defined rights and duties. As judicial evidence, they continued to use the oath, trial by iron and lot, used judicial duel; not only representatives of the nobility were involved in the administration of justice, but also and free community members. Ancient Russian legal values, ideals and the practice of their implementation allow us to talk about the existence of a separate ancient Russian legal civilization.

Keywords: Ancient Rus legal civilization; prince; veche; blood feud; Slavic customs; paganism; Christianity; Middle Ages; legal Slavistics

Cite as: Seregin AV. The Ancient Rus Legal Culture. *Lex Russica*. 2024;77(7):124-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.124-139

Введение

Человечество в процессе исторического развития в разные временные периоды своего существования в рамках соответствующих территориальных границ являет интеллектуально-познающему миру различные типы цивилизаций, характеризующихся собственным культурным кодом¹, в основе которого заложены императивные нормы социального существования людей и трансцендентальные ценности духовно-нравственного самосовершенствования конкретного индивидуума, заключенные в праве и религии народа.

Следовательно, вполне логично вести речь о категории правовой цивилизации, не тождественной понятию «правовое государство», ибо «цивилизация, — по справедливому замечанию Г. В. Мальцева, — воплощает высшее право, естественный порядок и естественный закон, которые способны поднимать общество на высоту, близкую к идеалу»², относительно условий, соответствующих реалиям объективной действительности.

Истоки аксиологических ориентиров, составляющих фундамент морального и легального основания любого здорового общества, способного успешно преодолевать все трудности эволюционного перехода из одной политико-

правовой формы в другую, как правило, закладываются в точке его первоначального рождения, от которой веет и «седой стариной», и «младенчеством», и простотой организации ранней государственности, свойственной средневековой Державе Рюриковичей.

Актуальность исследования древнерусского юридического наследия с позиции цивилизационного подхода стимулируется тем, что в п. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229) Россия впервые в официальном нормативно-правовом документе определяет себя в качестве «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»³, объединенного с точки зрения ч. 2 ст. 67 Конституции Российской Федерации 1993 г. с изменениями 2020 г.⁴ в единый политический механизм не менее чем тысячу лет назад.

К сожалению, научное сообщество, изучая не одно столетие проблемы архаических и загадочных обществ Древнего Египта, Месопотамии, Хараппы, Доколумбовой Америки и первых государственных образований в долинах китайских рек Янцзы и Хуанхэ, по-прежнему

¹ См.: Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М. : Э, 2015. С. 14.

² Мальцев Г. В. Культурные традиции права : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 6.

³ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyчLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 04.03.2023).

⁴ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

уделяет незначительное внимание цивилизационному феномену древнеславянских народов⁵.

С точки зрения юридической славистики⁶ особое место в политико-правовых судьбах славянского племени занимает Древнерусская держава и ее правовая система, являющаяся «материнской» основой для последующего формирования Московской и Литовской Руси, Российской империи, РСФСР, Советского Союза, а также современных независимых государств — Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины.

Наряду с городской культурой, цивилизация всегда формирует легальные правила социального бытия, поэтому без развитого права нельзя говорить и об обществе, преодолевшем состояние первобытной дикости или воинствующего варварства.

Славяне уже в эпоху раннего Средневековья на страницах западноевропейских хроник именовались «урбиями»⁷ — горожанами, а их страна называлась «Гардарика», т.е. «Городская»⁸. Многочисленные центры восточнославянской городской культуры, такие как Ладога, Ростов, Смоленск, Киев, Белозерск, Изборск, Полоцк, Муром, Любич, Чернигов, Старая Руса, Коростень и т.д., существовали задолго до призвания варягов в 862 г.⁹ Одержимость градостроительством замечена у всех славянских народов.

Вместе с тем сама по себе урбанизация как социально-экономическое и политическое явление не может раскрыть цивилизационных характеристик древнерусского права. Для решения данной задачи необходимо разобраться в содержании древнерусского правосознания, объясняющего следующие элементы юридической триады, а именно:

— культуру власти (отношения политического господства, подчинения и управления);

— культуру правотворчества, т.е. архаические источники и формы отечественного права;
— культуру правореализации («живое право»), воплощенное в правоприменении посредством правосудия.

Древнерусская культура власти

До принятия христианства в древнерусском правосознании господствовали языческие ценности и идеалы славянского народного мироощущения, которое, по мнению Ф. Ф. Зигеля, «придавало князю как жрецу религиозный авторитет, заставляло уважать домовладыку как лиц, вдохновляемых покойными предками, давало разумное объяснение мести частной (успокоение души убитого) и общественной. Другими словами, языческая религия освящала государственный и частный союз и поражала лиц, посягнувших на общественные устои»¹⁰.

Таким образом, вечевое правление органически выросло из родовых верований, по которым божественный сонм сварожичей (Сварог, Перун, Свентовит, Велес, Семарг, Яр, Хорс, Коляда и др.) выступал в качестве небесного братства, решающего вопросы на особых семейных советах.

Вече в качестве цивилизационного явления, качественно отличает древнерусскую правовую цивилизацию от институтов романо-германского мира, построенных на началах феодального элитаризма, не допускавшего к политической жизни представителей податного третьего сословия (ремесленников, купцов и крестьян).

Наличие многочисленного вольного населения, выступавшего в качестве субъектов публичной жизни на Руси, в сфере государственности

⁵ См.: Серегин А. В. Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 3–21.

⁶ См.: Черкасова М. А. Философское значение юридической славистики // *Философия права*. 2019. № 1 (88). С. 148–152.

⁷ См.: Баварский географ // URL: http://oldvostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text.htm (дата обращения: 02.12.2016).

⁸ См.: Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его Варяги. СПб. : Типография Гл. штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям, 1858. С. 113.

⁹ См.: Ступникова Н. Н. Формирование публично-правовых институтов в период становления государства Древней Руси : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 42.

¹⁰ Зигель Ф. Ф. Периодизация славянского права // *Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности*. СПб. : [б. и.], 1905. С. 12.

сформировало удивительные полиархические формы правления с развитыми механизмами общинного народоправства. Так, летописец Переславля Суздальского, описывая события 1176 г., констатирует, что испокон веков все власти на Руси на вече сходятся¹¹. В 1068 г. восставшие киевляне, недовольные политикой князя Изяслава, не сумевшего защитить их от половецкого вторжения и отказавшегося вооружить простых людей, возвели на киевский стол полоцкого князя Всеслава Брячиславича, прозванного Чародеем¹². В 1113 г. по воле веча киевским князем стал Владимир Мономах, призванный народом для прекращения в столице погромов и беспорядков, вызванных чрезмерными аппетитами иудейских ростовщиков.

Участниками вечевых сходов являлись как знатные люди, так и свободные общинники. Вероятнее всего, на вече присутствовали домовладыки, отцы семейств, что косвенно подтверждается вечевым ответом жителей «Матери городов русских» князю Изяславу Мстиславовичу о нежелании воевать с потомками Мономаха и безусловной готовности идти с оружием в руках на Ольговичей вместе с детьми своими¹³.

Вечевые решения принимались не большинством голосов, а единогласно; это правило в последующие эпохи было воспринято земскими соборами Московского царства и вальными сеймами Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского и Речи Посполитой.

Юридическая сила вечевых собраний зависела от правового положения князя в системе

управления древнерусских земель, существовавших в период удельной раздробленности (XII–XIV вв.). Например, при отсутствии княжеской власти в Вятке, Хлынове, Котельнице, Орлове¹⁴ вече выступало верховным органом государственного управления с неограниченной компетенцией, говоря современным языком, являлось верховным сувереном державного строя, который Н. И. Костомаров определял как «чистое народоправство»¹⁵. Славянская идея вечевого, т.е. коллективного, всенародного правления в лице «*Общевойскового круга*» или «*Черной рады*» наиболее близко была воспринята донским и запорожским казачеством; затем в несколько ограниченной форме она воплотилась в практике созыва и деятельности земских соборов XVI–XVII столетий; после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. вплоть до распада СССР в 1991 г. апофеозом народовластия считали неограниченную власть Советов; новая версия общегосударственного представительного органа нашла свое отражение в ст. 89.1 Конституции Республики Беларусь 1994 г. в ред. 2022 г., поставившей над всем механизмом государственной власти, включая Президента, Парламент и суды, новый орган — Всебелорусское народное собрание¹⁶.

В этой связи важно помнить, что в Полоцке (одном из древнейших городов современной Белоруссии) вплоть до 1498 г., когда в городе волей литовского господаря было введено *магдебургское право*¹⁷, вечевое собрание приглашало на правление и смещало князей, ведало

¹¹ См.: Летописец Переславля Суздальского // Полное собрание русских летописей. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / сост. С. Н. Кистерев, Б. М. Клосс, Л. А. Тимошина, И. А. Тихонюк. М.: Археографический центр, 1995. С. 104.

¹² См.: Повесть временных лет / подгот. текст, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Петретц; 2-е изд. подгот. М. Б. Свердлов; ред. изд-ва А. И. Строева; Худож. Л. А. Яценко. 2-е изд., испр., и доп. СПб.: Наука, 1996. С. 74.

¹³ См.: *Дьячан В.* Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава: Типография Носковского, 1882. С. 92.

¹⁴ См.: Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. М.: Академия наук СССР, 1982. С. 50; Сказание о Вятченех (Список котельнического купца Павла Петрова 1796 года) // ГАКО. Ф. 852. Оп. 2-й. Д. 59. Л. 18–20; Повесть о стране Вятской // URL: www.vstrana.ru/index.php (дата обращения: 27.11.2016).

¹⁵ *Костомаров Н. И.* Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятка). М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 172.

¹⁶ См.: Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 03.12.2023).

¹⁷ См.: *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев: Типо-литография высочайше утв. товарищества «И. Н. Кушнерев и Ко» в Москве, 1891. С. 67.

вопросами внешних сношений, заключало и расторгло международные торговые договоры, решало вопросы войны, мира и политического убежища¹⁸.

Полоцкий князь, именуемый в Латвийской хронике королем¹⁹, так же как и современные британские монархи, являлся символом государства без реальных властных полномочий. Ставка полоцкого князя располагалась за пределами города — в селении Бельчицы, где он квартировался вместе со своей дружиной. Вече приглашало князя на свои собрания, если считало это необходимым. Вследствие того, что полоцкие князья из династии Рогволодовичей держались особняком от остальных Рюриковичей, они не имели вотчин в других древнерусских землях, поэтому в экономическом плане данные государи полностью зависели от политики городской общины. Новгородский князь, ставший негодным вольному городу, мог спокойно отправиться в свой удел во Владимиро-Суздальской земле, как это неоднократно делал Александр Невский; полоцкий правитель фактически оставался политическим заложником вечевой власти²⁰.

Господин Великий Новгород после приобретения независимости от Киева в 1136 г. создал уникальную систему боярско-вечевого правления, в которой выбранный вечем князь действовал в рамках прав, запретов и ограничений, фактически древнерусских «сдержек и противовесов», закрепленных в особых договорных грамотах²¹.

Подходящую кандидатуру, достойную княжить в Новгороде, подбирало городское правительство — «оспода», состоявшее из назначенных вечем местных бояр и высших чиновников городской администрации: председательствующего владыки (архиепископа Софийского

собора), тысяцкого, посадника, «старых» (т.е. бывших) посадников и тысяцких, а также *кончанских* старост, избранных *кончанскими* (т.е. районными) вечами (около 50 человек).

Обычно новгородские договоры с князьями запрещали последним и их женам приобретать вотчины в пределах государства и раздавать их своим соратникам и приближенным; князь не мог судить без посадского, споры между купцами вообще изымались из княжеской юрисдикции; князю запрещалось ставить «белые слободы» («древнерусские офшоры», не облагаемые налогами) и места для сбора мыта (торговых пошлин); князь не мог торговать с иностранцами без посредничества новгородских купцов, не мог законодательствовать и решать вопросы войны и мира; он не имел права принимать *закладников* (зависимых крестьян), а также рассматривать жалобы холопов и горожан на «осподу».

«Осподу», состоявшую, по мнению историка Г. Лебедева, из 300 благородных боярских семей, вполне можно отождествлять с 300 оптиматами патрицианского сената Древнего Рима времен царей (753 г. до н. э. — 509 г. до н. э.) и республики (509 г. до н. э. — 27 г. до н. э.)²².

Князь в Новгороде был избираемым специалистом в военной сфере — таким «министром обороны» или «начальником генерального штаба», которому в мирное время доверяли вершить правосудие совместно с посадником²³; такой дуализм напоминал двоевластие *квиритских консулов*, пришедших на смену единоличной монархии *рексов*.

В непосредственном подчинении князя находилась его верная дружина, в противовес которой новгородский владыка командовал «*владычим полком*», а тысяцкий руководил городским ополчением.

¹⁸ См.: Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 67.

¹⁹ См.: Генрих Латвийский. Хроники Ливонии (1180–1227 гг.) // URL: drevlit.ru/texts/g/genrih_lat1.php (дата обращения: 30.01.2017).

²⁰ См.: Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. С. 67.

²¹ См.: Договорные грамоты великого князя Ярослава Ярославича с Великим Новгородом 1264–1270 гг. // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. М.: Госюриздат, 1953. С. 135–141; Договорная грамота Новгорода с Великим князем Тверским Александром Михайловичем, учиненная при посаднике Данииле: на каких условиях владеть Великому князю Новым-городом и принадлежащими к нему волостями 1327 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Типография Н. С. Всеволожского, 1813. С. 19–20.

²² См.: Лебедев Г. Накануне. Русь. X век. (ч. 2) // Знание — сила. 1988. № 7. С. 36.

²³ См.: Кочкина Л. М. Своеобразие княжеского суда в Новгороде // Право и государство: теория и практика. 2013. № 3 (99). С. 116.

Княжеские доходы строго регламентировались договорами и состояли из выплаты «дара» с новгородских волостей, не входивших в коренные владения города, судебных и проезжих пошлин, а также налогов за пользование сенокосами и угодьями для рыбной ловли и охоты, что напоминает цивильный лист на содержание современных конституционных монархов Западной Европы (Великобритании, Испании, Нидерландов, Бельгии, Норвегии, Швеции, Дании и др.).

В землях Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств первоначально утвердилась лестничная система престолонаследия, имеющая глубокие корни в родоплеменных обычаях славянских народов, которые предусматривают возможность раздела общего имущества поровну, включая и власть, между ближайшими родственниками мужского пола умершего правителя в соответствии с принципом старшинства. В противовес салической системе престолонаследия, распространенной на Западе у франкских племен, к верховной власти на Руси допускались и женщины: например, княгиня Ольга правила государством, пока ее малолетний сын Святослав не достиг возраста совершеннолетия. Если наследник престола погибал или умирал ранее, чем успевал вокняжиться в той или иной древнерусской земле, то все его потомки лишались державных наследственных прав, становясь князьями-изгоями.

С разрастанием рода Рюриковичей увеличивались внутридинастические споры о правах на княжение, поэтому в 1097 г. на Любечском съезде, проигнорированном полоцким князем Всеславом Брячиславичем, другие русские князья (Святослав Игоревич, Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи, Давыд Игоревич и Василько Ростиславич с братом Володарем) приняли решение об установлении отцовского владения для своих потомков по правилу «каждый да держит отчину свою», фактически узаконив распад государства на самостоятельные

уделы, принадлежавшие разным ветвям княжеской фамилии. До Любечского съезда князья в соответствии со старинным славянским обычаем перемещались по всем княжествам Древней Руси, за исключением Новгорода, а после лестничной порядок локализовывался в пределах конкретных княжеств. По степени старшинства, т.е. политического авторитета, иерархия княжеских столов распределялась следующим образом: самым уважаемым, т.е. столичным, считался киевский, затем черниговский, потом переяславский, после него галицкий, далее соответственно очередности — волынский, смоленский, полоцкий, владимиросуздальский (ранее именуемый ростово-суздальским) и рязанский²⁴.

Древнерусский порядок престолонаследия, предполагавший перемещение Рюриковичей по княжествам в соответствии с родовым старшинством городских общин, был разрушен Андреем Боголюбским в 1169 г., который после разорения его войсками столичного Киева, не вокняжился в «Матери городов русских», а остался во Владимире на р. Клязьме, поставив над киевлянами младшего брата Глеба²⁵. Внутри суздальской вотчины Андрей Боголюбский правил достаточно самовластно, его братья — политические конкуренты — были изгнаны, а решения веча не являлись авторитетными для властителя «Залесского края»²⁶ практически так же, как и полномочия Верховного Совета Российской Федерации, распущенного и разогнанного силовым путем Президентом РФ Б. Н. Ельциным в октябре 1993 г.²⁷ в г. Москве, основанной отцом Андрея Боголюбского, Великим князем Юрием Долгоруким в 1147 г.

Безусловно, что древнерусские князья должны были опираться на знать — боярское сословие, которое вполне сформировалось к началу XII в.²⁸ Бояре, так же как и князья, владели землей на правах «вотчины» с правом передачи ее по наследству не только сыновьям, но и при их отсутствии дочерям (см. ст. 91 Русской Правды

²⁴ См.: *Чертков А. Н.* Территориальное устройство Древнерусского государства: поиск правовой основы // *История государства и права.* 2010. № 21. С. 34–36.

²⁵ См.: *Тараторин Д. Б.* Русская власть. Опыт деконструкции. М. ; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. С. 9.

²⁶ См.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М. : Русский издательский центр, 2012. С. 549.

²⁷ См.: Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4364> (дата обращения: 18.11.2023).

²⁸ См.: *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М. : ИН-ДРИК, 2012. С. 126.

(Пространной редакции)²⁹. Постепенно боярство добилось права суда над подвластными ему сельскими жителями. Понимая экономическую, а следовательно, и политическую силу боярства, даже такой популярный в народе князь, как Владимир Мономах, обязательно советовался со своими боярами, обсуждая вопросы войны и мира с Византией³⁰.

Культура правотворчества и формы права Древней Руси

Многообразие, сложность и оригинальность политических начал Древней Руси способствовали «многоцветию» культурного развития правотворчества, воплощенного в следующих формах права:

- юридических обычаев;
- религиозных доктринах;
- международных и внутрисударственных нормативно-правовых договорах;
- нормативных правовых актов князей и веча;
- судебных и административных прецедентах.

Обычай является самым древним источником права, известным всем народам земли, рожденным в недрах социального быта еще в период догосударственного строя. Архаические русские обычаи повсеместно были пропитаны дохристианскими представлениями восточнославянских племен, поэтому многие историки права в период после принятия в 988 г. князем Владимиром (в крещении Василием) греческой веры и вплоть до вторжения ордынских отрядов хана Батыея в 1227–1241 гг. описывают правовую систему Киевской Руси как дуалистиче-

скую, т.е. христианско-языческую³¹. Например, в соответствии с древнеславянским обычаем (известным болгарам, сербам, хорватам, чехам, словакам, ляхам и лужичанам) княжичей, оставшихся сиротами, воспитывали дядья по материнской линии, именуемые «вьями»³²: так, Олег был кормильцем и наставником Святослава, а Добрыня — Владимира. Эта традиция была так сильна, что и при смене династии в XVII в. формально-юридически «дядькой» царевича Алексея Михайловича Романова (1629–1676 гг.), в будущем «*Тишайшего Государя Всея Руси*», назначили боярина Бориса Ивановича Морозова (около 1590–1661 гг.).

Русско-литовские князья Гедимин (1275–1341 гг.) и Ольгерд (1296–1377 гг.), следуя древнерусскому наследственному порядку минората, особо почитавшемуся в среде крестьянства, столичный город Вильно оставляли младшим сыновьям: первый — Евнутию, а второй — Ягайло, будущему польскому королю Владиславу³³.

Русская Правда (Краткой редакции)³⁴ в ст. 1 описывает упорядоченный княжеской властью древний обычай кровной мести, по которому за убийство мужчины право на лишение жизни душегубца получал брат за брата, сын за отца, отец за сына, племянник за дядю, неважно, с чьей стороны — брата или сестры.

Древнерусские юридические и летописные источники не содержат описание общепринятой процедуры мщения, например, известной богемским славянам, когда мститель обязан был через специального посланника уведомить убийцу о том, что он встает на путь мщения; саму месть можно было начинать не ранее чем по прошествии трех дней после вручения

²⁹ См.: Русская Правда (Пространной редакции) // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 1952. С. 108–121.

³⁰ Лицевой летописный свод Царя Ивана Грозного. Русь (1122–1159 гг. от В. Х.). Кн. 1. М., в лѣто 2022 ѿ Въплъщениѣ Хѣа. С. 7.

³¹ См.: *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография. М. : Зерцало, 2002. С. 115 ; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнеславянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание : VIII Международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.) : доклады советской делегации. М. : Наука, 1978. С. 221–240.

³² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рук. авт. Том первый. А — З. СПб. ; М. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. 280.

³³ См.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская История. До эпохи Ивана Грозного. М. : Академический проект; Культура, 2015. С. 506.

³⁴ См.: Русская Правда (Краткая редакция) // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. С. 77–81.

такого уведомления в надежде на возможность примирения сторон³⁵.

Наиболее эпический вариант кровной мести, овеянный сакральными представлениями славянской старины и, безусловно, достойный съемки современного художественно-исторического «экшена», можно реконструировать, исследуя последовательность мщения княгини Ольги древлянам, убившим ее мужа — князя Игоря. Русская Правда ни Краткой, ни Пространной редакции не предоставляет право мстить женщине, но «*quod licet Jovi, non licet bovi*» (с лат. — «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»). Будущая христианская святая, мать великого воина Святослава и бабка князя Владимира Красно Солнышко отомстила за мужа так, как не мстят за убийство жен мужчины.

Первое посольство от князя Мала с предложением руки и сердца киевской правительнице взамен погибшего супруга было закопано живьем вместе с ладьей, на которой оно прибыло, что символизировало погребальный холм. Второе посольство нарочитых, т.е. знатных людей, Древлянской земли Ольга сожгла в бане, повторяя обряд омовения трупа перед кремацией. На этом первая древнерусская княгиня не успокоилась: пригласив древлян на примирительную тризну по князю Игорю, она велела своей дружине перерезать их, принеся очередное кровавое человеческое жертвоприношение за душу своего супруга³⁶.

Несмотря на драматизм описываемых событий, очевидно, что древляне пытались примириться с вдовой князя, искупить свою вину,

хотя все их попытки оказались безуспешными. Князю Владимиру, изнасиловавшему свою будущую жену Рогнеду (Гореславу) на глазах ее семьи, затем убившему ее родителей и братьев после неудачной попытки супруги зарезать его во время сна, за эти злодеяния все же удалось откупиться Полоцкой землей³⁷.

Исследователь древнерусского права Н. Д. Иванишев, ссылаясь на практику судебных разбирательств и уставных грамот XIV–XVI вв., доказал, что за убийство при примирении сторон уголовное преследование душегубца прекращалось³⁸, — это в то время, когда кровная месть должна была считаться «преданьем старины глубокой». Достаточно подробно институт *покоры*, или примирения кровников, описан в средневековом чешском законодательстве³⁹.

В случаях, когда смертная казнь не применялась, за голову убитого выплачивалась композиция, именуемая *виroy* (см. ст. 3–6, 10 и др. Русской Правды (Пространной редакции)). Через восемь лет после крещения Руси в 996 г. равноапостольный князь Владимир потерпел фиаско в попытке заменить денежные штрафы за убийство, связанные с языческими представлениями о справедливости, смертной казнью, применяемой в христианской Византии⁴⁰. Пришлось вернуться к древнеславянским вирам, так как в казне иссякли средства для содержания княжеской дружины⁴¹. Аналогичные события наблюдались в XIV столетии у балканских славян в г. Дубровнике, вассале Венецианской республики, знавшем плату за голову под названием «*вражда*», которую местный князь

³⁵ См.: Иванишев Н. Д. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской виroy : Рассуждение, написанное для получения степени доктора российского законовещения // Сочинения Н. Д. Иванишева, изданные иждивением Университета Св. Владимира. Отдел первый : Исследования по истории славянских законодательств. Отдел второй : Исследования по истории Юго-западного края / под ред. [и с предисл.] проф. А. В. Романовича-Славатинского и библиотекаря К. А. Царевского. Киев : Университетская типография, 1876. С. 30.

³⁶ См.: Мордовцева Т. В., Серегин А. В. Кровная месть в языческой Руси: культурологический сравнительно-правовой аспекты // *Advances in Law Studies*. 2017. Т. 5. № 4. С. 386–392.

³⁷ См.: Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. С. 392.

³⁸ См.: Иванишев Н. Д. Указ. соч. С. 30.

³⁹ См.: Иванишев Н. Д. Указ. соч. С. 29.

⁴⁰ См.: Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Исследования по истории памятников средневекового права : сборник статей / [под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 131 ; Эклога // Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга Эпарха. Рязань : Александрия, 2006. С. 80–89.

⁴¹ См.: Серегин А. В., Джорджиевич А. Проблемы древнеславянского правопонимания // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 1 (49). С. 17–29.

Белеция Фалетро, правивший с 1305 по 1307 г., заменил смертной казнью, а сменивший его новый правитель Андрей Дауро, княживший в Рагузе следующие два года, восстановил старый порядок денежных штрафов за убийство, следуя всеобщему пожеланию народа и мнению соседнего сербского государя⁴².

Дикая вира, известная ст. 4 Русской Правды (Пространной редакции), уплачиваемая вервью, т.е. всей общиной по принципу круговой поруки, применялась в соответствии с уставными грамотами, даваемыми великими московскими князьями отдельным частям своего государства, под наименованием «*вѣры*» даже в начале XVI в.⁴³, когда в первом общерусском Судебнике 1497 г.⁴⁴ не было и речи о выплате композиций за убийство.

Обычай откупа за убийство, терминологически определяемый юридической формулой «*послать на веру*», применялся черногорцами еще и в XIX в.⁴⁵, что подтверждает общеславянские корни института виры.

В гражданско-правовых отношениях обычай всецело господствовал при заключении договора мены, обставленного архаическим символизмом, выраженным в рукобилье и «литках»,

т.е. «обмывании» алкогольными напитками заключенной сделки⁴⁶. Традиция отмечать в ресторане за богатым столом с дорогими «горячительными» напитками достижение согласия по выгодному договору по-прежнему, сохраняется в российском обществе первой половины XXI столетия.

Христианская религиозная доктрина осуждала многие древнерусские обычаи, пытаясь их полностью искоренить. Например, наказание полагалось за волхование (отправление «*поганских*» обрядов), за изготовление языческих амулетов («*узлов*»), за приготовление лекарств и приворотных напитков («*зелейничество*»)⁴⁷, за поклонение *рожаницам*⁴⁸, за утренние посещения «*попами*» бань, за празднование *Русалий*⁴⁹, *Коляды* и пение *колядок*, за участие в кулачных боях, а также за игру в «*ладыги*» (детские «*ладушки-оладушки*», связанные с культом славянского бога Ладо) и «*туры*» (прославляющие бога Тура)⁵⁰, за организацию свадебных пиров, а также за игру на *гуслях*⁵¹.

Древнерусскому обществу IX–XIII вв. известны добрачное сожителство мужчины и женщины («*смильное*»), воровство невест («*умычка*»), языческий развод («*распусты*») путем разрыва

⁴² См.: *Флоринский Т. Д.* Дубровницкий Статут 1272 г. // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. С. 505.

⁴³ См.: Уставная грамота, Мариинской трети, Артемоновского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том первый. 1294–1598. СПб. : Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. С. 117.

⁴⁴ См.: Великокняжеский Судебник 1497 г. // *Серегин А. В., Черкасова М. А.* Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 176–184.

⁴⁵ См.: *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь: Разоблачение «норманского» мифа. М. : Эксмо, Алгоритм, 2011. С. 16.

⁴⁶ См.: *Момотов В. В.* Указ. соч. С. 118.

⁴⁷ См.: Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков : В 10 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. С. 139–140 ; Канонические ответы митрополита Иоанна II 1080–1089 г. // Памятники древнерусского канонического права. Часть первая (Памятники IX–XV в.) (= Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Том шестой). СПб. : Типография Императорской академии наук, 1880. С. 1–20.

⁴⁸ См.: Вопросы Кирика, Саввы и Илия с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц 1130–1156 г. // Памятники древнерусского канонического права. Часть первая (Памятники IX–XV в.) (= Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Том шестой). С. 21–62.

⁴⁹ См.: Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты) // *Максимович К. А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М. : Языки русской культуры, 1998. С. 1–470.

⁵⁰ См.: *Павлов А. С.* Неизданный памятник русского церковного права XII века. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1890. С. 13–28.

⁵¹ См.: Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). С. 1–470.

супругами полотенца над рекой⁵², полигамные отношения, по крайней мере в форме двоеженства, за которое в ст. 30–32 Правосудия Митрополичья XIII в. полагался штраф с отправкой второй жены в «дом церковный»⁵³.

Несмотря на то что наше поколение от эпохи раннего древнерусского государства отделяет практически десять столетий, в Российской Федерации процветают астрологи, экстрасенсы, гадалки, знахари, ведьмы и колдуны — современные ведуны и ведуньи; россияне до заключения брака сожительствуют друг с другом, считая, что чувства необходимо проверить, ведя совместное хозяйство; разводы превышают количество заключаемых браков; свадьбы сопровождаются праздничным застольем; бани и сауны являются частью национальной культуры русских людей, а всевозможные «шоу», игры, концерты певцов различных музыкальных направлений и кулачные бои в форме спортивных состязаний весьма популярны в среде не только российской молодежи, но и у других возрастных категорий. Все это происходит на фоне строительства многочисленных храмов Русской православной церкви и мусульманских мечетей.

Международные договоры X столетия Руси с греками содержат нормы о юридическом признании византийцами вассальной зависимости от Киева и, соответственно, необходимости выплаты ежегодной дани русским городам; о создании режима наибольшего благоприятствования русским купцам, включая обязанность снабжать их из казны Царьграда, оплачивая проживание, продовольствие и оснастку ладейного флота; об освобождении от торговых пошлин княжеских гостей (предпринимателей) Древнерусской державы с предоставлением им

права посещать общественные бани Константинополя⁵⁴.

Особую научную загадку в договорных нормах между руссами и ромеями представляет упоминание о «Законе Русском», предшествовавшем изданию Русской Правды в XI в., о «поконне языка нашего»⁵⁵; вероятнее всего, здесь речь шла о славянском обычае, включающем в себя сакральное языческое мировоззрение.

В противовес западноевропейским порядкам греки и русичи не признавали права присваивать имущество, выброшенное в результате кораблекрушения, в пользу суверена побережья, напротив, высокие договаривающиеся стороны обязывались возвращать собственность на родину законным владельцам (см. ст. 9 Договора Руси с Византией 944 г.)⁵⁶, что вполне соответствует принципам морского права современной цивилизации.

Русско-византийские договоры гарантировались религиозной клятвой: греки присягали честным крестом, единосущной троицей, именем единого истинного христианского Бога-Вседержителя — Пантократора (от греч. *Παντοκράτωρ* — *Всевластитель*), а русичи уповали на славянских богов Велеса или Перуна и собственное оружие, страшась потерять свободу в этом мире и загробном, считая волю священной ценностью⁵⁷, поэтому со времен седой старины сдача в плен есть позор, ибо, как говорил князь Святослав (942–972 гг.), сражаясь в 971 г. от Р. Х. (в лето 6479 от Сотворения Мира) под стенами болгарского г. Доростола, «мертвые бо срама не имамъ»⁵⁸.

Новгородцы, заключая в XII в. международные договоры, считали, что за лишение жизни посла необходимо платить двойной штраф, определенный за насильственную смерть купца

⁵² Момотов В. В. Указ. соч. С. 122.

⁵³ См.: Правосудие митрополичье (Доклад, читанный в Подкомиссии по подготовке к изданию Русской Правды 14 ноября 1928 г.) // Серафим Владимирович Юшков. М. : Юрид. лит., 1989. (Труды выдающихся юристов.) С. 336–339.

⁵⁴ См.: Договор Руси с греками 907 г. // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. С. 64–65 ; Договор Руси с греками 911 г. // Там же. С. 6–10 ; Договор Руси с Византией 944 г. // Там же. С. 30–35 ; Договор Руси с греками 971 г. // Там же. С. 58–59.

⁵⁵ См.: Договор Руси с Византией 944 г. С. 30–35.

⁵⁶ См.: Договор Руси с Византией 944 г. С. 30–35.

⁵⁷ См.: Договор Руси с греками 907 г. С. 64–65 ; Договор Руси с Византией 944 г. С. 30–35.

⁵⁸ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Петретц ; 2-е изд. подгот. М. Б. Свердлов ; ред. изд.-ва А. И. Строева ; Худож. Л. А. Яценко. 2-е изд., испр., и доп. С. 33.

(см. ст. 2 Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг.⁵⁹).

В ст. 3 Соглашения Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230–1270 гг.⁶⁰ устанавливалась двойная вира за смерть послов и попов, а ст. 11 допускала применять «поле», т.е. судебный поединок, если его инициатором в Смоленске был иностранец, и, наоборот, в Риге и в Готланде соответственно, если его инициатором там был «русин».

В 1338 г. Великий князь Литовский, Русский и Жемойтский Гедимин и ливонский магистр Эберхар фон Мунхайм заключили мирный договор, в котором река Двина объявлялась свободной для купцов, независимо от того, являлись ли они язычниками или христианами⁶¹.

Внутригосударственные договорные отношения в публичной сфере между князем и вечаем обязательно оформлялись заключением «ряда», специального соглашения, определявшего объем взаимных прав и обязанностей правителя и земской общиной⁶². Эта практика прекратилась только во второй половине XV в. с заключением договора Новгородом в 1471 г. с Великим князем Московским и всея Руси Иваном III в противовес его конкуренту — Королю польскому и Великому князю Литовскому Казимиру IV⁶³.

Древнерусские князья как хранители порядка и защитники справедливости могли издавать нормативные правовые акты, т.е. письменные

указы, призванные стабилизировать кризисные явления в изменяющихся общественных отношениях. Так, Ярослав Мудрый (978–1054 гг.) для выравнивания правового положения русин (киевлян) и словен (новгородцев) около 1016–1019 гг. принял Русскую Правду (Краткой редакции); его дети Ярославичи (князья Изяслав, Святослав и Всеволод) совместно со своими мужами (Коснячко, Перенегом и Никифором) отменили кровную месть (см. ст. 2 Русской Правды (Пространной редакции)), а Владимир Всеволодович (Мономах), советуясь со своими дружинниками (тысяцкими — Ратибором, Прокофием, Станиславом и княжескими мужами — Нажиром, Мирославом и Иванком Чудинвичем), ограничил максимальный размер судебного процента.

С цивилизационной точки зрения весьма важным является осмысление содержания ст. 88 Русской Правды (Пространной редакции), определяющей виру за убийство женщины, в два раза меньшую, чем за лишение жизни мужчины. Данная норма полностью совпадает с правилами шариата (исламского права)⁶⁴, а не традицией варварских законов средневековой Европы. Салические франки, например, за жизнь женщины платили вергельд, втрое больший, чем за жизнь свободного человека (см. § 1 и 3 титула XLI Салической правды⁶⁵); саксонская композиция составляла двойную цену за нерожавшую женщину, при-

⁵⁹ См.: Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. С. 125–126.

⁶⁰ См.: Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230–1270 гг. // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. С. 57–74.

⁶¹ См.: Договор между лив. магистром [Эберхаром фон Мунхаймом] и вел. кн. лит. [Гедимином] о мире сроком на 10 лет и торговле 1338 г. // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 66–69.

⁶² Договорные грамоты великого князя Ярослава Ярославича с Великим Новгородом 1264–1270 гг. С. 135–141 ; Договорная грамота Новгорода с Великим князем Тверским Александром Михайловичем, учиненная при посаднике Данииле: на каких условиях владеть Великому князю Новым-городом и принадлежащим к нему волостями 1327 г. С. 15–18.

⁶³ См.: Договорные грамоты Великого Новгорода с Иваном III и Казимиром IV 1470–1471 гг. // Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. (= Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. проф. С. В. Юшкова) / сост. доц. А. А. Зимин. С. 247–260.

⁶⁴ См.: *Сахих аль-Бухари*. Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует: Ат-таджрид ас-сарих ли-ахадис аль-джами ас-сахих (ясное излож. хадисов «Достоверного сборника» / сост. имам Абу-ль-Аббас Ахмад бин Абд ал-Латиф аз-Зубайди (1410–1488/812–893 гг.х.) ; пер. с араб., примеч. и указ.: Абдулла Нирша. М. : Умма, 2005 (СПб. : Санкт-Петербургская типография). С. 813.

⁶⁵ URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm> (дата обращения: 19.11.2023).

равнивая ее жизнь по стоимости к мужской, только если она имела детей (см. ст. 15 Саксонской правды⁶⁶); баварские племена считали, что за голову женщины положен двойной штраф, при условии, что она не защищала себя с оружием в руках как мужчина (см. ст. 29 раздела «О свободных, которые уплачивали композицию» Баварской правды⁶⁷).

Вечевое законотворчество является формой народоправства по своей природе, направленной на защиту интересов многочисленного свободного населения Древней Руси⁶⁸. Доказательство данному утверждению содержится в Псковской судной грамоте⁶⁹, объявляющей *господарем*, т.е. хозяином *наймита*, любое лицо независимо от его социального статуса, будь то селянин, купец, боярин или *житый* человек⁷⁰. Новгородская судная грамота⁷¹ в ст. 1 декларировала принцип равенства перед законом и судом независимо от сословного положения, в ст. 5 провозглашала принцип несменяемости судей и одновременно в ст. 6 устанавливала, что за распространение заведомо ложных сведений и клевету знать в лице боярства должна была платить штраф в размере 50 руб., средний класс — 20 руб., а «*молодшие*», т.е. зависимые и нуждающиеся люди, — 10 руб.

Вечевые грамоты являются уникальным примером более высокого уровня правовой культуры наших предков, нежели современных потомков, легально закрепивших сверхнеобходимые депутатские, президентские, прокурорские и иные юридические иммунитеты.

Использование прецедентов, т.е. судебных или административных решений по конкретным делам, в качестве источника права для рассмотрения аналогичных случаев было также известно юридической практике Древне-

русского государства. По крайней мере ст. 23 Русской Правды (Краткой редакции) поясняла, что двойная вира за убийство старшего конюха князя стала применяться после ее установления Изяславом в отношении жителей г. Дорогобужа, совершивших данное преступление.

Кроме того, в киевский период единой государственности Рюриковичей и в эпоху удельной раздробленности с IX по XIV столетие законодательство фактически представляло собой сборник прецедентов, описывавших конкретные противоправные деяния или правомерные юридически значимые события и действия с использованием союза «*аще*» (в современном толковании «*если*»)⁷².

Древнерусская культура правореализации

В добавление к сказанному сто́ит отметить, что сущностная характеристика правовой цивилизации, какому бы народу она ни принадлежала, немыслима без глубинного понимания процессов отправления правосудия и повседневной юридической практики. В средневековой Руси четкого разграничения между судебной и исполнительной властью не существовало: правосудие, как правило, вершили не только князь, вече, посадник, архиепископ, но и община. Сосредоточение судебно-административных функций в одних руках единоличных или коллегиальных органов, присущее всем государствам данного исторического периода, не следует понимать упрощенно с позиции ничем не ограниченного властного произвола. Например, ст. 33 Русской Правды (Краткой редакции) запрещала без княжеского разрешения наказывать *смердов, тиунов, огнищан и мечников*; ст. 108

⁶⁶ URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/IX/800820/Lex_Saxonica/text.phtml?id=5729 (дата обращения: 19.11.2023).

⁶⁷ URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/VIII/Lex_Bajuvari/text.phtml?id=5728 (дата обращения: 19.11.2023).

⁶⁸ См.: Боръевић А. В. Уговори облигационог права Русије од XI–XV века : докторска дисертација. Ниш : Универзитет у Нишу, 2013. С. 199.

⁶⁹ См.: Псковская судная грамота 1467 г. // URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 10.12.2023).

⁷⁰ См.: Rogov B. A., Rogov B. B. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII в.). М. : МГИУ, 2008. С. 68–71.

⁷¹ См.: Новгородская судная грамота XV в. // Российское законодательство X–XX веков : В 10 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 304–308.

⁷² См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: Архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. : Наука, 1981. С. 12.

Русской Правды (Пространной редакции) к исключительной компетенции княжеского суда относил споры между братьями о «заднице» (наследстве); ст. 12 того же источника в Краткой редакции споры о взыскании долга относила к компетенции 12 человек — фактически древнерусского общинного суда присяжных заседателей. Еще в XVII в. в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском в качестве правопреемников *весевых* (общинных) судов действовали *копные* или *купные* суды⁷³.

В числе доказательств в судебном процессе использовались ордалии, имеющие языческие корни: так, если у ответчика не находилось свидетеля доброй славы («*послуха*»), для своего оправдания он мог прибегнуть к испытанию «*железом*» (см. ст. 21 Русской Правды (Пространной редакции)); при этом *варяги* и *колбязги* (вероятно, жители балтийского поморья из города Колобжег), если они некрещеные, могли в качестве доказательства использовать жребий или присягу («*роту*») в соответствии со своей верой (см. ст. 10 Русской Правды (Краткой редакции) и дополнительные статьи к Русской Правде (Пространной редакции) «*О мужи кроваве*»). Применение жребия в спорах о побоях между новгородцами и немцами допускалось и в XII в. (см. ст. 9 Договора Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг.⁷⁴). По прошествии пяти столетий в ст. 4 гл. XIV «О крестном целовании» Соборного уложения 1649 г. по исковым требованиям между подданными Московского государства и чужеземцами допускалось использовать жре-

бий⁷⁵. Новгородцы в XII–XIV вв. прибегали к жребью не только в гражданско-правовых, но и в публично-юридических вопросах (например, в качестве божьего промысла при избрании архиепископа: обычно вече выбирало трех претендентов из числа монахов, достойных занять должность владыки, а затем победителя определял слепой или ребенок⁷⁶).

Свобода торговых и политических отношений в Пскове, привела к тому, что купеческие *братчины* (т.е. предпринимательские союзы) приобрели судебные полномочия по экономическим спорам, представляя из себя разновидность третейского негосударственного суда (см.: ст. 113 Псковской судной грамоты 1467 г.). Огромным уважением среди новгородцев и иностранных «*гостей*» пользовался коммерческий суд «*Иванского ста*», торгового общества, объединенного вокруг церкви Иоанна Предтечи⁷⁷. Братство хорватских моряков г. Сплита с аналогичными целями и задачами известно с 1349 г.⁷⁸, что доказывает общеславянские корни в организации корпораций предприимчивых людей.

Исследуя берестяные грамоты Древней Руси № 235, 510 и 531, имеющие стратиграфические даты от второй половины XII в. до конца XIII столетия, В. В. Момотов доказал, что институт поручительства в качестве обеспечения долговых обязательств применялся нашими предками как минимум на 100 лет раньше, чем его закрепили в ст. 32 Псковской судной грамоты — документа, сформировавшегося в период XIV–XV вв.⁷⁹

⁷³ См.: *Леонтович Ф.И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб. : Типография В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 127 ; *Юхо И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Мн. : Изд-во БГУ, 1978. С. 126–127 ; Королевский приказ дворянину Томковичу присутствовать в качестве вижа на cope при разборе поземельных споров 1552 г. // Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссiею. Т. XVIII. Акты о копных судах. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1891. С. 1 ; Решение копы по делу о покраже пчел 1560 г. // Там же. С. 4 ; Решение копы об уплате за покраденные лошади 1560 г. // Там же. С. 4–5 ; Расследование копы по поводу совершенного убийства 1562 г. // Там же. С. 10 ; Расследование на cope по делу о покраже лошадей 1560 г. // Там же. С. 10–11.

⁷⁴ См.: Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. С. 125–126.

⁷⁵ См.: Соборное уложение 1649 г. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 10.12.2023).

⁷⁶ См.: *Чибисов Б. И.* Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII — первая треть XV в.) // Труды Института российской истории. М. : ИРИ РАН, 2014. Вып. 12. С. 34–36.

⁷⁷ См.: *Малиновский И. А.* Лекции по истории русского права / под ред. и статья от ред. док. юрид. наук, проф. В. А. Попелюшко. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 227.

⁷⁸ См.: *Москаленко А. Е.* К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. // Византийский временник. Т. 13. 1958. С. 136–161.

⁷⁹ См.: *Момотов В. В.* Указ. соч. С. 254, 262, 267.

Безусловно, не сто́ит идеализировать правовую культуру Киевской Руси. Так, одними из главных нарушителей юридических и нравственных норм являлись представители княжеской династии Рюриковичей, которые постоянно воевали друг с другом. Например, Владимир Мономах, с горечью рассказывая о предложении своих братьев нарушить крестное целование и изгнать из страны Ростиславичей⁸⁰, так характеризовал природу потомков Адама: «*Мы челоуѣци, грѣшни суще и смертны, то оже ны зло створить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ*»⁸¹.

Пытаясь наставить князей на путь истинный, преподобный Кирилл Белозерский в XIV в. призывал их вершить правосудие праведно, наказывать клеветников, искоренять мздоимство, бороться с пьянством, татьбой и разбоем, игнорировать «*подметные письма*», не допускать в общении с людьми сквернословия, ругательств

и оскорблений⁸². Представленные рекомендации вполне актуальны для России первой половины XXI в.

Заключение

Итак, подводя общие итоги проведенному исследованию, необходимо сделать вывод, что древнерусская правовая цивилизация (IX–XIV вв.) представляет собой синкретическое культурно-социальное явление, основанное на вечевом народоправстве, княжеском служении общине, боярской чести, признании высшего аксиологического значения за юридическими нормами и судебными решениями, направленными на защиту прав вольного населения Державы Рюриковичей в рамках и на основе дуализма религиозного языческо-христианского правосознания народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М. : Академический проект; Культура, 2015. 702 с.

Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика, и откуда пришел Рюрик и его варяги. СПб. : Типография Главного штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям, 1858. 175 с.

Гедеонов С. А. Варяги и Русь: Разоблачение «норманского» мифа. М. : Эксмо, Алгоритм, 2011. 624 с.

Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев: Типо-литография высочайше утв. товарищества «И. Н. Кушнерев и К^о» в Москве, 1891. 170 с.

Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава : Типография Носковского, 1882. 193 с.

Ђорђевић А. В. Уговори облигационог права Русије од XI–XV века : докторска дисертација. Ниш : Универзитет у Нишу, 2013. 218 с.

Зигель Ф. Ф. Периодизация славянского права // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб. : [б. и.], 1905. С. 1–20.

Иванишев Н. Д. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою : Рассуждение, написанное для получения степени доктора российского законоведения // Сочинения Н. Д. Иванишева, изданные иждивением Университета Св. Владимира. Отдел первый : Исследования по истории славянских законодательств. Отдел второй : Исследования по истории Юго-западного края / под ред. [и с предисл.] проф. А. В. Романовича-Славатинского и библиотекаря К. А. Царевского. Киев : Университетская типография, 1876. 463 с.

⁸⁰ См.: Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. : Худ. лит., 1978. С. 392–392.

⁸¹ Поучение Владимира Мономаха. С. 396.

⁸² См.: Преподобные Кирил, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / отв. исполн., пер. с древнерус., авт. прим. Г. М. Прохоров, отв. исполн., пер. с древнерус., авт. прим. Е. Э. Шевченко, отв. исполн., пер. с древнерус., авт. прим. Е. Г. Водолазкин. СПб. : Глаголь, 1993. С. 181–183.

- Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. : Наука, 1981. 298 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнеславянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание : VIII Международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.) : доклады советской делегации. М. : Наука, 1978. С. 221–240.
- Костомаров Н. И. Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятка). М. : Фирма СТД, 2008. 608 с.
- Кочкина Л. М. Своеобразие княжеского суда в Новгороде // Право и государство: теория и практика. 2013. № 3 (99). С. 116–119.
- Лебедев Г. Накануне. Русь. X век (ч. 2) // Знание — сила. 1988. № 7. С. 36–40.
- Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб. : Типография В. С. Балашева и К^о, 1894. 410 с.
- Малиновский И. А. Лекции по истории русского права / под ред. и статья от ред. док. юрид. наук, проф. В. А. Попелюшко. М. : Юрлитинформ, 2015. 696 с.
- Мальцев Г. В. Культурные традиции права : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 608 с.
- Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 736 с.
- Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Исследования по истории памятников средневекового права : сборник статей / [под ред. Б. Н. Флори, А. А. Горского]. М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009. 336 с.
- Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография. М. : Зерцало, 2002. 416 с.
- Мордовцева Т. В., Серегин А. В. Кровная месть в языческой Руси: культурологический сравнительно-правовой аспекты // *Advances in Law Studies*. 2017. Т. 5. № 4. С. 386–392.
- Москаленко А. Е. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. // *Византийский временник*. Т. 13. 1958. С. 136–161.
- Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М. : Э, 2015. 672 с.

REFERENCES

- Bestuzhev-Ryumin KN. *Russian history. Before the era of Ivan the Terrible*. Moscow: Akademicheskii proekt; Kultura Publ.; 2015. (In Russ.).
- Dovnar-Zapolsky MV. *An outline of the history of the crooked and Dregovian lands until the end of the 12th century*. Kiev: Tipo-litografiya Vysochayshe utv. Tovarishchestva N. Kushnerev and Co. in Moscow; 1891. (In Russ.).
- Dyachan V. *The participation of the people in the supreme power in the Slavic states before the changes in their state structure in the 14th and 15th centuries*. Warsaw: Tip. Noskovskogo; 1882. (In Russ.).
- Gedeonov SA. *Varangians and Rus: Exposing the «Norman» myth*. Moscow: Eksmo, Algorithm Publ.; 2011. (In Russ.).
- Ivanishev ND. *On the payment for murder in ancient Russian and other Slavic legislations in comparison with the German virago*. The reasoning written for obtaining the degree of Doctor of Russian jurisprudence. Essays. Kiev: Universitetskaya tipografiya; 1876. (In Russ.).
- Ivanov VV, Toporov VN. *Ancient Slavic law: Archaic mythopoetic foundations and sources in the light of language. The formation of early feudal Slavic peoples*. Moscow: Nauka Publ.; 1981. (In Russ.).
- Ivanov VV, Toporov VN. On the language of Ancient Slavic law (to the analysis of several key terms). In: *Slavic linguistics. Zagreb, Ljubljana. September 1978*. Moscow: Nauka Publ.; 1978. Pp. 221–240. (In Russ.).
- Kochkina LM. The originality of the princely court in Novgorod. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2013;3(99):116-119. (In Russ.).
- Kostomarov NI. *The North Russian peoples' rights during the time of the Appanage-Veche way of life (the history of Novgorod, Pskov and Vyatka)*. Moscow: Firma STD Publ.; 2008. (In Russ.).
- Lebedev G. The day before. Rus. 10th century (part 2). *Znanie — sila*. 1988;7:36-40. (In Russ.).
- Leontovich FI. *Essays on the History of Lithuanian-Russian Law: The Formation of the Territory of Lithuania States*. Works of F.I. Leontovich, distinguished professor, Imp. Varsh. un-ta. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva and Co.; 1894. (In Russ.).

Malinovskiy IA. *Lectures on the history of Russian law*. Edited and the editorial by Prof. V.A. Popelyushko, Dr. Sci. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2015. (In Russ.).

Maltsev GV. *Cultural traditions of law: A monograph*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Maltsev GV. *Revenge and retribution in ancient law: A monograph*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).

Milov LV. Legend or reality? (About the unknown reform of Vladimir and the Truth of Yaroslav). In: Flori BN, Gorsky AA, editors. *Studies on the history of monuments of medieval law: A collection of articles*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (RussPen) Publ.; 2009. (In Russ.).

Momotov VV. *The formation of Russian medieval law in the 9th–14th centuries: A monograph*. Moscow: Zertsalo Publ.; 2002. (In Russ.).

Mordovtseva TV, Seregin AV. Blood feud in Pagan Russia: Culturological comparative legal aspects. *Advances in Law Studies*. 2017;5(4):386-392. (In Russ.).

Moskalenko AE. On the issue of socio-economic relations in Split in the 15th century. *Vizantiyskiy vremennik*. 1958;13:136-161. (In Russ.).

Nikonov VA. *The code of civilization. What awaits Russia in the world of the future?* Moscow: E Publ.; 2015. (In Russ.).

Vasiliev A. *About the ancient history of the Northern Slavs before the time of Rurik, and where Rurik and his Varangians came from*. St. Petersburg: Printing House of the General Staff of His Imperial Majesty for military educational institutions; 1858. (In Russ.).

Zigel FF. *Periodization of Slavic law. In: New collection of articles on Slavic studies*. Comp. and ed. by the students of V.I. Lamansky with the participation of their students on the 50th anniversary of his educational and literary activities. St. Petersburg; 1898. Pp. 1–20. (In Russ.).

Ђорђевић AV. *Ugovori obligacionog prava Rusije od XI–XV veka: doktorska disertacija*. Nis: University of Nis, 2013. (In Serb.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серегин Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры публичного права Государственного университета управления
д. 36, корп. 3, Стремянный пер., г. Москва 115054, Российская Федерация
andrei-seregin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Seregin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor, Department of Public Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation
andrei-seregin@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 21 января 2024 г.

Статья получена после рецензирования 4 февраля 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 21.01.2024.

Revised 04.02.2024.

Accepted 15.06.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Е. А. Шаталов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
г. Новосибирск, Российская Федерация

Организационные и правовые аспекты деятельности органов ВЧК на местах в контексте новых архивных документов: теоретические и историко-юридические вопросы

Резюме. В статье представлены результаты исследования некоторых фондов архивных документов, имеющих разную ценность и значимость для изучения отдельных направлений деятельности органов ВЧК на местах. Впервые вводимые в научный оборот архивные материалы демонстрируют те направления деятельности органов ВЧК, которые еще недостаточно освещаются наукой, в частности: внесудебную практику, нормотворчество в сфере уголовного, уголовно-процессуального права, решение оперативно-служебных задач, осуществление карательных мер, взаимодействие их с другими советскими органами власти и учреждениями на местах, раскрывая при этом и некоторые важные организационно-правовые особенности, проблемы становления, функционирования государственного механизма большевистской России в условиях военного времени. Классификация, анализ архивных документов, характеризующих отдельные направления деятельности органов ВЧК на местах, позволяют глубже понять природу и научную ценность соответствующих материалов и, таким образом, выработать методы работы с ними для более эффективной организации исследований в этой области.

Ключевые слова: органы ВЧК; ВЧК; Всероссийская ЧК; местные органы; архив; архивные документы; история права; история государства и права России; правоохранные органы

Для цитирования: Шаталов Е. А. Организационные и правовые аспекты деятельности органов ВЧК на местах в контексте новых архивных документов: теоретические и историко-юридические вопросы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 140–148. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Cheka Bodies at the Local Level in the Context of New Archival Documents: Theoretical and Historical Legal Issues

Evgeny A. Shatalov

Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The paper presents the results of a study of some collections of archival documents that have different values and significance for studying certain areas of activity of the Cheka bodies at the local level. For the first time, archival materials introduced into scientific circulation demonstrate those areas of activity of the Cheka bodies that are still insufficiently covered by science. These, in particular, include extrajudicial practice, rulemaking in the field of criminal, criminal procedure law, solving operational and official tasks, implementing punitive measures, their interaction with other Soviet authorities and institutions locally. At the same time, they reveal some important organizational and legal features, problems of the formation and functioning of the state mechanism of Bolshevik Russia in wartime conditions. The classification and analysis of archival documents characterizing certain areas of activity of the Cheka bodies at the local level provide a deeper understanding of the nature and scientific value of the materials, and, accordingly, make it possible to develop methods of working with them for more effective organization of research in this area.

© Шаталов Е. А., 2024

Keywords: Cheka bodies; Cheka; All-Russian Cheka; local authorities; archive; archival documents; history of law; history of the state and law of Russia; law enforcement agencies

Cite as: Shatalov EA. Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Cheka Bodies at the Local Level in the Context of New Archival Documents: Theoretical and Historical Legal Issues. *Lex Russica*. 2024;77(7):140-148. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Под чрезвычайными комиссиями в данной статье следует понимать карательные государственно-партийные губернские и уездные органы советской власти, наделенные оперативно-розыскными, следственными, внесудебными, уголовно-исполнительными полномочиями с целью противодействия наиболее общественно опасным антиреволюционным правонарушениям.

Научный интерес к историческому государствоведению, судя по наличествующей историографии, сегодня сохраняет свой животрепещущий характер и относительную стабильность. В общем и целом пристальное внимание исследователей в этом контексте обращено именно к опыту становления и развития карательных органов. Во-первых, это направление представляет теоретический и практический интерес, поскольку дает возможность правильно определить место и значение органов безопасности в механизме государства¹. Во-вторых, подобные труды имеют гносеологическое значение, поскольку аккумулируемые новые эмпирические данные обогащают и восполняют пробелы, «белые пятна» в вопросах познания истории государства и права, где, как известно, одной из задач данной науки является ретроспективный анализ развития и функционирования институтов публичной власти.

Здесь следует отметить еще одну положительную тенденцию активности исследователей: в научный оборот все больше вводятся многочисленные архивные материалы, которые являются, по словам профессора О. И. Чистякова, «альфой и омегой» в вопросе диалектического осмысления значимых событий, общественных явлений прошлого. Ученый писал, что именно архивные материалы позволяют познать строительство и деятельность государства и развития права во всей сложности². Также очень важно, что с введением в оборот архивных документов существенно расширяется и источниковедческая база обсуждаемой

науки. Но при всех положительных моментах следует указать и на вытекающую отсюда проблему всестороннего осмысления, установления природы этих документов, например проверки на предмет их подлинности, объективности излагаемых в них фактов и их научной ценности, условий разработки, процедуры принятия, объема исполнения, юридических последствий вступления их в силу, взаимосвязи с другими актами, правомочности должностных лиц, причастных к их принятию, и многие другие важнейшие сопутствующие вопросы, которые должны быть подвергнуты критическому анализу, экспертизе давности, поскольку от их решения во многом зависит объективность результатов исследовательской работы. Ведь задача историка-правоведа, на наш взгляд, заключается не только в реконструкции юридически значимых событий той или иной исторической эпохи, но и в оценке самой природы исследуемых материалов, выработке методологии работы с ними. Сегодня это направление историко-юридических исследований вряд ли можно назвать в достаточной мере развитым.

Документы периода гражданской войны должны максимально тщательно подвергаться в том числе лингвистической, почерковедческой экспертизе, поскольку нужно понимать, что в период боевых действий неэвакуированные архивы довольно часто подвергались захвату какой-либо стороной вооруженного конфликта. В ходе идеологической борьбы между воюющими сторонами документы могли использоваться для обвинения друг друга перед лицом общественности во всевозможных преступлениях и чрезвычайной жестокости, сведения в них потенциально могли подвергаться искажению или в целом иметь ложный характер.

Проведение подобной кропотливой работы необходимо и потому, что изучение ведомственных документов о деятельности ВЧК и ее органов дает уникальную, а порой и единственную возможность проанализировать насущные

¹ Мильштейн Н. Я. Правовое регулирование деятельности органов госбезопасности Узбекистана (1921–1932 гг.). Ташкент, 1974. С. 3–4.

² Чистяков О. И. Проблемы истории государства, права и политических учений : сборник статей. М., 1974. С. 34–35.

проблемы их становления, функционирования в различных исторических реалиях.

Пристальный интерес к ВЧК наблюдался еще со стороны представителей советской науки, поскольку ее органы являлись значимыми чрезвычайными инструментами власти в период укрепления пролетарской диктатуры, на которые в основном и были возложены функции по обеспечению ее безопасности, пресечению антисоветской деятельности, охране общественного порядка и многие другие виды задач, еще не в полной мере раскрытые наукой³.

Для изучения вопросов их деятельности в советский период было подготовлено и опубликовано значительное количество сборников архивных документов, на которые и ныне ссылаются современные исследователи⁴. Однако следует заметить, что эти документы главным образом раскрывают некоторые особенности деятельности центрального аппарата ВЧК и реже ее местных органов. По идеологическим соображениям такие сборники выборочно пополняли только те документы, которые характеризовали их деятельность исключительно в выгодном для советской политической элиты свете.

Из поля зрения науки долгое время выпадали многие другие документы, свидетельствующие о деятельности многочисленных местных органов ВЧК, которые в период гражданской войны, конкретнее со второй половины 1918 г. по февраль 1922 г., стали ключевыми субъектами в сфере реализации карательных функций от имени советской власти, деятельность которых имела и свою специфику, даже отличительные особенности на территории некоторых губерний РСФСР.

Рассекреченные архивные документы органов ВЧК дают возможность подвергнуть анализу вопросы становления и функционирования судебно-следственных, розыскных органов советской власти в целом, с которыми они довольно тесно взаимодействовали, вели служебную переписку по различным юридическим вопросам. Так, в некоторых ведомственных материалах хранятся рапорты, донесения уполномоченных ЧК о деятельности рабоче-

крестьянской милиции, указывающие на различного рода недостатки, проступки в ходе их оперативно-служебной работы. Показательным в этом отношении является раздел сводки Красноярской губчека за апрель 1920 г., в котором зафиксированы многочисленные правонарушения со стороны не рядового, а руководящего состава сотрудников милиции участка № 2 Ачинского уезда. Начальник и его помощник производили незаконную реквизицию имущества без согласования своих действий с волостным ревкомом, находились на службе в состоянии алкогольного опьянения, похищали имущество местного населения⁵.

В свою очередь, в ведомственных материалах советской милиции также можно обнаружить порой краткие, но содержательные донесения, поступавшие на имя начальников губернских и уездных отделов милиции от оперативных сотрудников, чаще от их участковых органов, свидетельствующие о нарушениях нравственных и моральных норм государственной службы, злоупотреблении должностными полномочиями и прочих многочисленных правонарушениях, время от времени совершаемых чекистами при исполнении служебных обязанностей. Так, в рапорте начальника 10-го района минусинской милиции от 01.08.1920, представленном на имя начальника милиции уезда, сообщалось о том, что агент Енисейской губчека с двумя солдатами производят «повальные» обыски, не приглашая при этом понятых, протоколов не составляют, их копии не выдают, в том числе производят конфискацию имущества⁶.

Без всякого сомнения, подобный материал дает уникальную возможность изучения в первую очередь уровня правосознания, правового нигилизма и иных аспектов социальной деформации в среде сотрудников советских органов власти, осознать последствия провозглашения революционного правосознания в качестве основного источника права.

Изучение документальных фондов о деятельности органов ЧК позволяет идентифицировать вектор, тенденции, принципы уголовной, уголовно-исполнительной политики советской власти на тех территориях, которые в большей

³ См.: Шаталов Е. А. Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 12–13.

⁴ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сборник документов / под ред. Н. М. Полякова. М., 1958 ; В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов. М., 1987.

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 79.

⁶ Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

степени были охвачены гражданской войной. Сложность поиска, обработки подобных материалов обусловлена тем, что документы о деятельности ЧК, как правило, рассредоточены по фондам иных органов советской власти, где они хранятся без какой-либо тематической систематизации и привязки к хронологии событий истории, что порой существенно затрудняет решение исследовательских задач. По нашим наблюдениям, наибольшее количество этих материалов хранится в фондах местных революционных, исполнительных комитетов, губернских и уездных отделов рабоче-крестьянской милиции, карательных подотделов, тюрем, концентрационных лагерей и других советских органов, учреждений.

Наиболее информативными материалами для данного исследования явились рассекреченные в начале 1990-х гг. документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края № 53 «Красноярский губернский революционный комитет», № 448 «Красноярский губернский революционный трибунал», № 1874 «Минусинская уездная ЧК», в фондах Архива города Минусинска Красноярского края № 8 «Минусинская уездная рабоче-крестьянская милиция» и № 25 «Минусинский уездный исполком», в фонде Архивного отдела города Ачинска Красноярского края № 53 «Ачинская уездная рабоче-крестьянская милиция».

В научный оборот также вводятся материалы Государственного архива Иркутской области. В фонде № 868 «Иркутская губчека» на хранении находятся некоторые нормативные документы губернской комиссии, Особого отдела ВЧК 5-й РККА и Восточно-Сибирского военного округа. Значимыми для данного исследования также стали приказы и служебная переписка Уполномоченного Иркутской губчека по Якутскому району и Якутской губчека, представленные в фонде № 216 «Управление якутской уездной и окружной милиции» Национального архива Республики Саха (Якутия). Помимо материалов государственных архивов, источниковедческой базой послужили документы и ведомственных архивов. В фонде № 7 «Следственные материалы Красноярской губчека» Архива Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю хранятся уголовные дела, возбужденные по обвинению в контрреволюционных, долж-

ностных преступлениях, спекуляции и бандитизме, представляющие особую значимость для изучения специфики правоприменительной деятельности органов ВЧК на местах.

Для более глубокого осмысления ценности, оптимизации научно-исследовательской работы в области изучения отдельных направлений деятельности органов ВЧК и ее специфики на местах документы, имеющие важное историко-юридическое значение в этом отношении, можно подвергнуть классификации по некоторым основаниям.

Весь массив архивных документов можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К **внешним** относились нормативные документы, служебная переписка, поступавшие из различных центральных органов советской власти, в том числе аппарата ВЧК и НКВД. Это декреты, приказы, инструкции, многочисленные циркулярные письма, определявшие общий порядок функционирования их местных органов, в том числе решение кадровых задач, организационную структуру отделов, их компетенцию и иные основы правового положения.

К их числу также относились нормативные акты, издаваемые местными советами и их исполкомами, революционными комитетами, командующими военными округами. Большая часть документов содержит официальную государственную символику Советской Республики, входящие и исходящие номера; подписаны они ответственными лицами, что не дает возможности усомниться в их подлинности или в том, что они принимались формально. Такие документы имели юридическую силу и подлежали оперативному исполнению, о чем в них имеются соответствующие указания.

Главным образом означенные акты регулировали отдельные направления карательной деятельности органов ЧК. Примечательной в этом отношении является краткая инструкция по борьбе с бандитизмом в Восточно-Сибирском военном округе от 20.09.1921, разосланная председателям Иркутской, Енисейской, Якутской губернских ЧК для исполнения⁷. Данным актом указанные органы наделялись правом использовать репрессивные методы борьбы с преступностью периода политики «красного террора» 1918 г.: арест заложников, конфискацию имущества, внесудебное применение смертной казни, тогда как по общему

⁷ Архив города Минусинска Красноярского края. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

правилу декретами советской власти это было запрещено еще в 1919 г.⁸ В том же году уездные органы ЧК подлежали упразднению на всей территории РСФСР; вместо них при уездной милиции учреждались политические бюро для расследования контрреволюционных преступлений. Как видно из документов, на территории Сибири уездные органы ЧК продолжали осуществлять свою деятельность и в 1920 г., массово применяя различные карательные меры во внесудебном порядке⁹.

На применении смертной казни органами ЧК вопреки нормам советских декретов, по законам военного времени настаивали руководители местных партийных комитетов. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области на хранении находится показательное в этом отношении извлечение из постановления губернского комитета РКП(б), датированное 23 октября 1920 г. По результатам обсуждения доклада о деятельности Иркутской губчека на заседании было вынесено постановление о расширении чрезвычайных полномочий местной ЧК — применении «суровых мер наказаний» вплоть до смертной казни в виде расстрела в отношении участников крестьянских восстаний, белогвардейских банд, лиц, препятствующих реализации продразверстки, членов волостных и сельских революционных комитетов, совершавших преступления как путем действия, так и путем бездействия — не противодействовавших надлежащим образом антисоветским мятежам. В указанном документе подчеркивается, что сотрудники Иркутской губчека получали право применять смертную казнь по установлению факта преступления на месте его совершения, без процедуры следствия и суда¹⁰.

Названные документы наглядно демонстрируют то обстоятельство, что органы губернских ЧК на местах, де-факто находились в подчинении не столько аппарата Всероссийской ЧК, как это принято считать в науке, сколько в распоряжении многочисленных местных органов советской власти, по своему усмотрению определявшие основы их правового положения исходя

из военно-политических условий конкретной территории. Губчека и их уездные аппараты фактически находились в подчинении ВЧК, ее полпредов, исполнительных органов советской власти на местах, командования военных округов, а кроме того, исполняли указания партийных комитетов, отчитываясь перед ними за свою деятельность. Вместе с тем инструкции за 1918 г., принятые с участием сотрудников ВЧК в момент организации ее местных органов, определяли положение, что они создаются и функционируют, напрямую подчиняясь Всероссийской комиссии и выполняя исключительно ее распоряжения и распоряжения исполкомов местных советов¹¹.

К **внутренним документам** относились собственно служебные документы, издаваемые от имени начальствующего состава губернских и уездных комиссий, которые, в свою очередь, также можно классифицировать по некоторым основаниям.

Во-первых, документы по личному составу, раскрывающие еще не так полно изученные историко-юридической наукой вопросы о правовом положении самих чекистов. К ним относятся приказы губчека, которые регламентировали довольно широкий спектр отношений, в том числе трудовой распорядок, условия службы штатных сотрудников. Эти документы наглядно демонстрируют их строгое служебное подчинение руководителям более высоких уровней, широкие полномочия и чрезвычайные методы обеспечения со стороны начальствующего состава служебной дисциплины среди сотрудников различных структурных подразделений местных органов ВЧК. Так, одним из приказов Енисейской губчека от 08.03.1920 всем сотрудникам предписывалось нести военную службу не 20 часов, а 24 часа в сутки, не считаясь со временем. За любую проявленную по службе халатность виновных в этом сотрудников полагалось подвергать аресту до 10 суток, а за более серьезные проступки, в том числе уклонение от службы, направлять в штрафные роты со всеми вытекающими последствиями¹². В Иркутской

⁸ Постановление ВЦИК от 20.01.1919 «Об упразднении уездных ЧК» // Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 301–302.

⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 90–90об.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

¹¹ Положение о чрезвычайных комиссиях на местах от 11.06.1918, принятое на Всероссийской конференции чрезвычайной комиссии // Нормативные правовые акты об организации и оперативно-служебной деятельности органов ВЧК: хрестоматия / сост. Е. А. Шаталов. Абакан, 2011. С. 12.

¹² Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

губчека 21 октября 1920 г. был объявлен приказ № 98 начальника, согласно которому любые заявления об отпуске среди сотрудников квалифицировались как саботаж, в связи с чем виновные в этом лица незамедлительно подвергались наказанию в виде ареста¹³. В Томской губчека председатель систематически по различным основаниям подвергал своих сотрудников аресту, о чем свидетельствуют его приказы. Так, с формулировкой «за невнимательное отношение к своим обязанностям» некий комендант Воронцов был подвергнут аресту на семь суток с дальнейшим увольнением из органов¹⁴.

Во-вторых, документы, свидетельствующие о нормотворческой деятельности органов ВЧК в сфере уголовного права. В военных условиях сотрудники ЧК, наделенные широчайшими полномочиями, довольно часто отступали от предписаний декретов, издаваемых высшими органами советской власти. В некоторых случаях это объяснялось и отсутствием связи, в силу чего не всегда удавалось обеспечить значимыми юридическими документами органы власти на местах. Подтверждение этому можно также найти в архивных документах. По словам начальника Особого отдела Енисейской губчека Н. Х. Молчанова, «действительные и злостные враги рабоче-крестьянской власти вскрывались весьма успешно, и если были какие-то шероховатости, то только из-за отсутствия инструкций и указаний из центра»¹⁵.

В таких условиях службы сотрудники ЧК, руководствуясь революционным правосознанием, самостоятельно определяли преступность и наказуемость тех или иных деяний. Показательным в этом отношении является ряд архивных документов. Так, приказом № 26 от 29.09.1920 уполномоченный Иркутской губчека ввел запрет на организацию и проведение азартных игр среди населения Якутского района, при этом самостоятельно определив меру наказания за подобные деяния в виде лишения свободы, конфискации имущества и смертной казни¹⁶. На уровне уездов комиссиями издавались похожие нормативные акты, определявшие различные меры наказания вплоть до

смертной казни за совершение грабежей, за участие в банде и укрывательство ее членов и многое другое.

В Государственном архиве города Минусинска Красноярского края можно обнаружить довольно содержательный в этом отношении документ. В начале 1920 г. на совещании ответственных работников в Минусинском уезде Енисейской губернии с участием председателя местной ЧК Т. И. Мордвинова было принято постановление, наделявшее его ведомство полномочиями по назначению наказаний за преступления антисоветского характера. Всех лиц, чья вина в «контрреволюционных деяниях при Колчаке» была доказана, согласно этому постановлению надлежало осудить и в качестве наказания принудительно отправить на Западный фронт в штрафные роты «для искупления вины кровью» либо по усмотрению начальствующего состава уездной ЧК избрать иные меры принудительной изоляции «вредного элемента»¹⁷.

В-третьих, следственные дела, приговоры, отчетливо характеризующие общие и специфические черты правоприменительной деятельности ЧК. Особый интерес они представляют именно с точки зрения квалификации, назначения наказаний за преступления, которые были подсудны этим органам. В условиях отсутствия в Советской России единого уголовного закона, источников официального толкования уголовно-правовых норм элементы составов преступлений уточнялись именно в ходе практической деятельности. Так, например, обстоит дело с таким составом преступления, как «контрреволюция», объективной стороной которого, как показывают протоколы за 1920 г. Новониколаевской губчека, чаще всего являлась любая форма участия в антисоветских восстаниях, служба в армии Колчака или какая-либо приверженность к его власти, а также «издевательство над сторонниками советской власти», их предательство, участие в белогвардейской организации, «укрывательство под чужой фамилией красноармейца» и даже производство незаконного обыска от имени советской власти и дальнейшее присвоение изъятых вещей

¹³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 868. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

¹⁴ Приказ Томской губернской ЧК № 64 от 13.03.1920 // Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 55.

¹⁵ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

¹⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 216. Оп. 1. Д. 142. Л. 43.

¹⁷ Архив города Минусинска Красноярского края. Ф. 25. Оп. 1. Д. 131. Л. 3.

и т.д.¹⁸ Сотрудники Красноярской губчека в качестве контрреволюционных преступлений признавали еще и «участие в политической банде», «участие в контрреволюционной связи с бандитами»¹⁹.

Практика назначения уголовных наказаний от региона к региону существенно отличалась. Так, за преступления с одинаковой степенью общественной опасности и совершенные при похожих обстоятельствах строгость меры наказания во многом зависела от военного положения в губернии и личного усмотрения сотрудников. Об этом свидетельствует проект Иркутского губернского бюро РКП(б) 1921 г. «О слиянии органов ЧК Иркутской губернии», предложенный начальству Особого отдела 5-й армии, губчека, транспортных ЧК и ревтрибуналам. В этом документе сообщалось: «...отсутствие кодифицированных мер наказания за те или иные преступления, расследуемые ЧК, влечет различные приговоры по совершенно аналогичным во всех отношениях делам, создает у населения случайность судебных приговоров в зависимости от того, в какую ЧК или трибунал дело попало»²⁰.

Подобное утверждение имело под собой некоторые основания. По одному из рассмотренных контрреволюционных дел — «участие в заговоре польских организаций» — Красноярской губчека в отношении арестованных поляков был вынесен обвинительный приговор от 29.08.1920 с назначением наказания в виде лишения свободы в концентрационном лагере²¹. В Новониколаевской губчека за этот же период деятельности сложилась иная практика, когда за любое участие в контрреволюционных организациях, как правило, назначалось наказание в виде смертной казни.

В-четвертых, это краткие ведомственные инструкции, содержащие правовые нормы, регламентировавшие некоторые вопросы досудебного производства. В качестве примера

можно обратиться к архивным фондам Иркутской губчека, где на хранении находится инструкция от 26.12.1920 «О порядке направления в ЧК дел, арестованных по ним вещественных доказательств». Этот акт регламентировал порядок направления протоколов обыска, изъятых вещей, заключения арестованных лиц под стражу в тюрьме²². Инструкция Иркутской губчека от 02.10.1920 «По учету заподозренных, разыскиваемых и арестованных» регулировала вопросы учета находящихся и освобождаемых из-под стражи лиц, составления сопутствующей отчетности и документации, должностные обязанности отдельных сотрудников²³. При этом наиболее принципиальные вопросы уголовного процесса о подсудности дел длительное время оставались нерешенными, периодически уточнялись, в связи с чем на губернском уровне приходилось в ультимативной форме разъяснять подведомственным органам, что ЧК созданы не для того, чтобы расследовать дела о «мелкой» спекуляции, убийствах, кражах, «мелких» преступлениях по должности²⁴. Циркуляром Енисейской губчека от 03.02.1921 ее начальник настаивал, чтобы подобные дела для дальнейшего расследования направлялись в милицию и народные суды, а в комиссию поступали исключительно дела о «вооруженных грабежах» и «бандитских налетах»²⁵.

Подобные документы демонстрируют результаты нормотворческой деятельности сотрудников ЧК в сфере уголовно-процессуального права, с развитием которого было немало проблем у советской власти, особенно на местах. В ходе революции и гражданской войны переосмысление положений законов царской России, выработка правовых норм в более актуальной для новых условий редакции происходила как некоторая реакция на систематически возникавшие внутри- и межведомственные конфликты между ЧК и другими карательными органами по поводу дублирования полномочий

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области. Ф-Р. 1137. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

¹⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. № 08150; 020926; П — 23485; П — 23408; 23417; П — 22618.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 136. Л. 2–3.

²¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23485.

²² Государственный архив Иркутской области. Ф. 868. Оп. 1. Д. 4. Л. 62–62об.

²³ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-145. Оп. 4. Д. 6. Л. 30.

²⁴ Циркуляр Енисейской губчека от 20.12.1920 // Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 115.

²⁵ Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 110. Л. 392.

и иных вытекающих из этого организационно-правовых проблем.

В-пятых, контрольно-надзорная документация, содержащая сведения о нарушениях в деятельности комиссий, проблемах обеспечения революционной законности, имеющая огромное практическое значение, в частности для установления фактов нарушения прав и свобод человека и дальнейшего принятия решений о реабилитации жертв политических репрессий. В основном она представлена отчетами местных отделов юстиции и рабоче-крестьянской инспекции.

Анализ документов дает основание обобщить наиболее часто совершаемые чекистами правонарушения. Во-первых, нарушение общих принципов уголовной политики советской власти. В одном из обращений за 1920 г. заведующего губернским отделом юстиции Красноярского губернского ревкома сообщалось, что губчека выносит обвинительные приговоры с назначением наказания в виде смертной казни, не учитывая возраст подсудимых и тот факт, что большую часть из них составляли крестьяне²⁶. По словам заведующего, только в одном заседании губчека были вынесены приговоры в отношении 16 подсудимых из числа пролетариев, которых далее незамедлительно подвергли расстрелу, тогда как по общему правилу к представителям рабоче-крестьянских слоев населения должны были применяться более мягкие виды наказания. Во-вторых, нарушение сроков содержания под стражей. В Иркутской губернии при проведении сотрудниками РКИ проверок в местах содержания под стражей было установлено, что из 586 человек, арестованных губчека, третья часть находилась под стражей в течение 2–3, а некоторые и 5 месяцев, половине из них не было предъявлено обвинение. Аресты, по словам инспекторов, в

большинстве случаев производились без каких-либо оснований, как правило, по «безответственным» доносам²⁷.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что архивные материалы о деятельности местных органов ВЧК достаточно информативны. Они дают реальную возможность оценить наиболее распространенные проблемы их становления, особенности нормотворческой, карательной деятельности в сфере применения мер принуждения в отдельных административно-территориальных единицах РСФСР, которые повсеместно расходились с положениями законодательных актов, политико-идеологическими требованиями и стандартами высших органов власти Советской Республики. Важно отметить, что подобный фактологический материал может иметь и прикладное значение, в том числе для практики рассмотрения дел о реабилитации жертв политических репрессий правоохранительными органами РФ.

При верном методологическом подходе к работе с архивными документами они дают уникальную возможность для научного исследования организационно-правовых проблем становления, деятельности и других органов советской власти, таких как, например, рабоче-крестьянская милиция, ревтрибуналы, в наиболее сложный период российской истории, представляя собой ценное и порой единственное средство ее осмысления.

Повышение объективности исследований деятельности органов ВЧК также возможно через более глубокое понимание юридической природы, взаимодополняемости архивных документов, установление факта их подлинности, выработку методологических приемов, алгоритма работы с ними, где непременно есть свои чрезвычайно важные особенности, требующие отдельных научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов. М., 1987.
Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968.
Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сборник документов / под ред. Н. М. Полякова. М., 1958.
Мильштейн Н. Я. Правовое регулирование деятельности органов госбезопасности Узбекистана (1921–1932 гг.). Ташкент, 1974.
Чистяков О. И. Проблемы истории государства, права и политических учений : сборник статей. М., 1974.

²⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 16–16об.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

Шаталов Е. А. Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.

REFERENCES

Chistyakov OI. *Problems of the history of the state, law and political teachings*: A collection of articles. Moscow; 1974. (In Russ.).

Decrees of the Soviet government. Vol. 4. Moscow; 1968. (In Russ.).

Lenin VI. and the Cheka: A collection of documents. Moscow; 1987. (In Russ.).

Milstein NYa. *Legal regulation of the activities of the state security agencies of Uzbekistan (1921–1932)*. Tashkent; 1974. (In Russ.).

Polyakov NM, editor. *From the history of the All-Russian Extraordinary Commission of 1917–1921*: A collection of documents. Moscow; 1958. (In Russ.).

Shatalov EA. *Organizational and legal foundations of the activities of the extraordinary commissions in Eastern Siberia (1920 — February 1922)*. Cand. Diss. (Law). The author's abstract. Омск; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий
д. 10, Плахотного ул., г. Новосибирск, 630108, Российская Федерация
penalize@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal and Social Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
penalize@rambler.ru

*Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 8 мая 2024 г.
Принята к печати 15 июня 2024 г.*

*Received 25.03.2024.
Revised 08.05.2024.
Accepted 15.06.2024.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

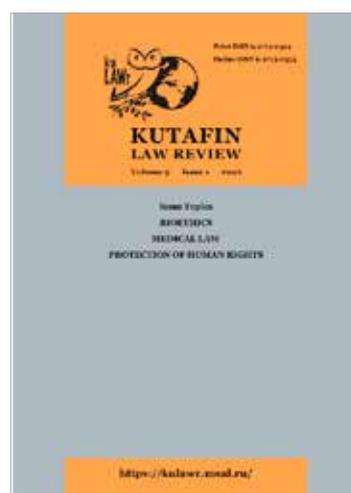
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008